

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Омская академия

ПРАВО И ПОЛИТИКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Материалы Девятой международной
научно-практической конференции
(25–26 ноября 2021 г.)*

Омск
ОМА МВД России
2022

УДК 342.1/.3(082)

ББК 67.0

П68

Редакционная коллегия:

С. К. Буряков — кандидат политических наук (*председатель*);

Т. Е. Грязнова — доктор юридических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
(*заместитель председателя*);

М. А. Кожевина — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;

А. В. Червяковский — кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Быков — кандидат исторических наук, доцент (*ответственный секретарь*)

П68 **Право и политика: история и современность** : мат-лы Де-
вятой междунар. науч.-практ. конф. (25–26 ноября 2021 г.) / пред.
редкол. С. К. Буряков. — Омск : Омская академия МВД России,
2022. — 200 с.

ISBN 978-5-88651-790-3

В сборнике представлены материалы докладов, авторы которых рассматривают теоретические и практические проблемы правообразования на современном этапе и в исторической ретроспективе. Сообщения участников круглого стола освещают широкий круг вопросов, связанных с осмыслением теоретических, методологических, исторических аспектов развития юридической науки.

Предназначено для профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, докторантов, адъюнктов и аспирантов образовательных организаций МВД России, иных образовательных и научных организаций.

УДК 342.1/.3(082)

ББК 67.0

ISBN 978-5-88651-790-3

© Омская академия МВД России, 2022

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

М. А. Бучакова

Проблемы конституционного правообразования

Правообразование играет значительную роль в юриспруденции, поскольку в рамках данного процесса образуются и устанавливаются нормы права. Такой процесс именуется по-разному, но чаще всего используются термины «правотворчество» и «правообразование». Однако между этими понятиями есть различие, заключающееся в том, что правотворчество выступает заключительным этапом правообразования. Правоведы неоднозначно подходят к вопросу о соотношении этих двух понятий: одни рассматривают его в широком смысле, другие — в узком, но все соглашаются с тем, что данный процесс является сложным, длящимся, основывающимся на разноплановых факторах, имеющих объективный и субъективный характер. Объективность процесса образования права связана с тем, что он осуществляется на основе потребностей развития общественного сознания, а правотворческая деятельность обусловлена государственным волеизъявлением.

Конституционное правообразование — это составляющая часть процесса правообразования в целом. Исходя из роли и значения конституционного права в системе российского права, конституционное правообразование выступает наиболее значимой составляющей процесса правообразования. Основу конституционного правообразования составляют не только Конституция РФ и акты конституционного характера, но и конституционные теории, доктрины, обосновывающие необходимость создания и развития тех или иных правовых институтов. Результатом данной деятельности является принятие нормативного акта конституционного характера. Правовую основу конституционного правообразования составляет ст. 135 Конституции РФ, согласно которой оно осуществляется либо Федеральным Собранием РФ и потому протекает в форме законотворчества, либо Конституционным Собранием, если поддержано предложение о пересмотре положений глав 1, 2 и 9 Конституции РФ.

Развитие Конституции РФ происходит не только посредством текстовых изменений, но и через деятельность Конституционного Суда РФ. В ходе осуществления конституционного судопроизводства Суд принимает решения в форме постановлений, заключений, определений, являющихся окончательными и не подлежащих обжалованию. Таким образом обеспечивается реализация конституционных положений и осуществляется процесс конституционного правотворчества. Н. С. Бондарь отмечает, что принимаемые Конституционным Судом РФ решения «как бы примыкают к Конституции, составляя вместе с ней особый вид конституционных источников права», однако при этом обозначает его (этот вид) в качестве «результата деятельности Конституционного Суда», особого источника права — «конституционно-судебных нормоустановлений» [1, с. 120–122].

Конституционное правообразование в России имеет свои особенности. В частности, к ним следует отнести заимствования конституционных институтов зарубежных государств, нехарактерные для России и свойственные в большей мере другим правовым системам, например англосаксонской (закрепление в Конституции РФ ст. 12, устанавливающей самостоятельность местного самоуправления от государственной власти). Кроме того, в последнее десятилетие активно разрабатывается конституционная проблематика абсолютно нового свойства, в основу которой положены глубокие теоретические проблемы с преломлением их к сфере конституционных отношений, появляются новые конституционные термины, такие как «конституционный правопорядок», «конституционное правосознание», «конституционное правопользование», «конституционная девиантология» и «конституционная деликтология», что вызывает в научной среде споры относительно научной новизны вводимых понятий и их обоснования.

Наиболее болезненной в процессе конституционного правообразования видится проблема расхождения между научными доктринами, идеями, концепциями и отдельным актом правотворчества, результатом чего становится принятие конституционного акта, отличного от общих научных подходов к развитию конституционного законодательства.

Список источников

1. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в сфере конституционного правосудия. М., 2011.

Т. Е. Грязнова

Проблемы правотворчества в юридической науке Российской империи конца XIX — начала XX вв.

Проблемы усовершенствования законодательства попадают в поле зрения отечественных мыслителей начиная с XVIII в. Реформы Петра I позволили России приобщиться к европейскому просвещению и образованию, соответственно, накопленному более чем за тысячелетнюю историю политико-правовому знанию, представленному целым спектром научных направлений и школ. Авторы первых рационалистических теорий права и государства (И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, А. Н. Радищев, С. Е. Десницкий и др.) во многом под влиянием европейской традиции обращаются к интерпретации позитивного права, в рамках изучения которого ставят вопросы систематизации законодательства, процедуры принятия законопроектов, создания нового Уложения, качества издаваемых законов и т. д.

Однако говорить об истоках формирования современной теории правотворчества, на наш взгляд, можно лишь применительно к российской юриспруденции рубежа XIX–XX вв. Развитие университетского образования и отраслевых юридических наук, активное формирование новых по отношению к классическому позитивизму подходов к пониманию права обусловили переход отечественной юриспруденции от решения прикладных задач к профессиональному юридическому мышлению. Модернизация страны, обострение социальных противоречий, низкая правовая культура большей части населения, широкое распространение идей конституционализма, а также радикальных политических идеологий актуализировали проблему трансформации правовой системы России в соответствии с потребностями эпохи, решение которой для либерально настроенных ученых было очевидно. Не случайно в работах профессиональных юристов, как теоретиков, так и практиков, вопросам законодательства отдается безусловный приоритет.

Именно в этот период в российской юриспруденции вводится в научный оборот понятие «правотворчество» [1, с. 71, 77; 2, с. 463], трактуемое как деятельность государственных органов и должностных лиц по подготовке, принятию и изменению законов и других актов, содержащих нормы права.

Правотворчество как завершающий этап правообразования является собой результат воздействия целого ряда факторов, к числу которых ученые относят общие исторические закономерности, географические

условия, национальные и религиозные особенности населения, уровень экономического развития, правосознание граждан, влияние иностранных заимствований.

Идея влияния геополитических факторов на законодательство не нова. Она активно разрабатывается в российской политико-правовой мысли начиная с XVIII в. Однако в рассматриваемый период имеет место значительное расширение спектра воздействующих на право обстоятельств, обозначенных российскими учеными в качестве важнейших проблем правотворчества.

Так, принципиальное значение для развития правовой системы Российской империи представляла проблема соотношения норм национального и международного права. Согласно взглядам П. И. Новгородцева, универсализм выражающих общечеловеческие ценности естественно-правовых принципов, их нормативное закрепление в основных законах обусловили признание в качестве определяющих гуманистических норм международного права [3, с. 397]. Г. Ф. Шершеневич отмечает: «Национальный характер право носит только в самом начале культурной жизни, когда общественный союз держится изолированно... Чем больше втягивается народ в жизнь других народов, тем более испытывает он воздействие чужого права» [4, с. 444].

Четко разграничивая государственные и международную правовые системы, российские юристы, независимо от типа правопонимания, признавали правомерность влияния принципов международного права на национальное законодательство, но лишь в той мере, в какой это позволит приблизиться к идеалу правового социального государства.

Особую значимость в процессе правотворчества, по мнению отечественных ученых, играет фактор борьбы за содержание права, весьма актуальный в российских реалиях рубежа веков. Так, никоим образом не отрицая внутренние закономерности развития права, Н. М. Коркунов подчеркивает, что оно «представляет собой борьбу старого, бессознательно установившегося права с новым, сознательно вырабатываемым» [5, с. 153].

Г. Ф. Шершеневич, обращая внимание на факт непрекращающейся классовой борьбы за право, считает необходимым обеспечение «широкого простора для идейной борьбы», сводимой «к убеждению общественной массы в необходимости преобразования права в том или ином направлении в целях примирения недовольных с существующим порядком» [4, с. 443]. Нивелирование классовых противоречий авторы связывают с эффективной законодательной деятельностью, отвечающей интересам подавляющего большинства населения страны.

Осознание определяющей роли правотворчества для поступательного развития современных государств обусловило исключительное внимание юристов к зарубежному конституционному праву, в рамках осмысления которого были детально разработаны вопросы субъектов, стадий и принципов правотворчества, иерархии нормативных правовых актов.

Важнейшей проблемой в российских реалиях рубежа веков являлась проблема эффективности права, решение которой ученые связывают с соблюдением субъектами правотворчества пределов правового регулирования, выбором оптимальных методов правового регулирования, повышением качества подготовки нормативных правовых актов, развитием законодательства в соответствии с общепризнанными юридическими принципами и потребностями общества, с повышением правосознания граждан, эффективным функционированием судебной системы, с наличием стабильного правопорядка.

Отдельной проблемой правотворчества в Российской империи отечественные юристы считают отсутствие системности и планового характера правоподготовительных работ. Ее решение сторонники нормативизма, социологической, психологической и интегративной теорий (С. А. Муромцев, Ф. Ф. Кокошкин, Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич, Б. А. Кистяковский и др.) усматривают в создании политики права — прикладной науки, назначение которой состоит в критическом анализе существующего правопорядка; формировании правового идеала, отвечающего потребностям и уровню развития общества; разработке законопроектов, направленных на трансформацию существующей правовой системы в желаемом направлении.

Как видим, на рубеже XIX–XX вв. российскими юристами были заложены основы современной теории правотворчества: введено и раскрыто понятие, обозначающее сущность этой деятельности; выявлены факторы, оказывающие воздействие на правотворческий процесс; разработаны вопросы, касающиеся стадий законотворческого процесса, субъектов, принципов правотворчества; обозначен ряд проблем, не потерявших своей актуальности по сей день (эффективность права, соотношение норм национального и международного права, совершенствование законодательной техники, системность и планирование правоподготовительных работ и др.); осмыслено значение правотворчества для политического и социального реформирования.

К сожалению, все богатство этих идей в силу объективных и субъективных причин не успело найти отклика у субъектов правотворческой

деятельности, а революционные катаклизмы недалекого будущего, по сути, обесценили его на целое столетие.

Список источников

1. Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское). Лекции Б. А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/9 академическом году. М., 1909.

2. Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. СПб., 1908. Т. I.

3. Новгородцев П. И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. IV.

4. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Избранное : в 6 т. Т. 4 / вступит. слово, сост. П. В. Крашенинников. М., 2016.

5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / предисл. И. Ю. Козлихина. СПб., 2003.

В. В. Денисенко

Легитимность права и правообразование

Теория правообразования и правотворчества в отечественной науке является одной из традиционных тем, однако следует констатировать необходимость модернизации ряда сложившихся положений в условиях современного государства и общества. Как справедливо пишет И. Л. Честнов, «отечественная наука до сих пор рассматривает процесс правотворчества с позиции концепции „законодательного разума“ [1, с. 65].

Правотворчество рассматривается без учета многих факторов, влияющих на него, а именно факторов правообразования. В современном обществе важнейшим фактором правообразования выступает расширение предмета правового регулирования, в процессе которого происходит замена законом иных социальных норм. Такой процесс получил название «юридификация общества» [2, с. 159]. Расширение сферы действия закона является неизбежным следствием формирования социального государства и направлено на защиту прав и свобод граждан, однако этот процесс одновременно приводит и к негативным последствиям [3, с. 19]. Еще М. Вебер указывал, что регулирование в социальном государстве подавляющего большинства отношений законами приводит к феномену «железной клетки» законов, когда у граждан будет не больше прав, чем у рабов в Древнем Египте. Вебер также писал, что законодательное регу-

лирование частной сферы приводит к такому негативному явлению, как «потеря смысла» законом [4, с. 119]. Увеличение количества законов приводит к тому, что большинство граждан перестают понимать их смысл, при этом мельчайшая регламентация жизни происходит небольшим количеством законодателей, что не дает возможности гражданам своевременно влиять на правотворчество. Такое положение в обществе привело во второй половине XX в. к кризису правового регулирования в Европе и Северной Америке. В этот период увеличивается количество экстремистских религиозных групп, наблюдается рост преступности, несмотря на экономическое благополучие. В качестве выхода из кризиса был предложен так называемый делиберативный поворот. Делиберативная демократия характеризуется: «равенством участников обсуждения (каждый имеет право высказывать свое мнение, при этом голоса участников признаются равными); отсутствием принуждения к вступлению в дискурс и незаконного лишения права голоса (свобода участия в дискурсе); качественным и всесторонним изучением затрагиваемого вопроса; морализующим воздействием на акторов (сведение к минимуму эгоистических предпочтений)» [5, с. 371]. Начиная с 90-х гг. XX в. стало общепризнанным, что публично-правовые решения должны быть не только законными, но и легитимными через делиберативные процедуры. Следует напомнить, что легитимность и законность различаются. Легитимность права — это признание позитивного права субъектами в качестве законных, принятие личностью, социальными группами и обществом в качестве правил поведения [6, с. 15].

Для отечественной правовой системы характерны те же особенности юридикации, что и для европейского права. Поэтому можно с уверенностью сделать вывод, что для эффективного правового регулирования теория правообразования должна учитывать не только законность, но и легитимность права. Делиберативные и алеаторные процедуры, служащие фундаментом правопорядка в зарубежном праве, могут и должны быть использованы и в отечественных правовых институтах.

Список источников

1. *Честнов И. Л.* Постклассическая теория права. СПб., 2012.
2. *Денисенко В. В.* Юридикация общества как научная проблема современной правотворческой техники // Юридическая техника. 2012. № 6.
3. *Зайцева Е. С.* Факторы установления пределов правового регулирования // Правовая парадигма. 2021. Т. 20. № 3.
4. *Вебер М.* Политические работы. М., 2003.

5. *Кимлика У.* Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева, М., 2010.

6. *Денисенко В. В.* Легитимность как характеристика сущности права. Введение в теорию. М., 2014.

Т. Л. Матиенко

Особенности правообразования в Древней Руси: правовой обычай и закон

Рассмотрение вопроса об особенностях правообразования в Древней Руси находится в смысловом пространстве дискуссионных теоретико- и историко-правовых проблем: о категории «правообразование», правовом обычае как форме позитивного права, особенностях правотворчества в Древней Руси, взаимодействии правового обычая и закона в эпоху Русской Правды.

В разработке смыслового содержания категории «правообразование» господствующие позиции занял социологический подход, где для большинства авторов правообразование — это процесс формирования норм права, имеющий источником объективную общественную потребность в нормативных регуляторах [1, с. 5]. Внешней формой выражения социальных стандартов поведения каждого члена общества являются обычаи и традиции. Но этот же стандарт и есть правовая норма в собственном смысле слова, т. е. общепризнанная форма волевых общественных отношений. Поэтому не вызывает сомнений, что право возникает из обычая, когда, по мнению С. А. Муромцева, «обычный порядок отношений в широком смысле служит подкладкой действующих юридических норм». Далее автор замечает: «но обычным правом мы называем только ту часть этого порядка, которая непосредственно, в качестве общепризнанного высшего авторитета становится основой судебного решения» [2, с. 106].

Функция правосудия имманентна публичной власти с самого момента политогенеза. Например, в арабско-персидских источниках начала X в. содержатся сведения об исполнении хаканами (царями) восточнославянских протогосударств судебных функций и вынесении ими карательных приговоров на основе обычаев [3, с. 367–379]. Примеры принудительной силы формирующейся публичной власти служат обоснованием суждения о том, что обычное право — это способ официально-властного признания и формулирования правила поведения, объективно сложившего-

ся в конкретном обществе, т. е. если обычай — это источник права, то обычное право — это форма позитивного права, возникающая уже на начальной стадии политогенеза.

Уникальность истории древнерусского обычного права определяется тем, что его отдельные установления получили отражение в договорах Руси с Византией X в. под номинацией Закон Русский. Споры о генезисе и действии этого источника не утихают с XIX в. и проходят в диапазоне от признания его скандинавских корней (Н. М. Карамзин, И. Ф. Эверс, М. П. Погодин) до его отождествления со славянским обычным правом (О. В. Ключевский, Д. Я. Самоквасов, В. И. Сергеевич, С. В. Юшков, В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, М. В. Свердлов). Однако взгляды сторонников восточнославянского происхождения Закона Русского расходились в вопросе его формы: обычное право, как считает большинство ученых, или княжеский закон, как предположили Л. В. Черепнин (Княжеский кодекс IX–X вв.) [4, с. 139–146] и А. А. Зимин (уставы, поконы X в.) [5, с. 234–240]. При этом вне зависимости от характеристики формы Закона Русского исследователи солидарно и бесспорно признают его материальной основой Русской Правды. Неопределенность в вопросе о форме древнерусского обычного права создала почву для реабилитации норманской теории его происхождения. Неонорманисты (В. И. Меркулов, О. Л. Губарев, Е. А. Мельникова), используя посыл о Законе Русском как писаном обычном праве, пытаются обосновать гипотезу о своде варяжских законов (Варяжская Правда) как правовом предшественнике Русской Правды и выдвигают на эту роль Правду англо-варин (Lex Angliorum et Verinorum) IX в. [6, с. 113]. Основанием при этом служит однотипность правового содержания Правды Ярослава (древнейшей части Краткой Правды) и Варяжской Правды. Однако, исходя из историко-правовой закономерности о тождестве правовой формы при выражении сходных общественных отношений, данная гипотеза безосновательна.

Более того, Правда англо-варин — запись племенного права, и в науке прочно утвердилась концепция Закона Русского как надплеменной единой правовой системы (А. А. Зимин, М. В. Свердлов) [5, с. 230–244; 7, с. 12, 171–173]. Аргументами этой концепции является повествование летописи о разноплеменном составе дружин Олега (907 г.) и Игоря (944 г.) в походах на Византию и указание в русско-византийских договорах на то, что со стороны Руси они были заключены «от всех, иже суть под рукою его» (т. е. князя Олега, 911 г.); «и от всех люди Руския земля» (944 г.). Отрицание племенного характера Закона Русского подталкивает к суж-

дению о нем как территориальном обычном праве, что еще во второй половине XIX – начале XX вв. обосновали основоположники историко-юридического направления российской науки [8, с. 111].

Согласно установленным историческим фактам закон стал известен в Древней Руси после принятия в качестве официальной религии христианства в 988 г. и последовавшей затем частичной рецепции византийского права, том числе и его форм. Последнее выразилось в разработке Церковных уставов князей Владимира и Ярослава, а также Русской Правды.

В длящихся почти два века дискуссиях о Русской Правде вопросы сугубо юридического характера не ставились по причине крайней скудости письменных источников по древнейшей российской правовой истории. Существенным их восполнением стало самое крупное открытие археологии XX в. — берестяные грамоты (в настоящее время в культурных слоях одиннадцати городов их найдено свыше 1130). Результаты их изучения предоставили возможность конкретизировать процесс взаимодействия обычного права и закона в правовой реальности древнерусской эпохи, так как они дают представление о практике судопроизводства как сферы непосредственного применения и действия права. Из общего массива берестяных грамот, относящихся по стратиграфической дате к периоду XI – начала XIII в., около семнадцати доносят свидетельства о процедуре свода, применении ордалий (испытания водой и железом), вирных платежах, судебном представительстве, субъектах и порядке судопроизводства.

Самая известная грамота № 109 рубежа XI – XII вв. «От Жизномира к Микуле» о купленной в Пскове украденной (или беглой) рабыне содержит ценные сведения о своде (первым на это указал А. В. Арциховский) и институте поручительства. Содержание процедуры свода (ст. ст. 13, 14, 16 Краткой Правды, ст. ст. 35–39 Пространной Правды) не вызывает разногласий ученых, в отличие от его оценок как правовой процедуры, а также функции и роли в судопроизводстве. Свод восходит к обычному праву, но его цель как урегулированной законом досудебной процедуры — установление и привлечение вора («конечного татя») к ответственности по суду. Сомнений в том, что эта ответственность была уголовной, не оставляет двучленная структура правовой нормы (диспозиция — санкция) и характер санкции — «продажа» (уголовный штраф в княжескую казну). Фраза «а се ти хочоу коне коупив и княжа моужа всадив та на своды» демонстрирует, что автор грамоты имел четкое представление о содержании и назначении свода в защите собственных имущественных и личных притязаний. Упоминания о своде как о нормальной и стандартной форме досудебного производства встречаются и в берестяных грамотах

XIII–XV вв., что указывает на действие закона как правовой реальности и на его соответствие обычному праву.

Яркой демонстрацией отражения в обыденном правосознании консолидации обычного права и закона выглядит угроза автора грамоты № 238 (рубеж XI–XII вв.) вызвать нечестного кредитора, требующего «восемь кун и гривну» вместо «двух кун», на «испытание водой», что созвучно с положением ст. 22 Пространной Правды и означало ордалий (испытуемый должен был достать голый рукой кольцо со дна сосуда с кипящей водой, или его, связанного веревкой, бросали в воду: тонет — значит невиновен).

В контексте историко-правового подхода правообразование и литогенез интегрированы. В Древней Руси правовой обычай и закон сосуществовали как равнозначные формы древнерусского права. Материальное содержание правовых норм Русской Правды восходит к древнерусскому территориальному обычному праву, переведенному княжеской кодификацией в статус буквы закона. Уникальность Русской Правды заключалась в непротиворечивости, а иногда даже в тождестве содержания обычного права и закона, что предопределило ее авторитет как общерусского закона, действовавшего и после распада Древнерусского государства, вплоть до образования Московского централизованного государства и принятия его первого закона — Судебника 1497 г.

Список источников

1. *Афанасьев В. С.* Правообразование и правотворчество // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 1(4).
2. *Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 2003.
3. *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти чл.-кор. РАН А. П. Новосельцева / отв. ред. канд. ист. наук Т. М. Калинина. М., 2000.
4. *Черепнин Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское право и его международное значение. М., 1965.
5. *Зимин А. А.* Феодалная государственность и Русская Правда // Исторические записки. М., 1965. Т. 76.
6. *Меркулов В. И.* Русская Правда и истоки древнерусского права // Русин. 2014. № 2(36).
7. *Свердлов М. В.* От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.
8. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995.

С. Б. Поляков

Право и политика = правила и ручное управление = стихия и рациональность

В вынесенном в заголовок доказываемом тезисе две первые стороны противоположностей — право и правила против политики и ручного управления — имеют очевидные связи.

При обилии правопониманий в праве все связывают его с упорядочиванием общественных отношений по известным правилам. Как писал Дж. Локк, «во всех случаях, когда имеются два каких-либо человека, у которых нет ни постоянного правила, ни общего судьи, к которому они могли бы обратиться на земле для решения их споров о том, кто из них прав, они все еще находятся в естественном состоянии» [1, с. 311]. А в естественном состоянии, «во-первых, не хватает установленного, определенного, известного закона, который был бы признан и допущен по общему согласию в качестве нормы справедливости и несправедливости и служил бы тем общим мерилom, при помощи которого разрешались бы между ними все споры» [1, с. 334]. Решение конфликта судьей по праву заранее неизвестно.

В многочисленных определениях политики часто указываются признаки завоевания и удержания власти, достижения цели субъектами политической системы. Расхожая фраза «цель оправдывает средства» обычно связывается именно с политикой. Конфликт решается по индивидуальному приказу сильного его послушными подчиненными. Если этот конфликт интересен обладателю главной власти, то результат предскажем на 100%. Судья в системе ручного управления — не арбитр конфликта, а церемониймейстер.

Разница между правилами и ручным управлением хорошо видна в том, как происходит отбор на Олимпийские игры в разных странах. В некоторых — строго по результатам заранее объявленных отборочных соревнований. Если из-за случайного стечения обстоятельств непобедимый фаворит и рекордсмен мира не смог в них участвовать, то на Олимпиаду он не поедет. Это торжество правил. В других странах, в том числе в России, результаты отборочных соревнований не играют решающей роли. На Олимпиаду поедут те, чьи кандидатуры утверждают разные советы. Что лучше для медальной копилки страны, утверждать сложно. Но для конкуренции — двигателя прогресса во всем — нужны правила для выявления сильнейшего, а не назначение чемпионом любимчика власти.

Сравнение государственно-правовой действительности со спортом (игрой) вполне уместно. Американский социолог Д. Белл писал, что «эко-

номическая и социальная жизнь — это игра между людьми, прогнозирование которой имеет дело со стратегиями, диспозициями и ожиданиями, изменяющимися в ходе того, как индивиды стремятся, — либо сотрудничая, либо находясь в антагонистических отношениях с другими индивидами — увеличить собственные преимущества» [2, с. 286].

Противоположность связки «право – правила» против связки «политика – ручное управление» очевидна. «Где кончается закон, начинается тирания» [1, с. 379].

Противоположности по всеобщему закону диалектики единства и борьбы между собой не существуют друг без друга, переходят друг в друга. Массовое управление ручным способом объективно невозможно. Для этого у обладателя верховной воли не хватает ни глаз, ни рук. Реальное существование права заставляет утверждать, что оно есть введенная в закон воля господствующего класса, государственной власти [3, с. 340; 4, с. 443].

И. А. Ильин писал, что государство строится по принципу корпорации активных полномочных и равноправных деятелей либо учреждения, в котором люди получают от него благо и пользу, но не формулируют сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится и сверху, и снизу, и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления. Философ подчеркивал, что государство никогда не перестанет строиться по принципу учреждения [5, с. 21–26].

То же следует сказать о нормативном регулировании. Без правил (права) государственное управление невозможно. Но право регулярно в частных случаях подменяется ручным управлением.

Планомерность, рациональность, строгая корреляция решения и результата его исполнения — неотъемлемые свойства ручного управления. Ручное управление означает непрекращаемый сигнал с вершины власти о том, чем должен закончиться конфликт, увиденный с вершины. Все, в том числе какие-то правила, подчиняется индивидуальному приказу, как нужно сделать. В. М. Гессен писал: «...так называемая „административная гарантия“, т. е. требование разрешения начальства для привлечения к ответственности низших должностных лиц, является логическим следствием надзаконного характера административной власти вообще. Низшие агенты правительственной власти, действуя, хотя бы и незаконно, но соответственно „видам и намерениям высшего правительства“, никакой ответственности не подлежат» [6, с. 25].

Противоположностью рациональности является стихия. В исканиях онтологии права, однако, стихийность как его свойство чаще всего аксиоматически отрицается. Например, С. С. Алексеев утверждал, что по своим коренным особенностям право — форма объективированного бытия разума в области внешних, практических отношений, воплощающего свободу, высокие духовные, моральные начала, и их регулирования [7, с. 575]. Он из кантовской мысли возвысил право до «самого святого из того, что есть у Бога на Земле» [7, с. 675].

Постижение права как объективированного бытия разума обычно проявляет себя как отрицание в муках родить очередное определение права тезиса: «право — это эксклюзивный инструмент государства» [8, с. 18]. А выглядит это так, как писал Бентам: «Придет еще один и скажет вам, что существует вечный и непреложный закон права; что этот закон предписывает то-то; после этого он изложит вам свои личные чувства, которые вы обязаны принять, как такое же количество параграфов вечного закона права. Вы встретите толпу профессоров, юристов, чиновников и философов, которые оглушат вас криками о естественном законе; все они, правда, спорят о каждом пункте своей системы, но это ничего не значит: всякий из них выступает вперед с той же отвагой самоуверенности и предлагает вам свои взгляды, как такое же количество глав естественного закона» [9, с. 11–12].

В толпе непримиримых правоведов рождается стихия права. А дальше начало лавины получает новые импульсы. Попытки государства обратить стихию идей о праве в рациональное русло законотворчества отсеивают часть приверженцев естественного права, которые не знают, как превратить философские ценности — принципы права в предписания юридических норм, а потому не берутся за составление законопроектов под предлогом «невысокого науковедческого уровня» (оценка С. С. Алексеевым практической юриспруденции [7, с. 703]) этого занятия. Оставшиеся иногда при поощрении властью воплощают отстаиваемые ими ценности человеческого общества в правовую форму. Нередко неуклюже, потому что заимствуют эти ценности из сферы неюридических знаний.

Это смешивается с лоббируемыми интересами различных групп, с ситуативно-популистским законотворчеством политиков [10, с. 61–68].

Назвать такой коктейль или победивший за счет близости к власти частный интерес объективированным бытием разума сложно.

Далее стихия в праве нарастает ввиду низкого уровня юридической техники нормотворчества. Даже если хотели как лучше, получится как

всегда из-за большой недостаточности специально подготовленных профессионалов по переводу даже социально адекватной системы ценностей в точные, непротиворечивые предписания юридических норм. Нужна ли власти усиливающая право концепция В. М. Баранова «Норморайтер как профессия» [11, с. 16–29]? Ей ближе другая противоположность — ручное управление.

Следующая ступень ракеты стихии в праве — правоприменение. У нас нет даже половины необходимого количества правоприменителей, способных решать дела в соответствии с юридическими конструкциями. Заурядный пример. Директор управляющей компании-должника привлекается к уголовной ответственности по ст. 177 УК РФ (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности). Противоправность его деяния обосновывается следователем как нарушение управляющей компанией–клиентом банка ст. 855 ГК РФ. Однако в этой статье установлена обязанность банка, но не клиента — владельца банковского счета списания денежных средств с расчетного счета клиента в установленной этой статьей очередности при недостаточности денежных средств на счете для удовлетворения всех предъявленных к счету требований. Не умея читать закон, вычленять в нем логические нормы права, юридические конструкции, подобные правоприменители ищут прямого указания начальника, председателя суда, как решить дело или выносят их в соответствии с требуемой положительной тенденцией отчетных показателей.

«Высокая стабильность решений» во многом достигается за счет массового «засиливания» незаконных и необоснованных решений, потому что в практике высших судов термин «законность» заменен «чиновничьим» термином «стабильность» [12, с. 35–36].

В этой стихии непредсказуемой смеси факторов, воплощаемой, во-первых, в законах, а во-вторых, к вящему удовольствию приверженцев социологического правопонимания, в противоречивой правоприменительной практике право утрачивает свойство быть правилами, с которыми люди могут уверенно соотносить свои поступки.

Право, если не пребывать в приятном сне, не объективированное бытие разума, а стихия, начиная с правотворчества и завершая реализацией законов. В этой стихии мы можем, чтобы жить по праву, а не по ручному управлению власть имущих, бороться: 1) за содержание права; 2) за реализацию действующих норм права [13]. Но с той же надеждой на успех в собственной жизни увидеть идеал, как одинокий пловец в штормующем океане — берег, Р. Иеринг писал: «Цель права — мир, средство для

этого — борьба. До тех пор, пока право будет подвергаться нападению со стороны неправа, — а это будет продолжаться, пока существует мир, — оно не будет избавлено от необходимости борьбы <...> Каждый отдельный человек, встречающийся с необходимостью отстаивать свое право, принимает участие в этой национальной работе, вносит свою скромную лепту в дело осуществления правовой идеи на земле» [14, с. 15].

Список источников

1. Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч. : в 3 т. М., 1988. Т. 3.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004.
3. Ленин В. И. Противоречивая позиция // Полн. собр. соч. : в 55 т. М., 1955. Т. 32.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Соч. : в 39 т. М., 1955. Т. 4.
5. Ильин И. А. Что есть государство — корпорация или учреждение? // Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи. Джонданвилл ; Нью-Йорк, 1991.
6. Гессен В. М. Теория правового государства. СПб., 1912.
7. Алексеев С. С. Право: азбука — теория — философия : опыт комплексного исследования. М., 1999.
8. Толстик В. А., Трусов Н. А. Борьба за содержание права. Н. Новгород, 2008.
9. Юм Д. Опыты. Бентам И. Опыты. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательства. Руководство по политической экономии. Вып. 5. М., 1896.
10. Скобликов П. А. Ситуативно-популистское законотворчество как правовой и социальный феномен, его актуальные проявления и пути ограничения // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 2.
11. Баранов В. М. Норморайтер как профессия // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6.
12. Боннер А. Т. Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1.
13. Толстик В. А. От плюрализма правопонимания к борьбе за содержание права // Государство и право. 2004. № 9.
14. Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1912.

Г. Ч. Синченко

**Параллелизм властного и экспертного дискурса
(на примере научного обсуждения проблемы
обновления списка нормативных словарей, грамматик
и справочников)**

Факт речевого поведения автоматически становится вместе с тем и юридическим фактом далеко не только в крайних случаях конфликтного общения в общественном месте или более или менее четко очерченных конвенциональных, в частности официальных ситуациях наподобие принесения присяги, дачи показаний на суде и т. д. В силу Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» в юридически урегулированном пространстве оказывается всякий, сто́ит ему произнести или написать, казалось бы, абсолютно нейтральную фразу в контексте деятельности той или иной организации любой формы собственности, в СМИ, при публичном исполнении произведений литературы, искусства, народного творчества... Языковые нормы, которые надлежит соблюдать, описаны в лексикографических и иных лингвистических источниках, включенных в «Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» (далее — Список). Список утвержден приказом Министерства образования и науки РФ от 8 июня 2009 г. № 195.

Российской интеллигенцией закон о языке был воспринят неоднозначно — от отдельных замечаний на общем мажорном фоне «Наконец-то мы дождались» [1, с. 28] до горьковатого скептицизма под аналитической надстройкой: «Из этого закона ничего дельного получиться просто не могло» [2, с. 132]. Однако на государственную политику заметного влияния он не оказывает. Создана правительственная комиссия по русскому языку, которой проводится экспертиза норм русской орфографии и пунктуации, идет работа над совершенствованием Списка, готовятся законопредложения, например о дополнении сфер действия речевого права сферой образования. В эти рамки укладывается и состоявшаяся в Москве в ноябре 2020 г. Всероссийская онлайн-конференция «Проблемы актуализации, расширения и обновления списка словарей, грамматик и справочников, входящих в „Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации“».

Впрочем, анализ заявленной проблематики, как правило, трансформировался конферентами в разговор о преподавании русского языка и школьных словарях. Сколь-нибудь релевантный материал по теме обновления Списка был представлен лишь в одном-двух докладах, из которых остановимся на выступлении А. С. Алексеевой [3]. Предельно коротко суть такова: результаты опроса свидетельствуют, что в основном специалисты (авторы словарей и грамматик, издательские работники etc.) высказываются в пользу расширения Списка с нынешних 4 до 8 или даже 18 позиций. Аргументы экспертов оказались за скобками доклада (а возможно, и исследования). Главное же в том, что вне поля зрения остались такие важные вопросы, как: прошел ли действующий с 2009 г. Список «проверку временем», насколько оказался востребованным, что дал русскому языку и российскому обществу, какие изъяды в функционировании национального языкового права с ним, предположительно, связаны и т. п. Между тем объективные методики оценки эффективности использования словарей имеются, результаты исследования с применением такого инструментария в одном из докладов были отражены, однако речь шла о школьных словарях, а не тех источниках, которым свыше 10 лет назад был придан нормативный общегосударственный статус [4].

На примере данной весьма представительной конференции остро ощущается протокольный характер диалога власти и научно-педагогического сообщества в области нормотворчества. Первая уверена в правильности проводимой стратегии еще до того, как выслушает точку зрения экспертов (в данном случае — лингвистов и учителей словесности), вторые, посылая политикам и законодателям слабо научно проработанный, но конформный сигнал солидарности с проводимым курсом, пользуются предоставленной им площадкой, чтобы обменяться соображениями о наболевших проблемах, по большей части лишь косвенно связанных с той, что обозначена официально. Хочется думать, что так происходит не всегда. Хочется думать, что в области правотворчества политика, с одной стороны, наука и образование — с другой не всегда существуют в герметичных, почти параллельных мирах и только время от времени пересекаются в немногих публичных точках, формальным образом и в сугубо репутационных целях. Однако происходит и так. Видимо, слова философа В. В. Библихина «наша наука держится чудом... способности видеть в каждом факте не ответ, а вопрос» [5, с. 137] следует толковать в том духе, что упомянутое чудо по-прежнему предпочитает формату крупных научно-представительских мероприятий тишину кабинетов и камерность неформального общения.

Список источников

1. Туранин В. Ю. Вопросы к законодателю (по материалам исследования норм Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Юридическое образование и наука. 2005. № 4.
2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.
3. Алексеева А. С. Оценка уровня эффективности использования словарей: результаты опроса организаций, осуществляющих издание грамматик и справочников в сфере русского языка, и авторов словарей, грамматик и справочников // Проблемы актуализации, расширения и обновления списка словарей, грамматик и справочников, входящих в «Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». Москва, 11–12 ноября 2020 г. : Всерос. онлайн-конф. URL: <https://день-словаря.рф/всероссийская-онлайн-конференция-2020/> (дата обращения: 21.10.2021).
4. Авалуева Н. Б. Анализ эффективности использования словарей учителями образовательных организаций различных ступеней образования // Проблемы актуализации, расширения и обновления списка словарей, грамматик и справочников, входящих в «Список грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации». Москва, 11–12 ноября 2020 г. : Всерос. онлайн-конф. URL: <https://деньсловаря.рф/всероссийская-онлайн-конференция-2020> (дата обращения: 21.10.2021).
5. Бибихин В. В. Язык философии. М., 1993.

Л. А. Терехова

Унификация и кодификация гражданского процессуального законодательства

Развитие гражданского процессуального законодательства трудно признать логичным и предсказуемым. Однако потребности практики неминусе находят и устанавливают требуемую логику и заставляют законодателя ей следовать. Представляется, что процессы унификации и кодификации гражданского процессуального законодательства, каждый из которых преобладал на определенном этапе развития законодательства, в настоящее время объективно образуют своеобразное единство.

Обратим внимание на то, как противоречиво развиваются законодательные инициативы и законодательные решения в последнее десятилетие. В начале 2010-х гг. казалось логичным и естественным следовать процессу унификации гражданского процессуального законодательства. Усилия научного сообщества были явно направлены на обоснование и реальную подготовку текста Единого Гражданского процессуального кодекса РФ, который объединил бы нормы Гражданского процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) и Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ). Данный этап можно условно назвать «унификация». В 2015 г. тренд меняется в связи с достаточно неожиданным для разработчиков Единого ГПК принятием Кодекса административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ). Создается впечатление, что законодатель теперь делает ставку на кодификацию и обособление процессуальных норм, связанных с рассмотрением дел, возникающих из административных (публичных) правоотношений. Назовем этот этап «кодификация». В этом можно было усмотреть новое направление — нежелание видеть Единый Гражданский процессуальный кодекс, направление на создание собственного кодекса для каждого вида судопроизводства. Однако практически сразу же после принятия КАС РФ становятся заметны и неизбежные процессы гармонизации и унификации в регулировании процессуальных отношений, влекущие, в свою очередь, возвращение к унификации норм АПК РФ и ГПК РФ и примкнувшего к ним КАС РФ.

Процесс унификации предполагает максимальное сближение (по содержанию) норм, имеющих в АПК РФ и ГПК РФ. Сложность в сближении происходила из простого обстоятельства: системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов значительно отличаются друг от друга, что, например, создает неразрешимые проблемы при формировании единых правил инстанционной подсудности. При подготовке проекта Единого Гражданского процессуального кодекса ученые исходили из того, что производство по делам, возникающим из административных (публичных) правоотношений, останется частью Единого ГПК РФ. Поэтому унификация требовала решения вопроса о рассмотрении арбитражными судами дел о привлечении к административной ответственности (глава 25, §1 АПК РФ). В ГПК РФ соответствующая глава отсутствовала, и следовало решать вопрос о необходимости подобных норм в Едином ГПК РФ.

В 2015 г. путем выделения из ГПК РФ норм, регулирующих производство из публичных правоотношений и ряда других дел: о компенсациях (глава 22.1 ГПК РФ); о недобровольной госпитализации в стационар

психиатрической помощи (глава 35 ГПК РФ), относимых к особому производству; а также заимствованием из ГПК РФ Общей части, был рожден Кодекс административного судопроизводства. Интересен тот факт, что проект КАС РФ был подготовлен раньше, чем Концепция Единого ГПК РФ, и уже в 2012 г. был одобрен Президентом РФ. А вот решение о ликвидации Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ) было принято позднее данного одобрения. Концепция Единого ГПК РФ стала разрабатываться после ликвидации ВАС РФ, и в преамбуле документа отмечалось, что Кодекс гражданского судопроизводства создается на базе действующих АПК РФ, ГПК РФ и проекта КАС РФ. Однако логика реформирования была нарушена, и КАС был принят 8 марта 2015 г. в качестве самостоятельного нормативного правового акта. Сам факт принятия в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства означает попытку именно кодифицировать сферу рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений.

Главная особенность кодификации — в уровне обобщения норм, при кодификации упорядочение нормативного материала достигает особого, более высокого вида правотворчества. Кодифицированный акт характеризуется наиболее высоким уровнем нормативных обобщений. Однако не по всем сферам отношений могут быть приняты кодифицированные акты. По определению С. С. Алексеева, кодификация — «такой вид правотворчества, при котором обеспечивается единое и упорядоченное нормативное регламентирование данного вида общественных отношений путем издания единого, юридически и логически цельного, внутренне согласованного нормативного акта... выражающего юридическое своеобразие и содержание соответствующего подразделения системы права» [1, с. 491, 494–495].

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П по проверке конституционности отдельных положений УПК РФ отметил, что законодатель, унифицируя нормы, вправе устанавливать приоритет Кодекса перед иным федеральным законом, но это не безусловный приоритет, он ограничен рамками специального предмета регулирования. Развивая эту логику, заметим, что такой «специальный предмет регулирования» должен быть и у Кодекса административного судопроизводства. Если же такой предмет совпадает с предметом регулирования АПК РФ и ГПК РФ, следует признать, что нормативный материал о делах, возникающих из административных (публичных) правоотношений, не настолько согласован и готов к тому виду упорядочения, который необходим для самостоятельной кодификации.

В настоящее время можно констатировать разнонаправленные тенденции в сфере законодательного регулирования процессуальных отношений. С одной стороны, очевидно, что КАС продолжает расширяться за счет Особенной части — включения новых глав, регулирующих особенности рассмотрения отдельных категорий дел [2].

С другой стороны, очевидны вернувшиеся процессы унификации, гармонизации процессуальных норм, и законотворческая практика это подтверждает. Можно заметить, что регулярные изменения в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ носят согласованный характер, изменения одинакового содержания вносятся одновременно одним федеральным законом в три кодекса [3–8]. Наиболее ярким примером здесь являются положения о примирительных процедурах. В настоящее время в АПК РФ, ГПК РФ и КАС РФ существует множество других дублирующих положений. Это вопросы доказывания, принципов, представительства, упрощенные процедуры и др. Невольно возникает вопрос о возможности (или необходимости) нормативного акта, условно «Основ гражданского процессуального законодательства», где можно было бы сосредоточить все положения, дублируемые в действующих кодексах, оставив самим кодексам регулирование специальных вопросов, унификация которых невозможна в рамках Основ. Не лишен актуальности и вопрос о продолжении работ по формированию Единого процессуального кодекса, поскольку унификация неизбежно затрагивает и будет затрагивать все новые и новые сферы.

Таким образом, путь построения самостоятельных кодексов, соответствующих каждому виду судопроизводства, далеко не так прост и эффективен, как может показаться. В сущности, «за» такой путь — исключительно ссылка на ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, обозначившую виды судопроизводства. Реальные потребности правоприменения не подтверждают необходимости именно в трех самостоятельных кодексах. Однако заметна тенденция к соединению административного права с административным процессом, при которой понятие «административный процесс» поглотит «административное судопроизводство» [9, с. 30–50]. Во многом направление дальнейшего движения будет зависеть от решения вопроса об отраслевой принадлежности административного судопроизводства. Тем не менее объективные процессы свидетельствуют о неудобстве использования трех родственных кодексов вместо одного и о необходимости дальнейших действий в направлении гармонизации и унификации гражданского процессуального законодательства.

Список источников

1. *Алексеев С. С.* Проблемы теории права : курс лекций // Собр. соч. : в 10 т. М., 2010. Т. 3.

2. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти* : федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения* : федеральный закон от 28 декабря 2017 г. № 421-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 265-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 2 декабря 2019 г. № 406-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации* : федеральный закон от 8 декабря 2019 г. № 428-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. *Терехова Л. А.* Дрейф административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 3.

В. А. Шаршун

Цифровизация нормотворчества в Республике Беларусь в ретроспективе и перспективе

В современных условиях нормотворческая деятельность, как и другие правовые институты, испытывает существенное влияние информационных технологий. Сегодня невозможно представить подготовку проектов нормативных правовых актов без информационно-поисковых

систем электронного документооборота, ресурсов сети Интернет, позволяющих выявить мнение граждан по подготовленным проектам, и др. В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов» автоматизация процессов подготовки, согласования, проведения экспертиз, внесения в нормотворческий орган и принятия проектов правовых актов определена одним из приоритетных направлений дальнейшего развития нормотворческой деятельности. Несмотря на то что процессы внедрения информационных технологий были начаты относительно недавно, с середины 90-х гг. прошлого века, цифровизация нормотворчества прошла большой путь, который требует своего осмысления для выработки оптимального дальнейшего развития этих процессов.

Внедрение информационных технологий в нормотворческий процесс в Беларуси неразрывно связано с возникновением и развитием государственной системы правовой информации. Решение о создании данной системы было нормативно закреплено Указом Президента Республики Беларусь от 30 октября 1998 г. № 524 «О мерах по совершенствованию государственной системы правовой информации». Следует отметить, что принятию этого решения предшествовало создание в 1994 г. эталонного банка данных правовой информации, пятилетний опыт работы Республиканского центра правовой информации в системе Министерства юстиции. На базе данного центра в 1997 г. был создан Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (далее — НЦПИ) как центральное государственное научно-практическое учреждение в области компьютерного накопления, хранения, систематизации и предоставления в пользование эталонной правовой информации на бумажных и электронных (магнитных) носителях, создания межгосударственной системы обмена правовой информацией.

Основными задачами государственной системы правовой информации в тот период являлись аккумулирование принимаемых в стране нормативных правовых актов в эталонном банке данных правовой информации, а также распространение эталонной правовой информации в стране.

В 1998 г. было принято стратегическое решение о создании в Беларуси единого источника официального опубликования нормативных правовых актов — официального печатного издания «Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», издание которого было возложено на НЦПИ. Это решение имело большое методологическое

значение для процессов цифровизации нормотворческой деятельности. В дальнейшем, исходя из постоянного увеличения количества пользователей сети Интернет, расширения ее доступности, осуществлялся постепенный переход к электронному официальному опубликованию нормативных правовых актов. Он был завершен 1 июля 2012 г. со вступлением в силу Декрета Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 3 «О некоторых вопросах опубликования и вступления в силу правовых актов Республики Беларусь». В соответствии с данным Декретом официальным опубликованием правовых актов, включаемых в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь (далее — НРПА), является доведение этих правовых актов до всеобщего сведения путем размещения их текстов в полном соответствии с подписанными подлинниками на национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь. Таким образом, цифровизация нормотворчества началась с завершающей стадии нормотворческого процесса — официального опубликования правовых актов.

Дальнейшее расширение применения информационных технологий в государственном управлении обусловило переход к электронному документообороту в рамках нормотворческого процесса. Он осуществлялся поэтапно. На первом этапе с 1 января 2016 г. была внедрена разработанная НЦПИ автоматизированная информационная система, обеспечивающая формирование Национального реестра правовых актов Республики Беларусь (далее — АИС НРПА). В рамках этой системы осуществлялось электронное взаимодействие на таких стадиях нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы нормативных правовых актов областных и районных советов депутатов и исполнительных комитетов, ведомственных нормативных правовых актов, включение их в НРПА и официальное опубликование. С 16 апреля 2018 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2018 г. № 135 «Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных правовых актов» все правовые акты, включая законопроекты и акты главы государства, представляются для включения в НРПА только в электронном виде. Нормативно были определены два способа представления правовых актов для включения в НРПА — посредством системы межведомственного электронного документооборота и АИС НРПА.

В рамках нормотворческого процесса важным средством обеспечения участия граждан в управлении делами государства стало создание эффективных механизмов публичного обсуждения проектов нормативных

правовых актов. С 2019 г. в соответствии со ст. 7 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» основной интернет-площадкой для публичного обсуждения проектов правовых актов был определен сайт «Правовой форум Беларуси». С момента создания данного ресурса в 2013 г. проведено публичное обсуждение свыше 640 проектов нормативных правовых актов, в том числе в 2020 г. — 196.

Очередные этапы цифровизации нормотворчества были определены Указом Президента Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 415 «О повышении оперативности и качества нормотворческой деятельности». Они обусловлены необходимостью перехода к работе с проектами нормативных правовых актов на различных стадиях нормотворческого процесса в рамках единой цифровой платформы. С 1 апреля 2021 г. проекты правовых актов главы государства, законов и постановлений Правительства Республики Беларусь направляются на согласование в государственные органы для проведения обязательной юридической экспертизы и иных экспертиз, а также вносятся в Совет Министров для их визирования или подписания посредством АИС НРПА. Порядок функционирования системы определен постановлением Правительства Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 770.

В настоящее время АИС НРПА обеспечивает электронное взаимодействие более 6000 пользователей из 360 государственных органов и организаций, включая районные и областные исполнительные комитеты и Советы депутатов, республиканские органы государственного управления, научно-практический центр Генеральной прокуратуры Республики Беларусь и Аппарат Совета Министров Республики Беларусь. До недавнего времени система охватывала такие стадии нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы ведомственных нормативных актов, нормативных актов местных органов власти и технических нормативных правовых актов, включение их в НРПА и официальное опубликование. В текущем году была проведена доработка системы, которая дала возможность обеспечить работу с проектами законодательных актов и постановлений Правительства, проведение криминологической и юридической экспертиз, внесение в Правительство, работу с проектами в его Аппарате.

АИС НРПА по существу является цифровой инфраструктурой, с помощью которой осуществляются названные стадии нормотворческого процесса. Следует отметить, что в прошлом году из 9971 нормативного правового акта, зарегистрированного в НРПА, 7763 (78%) прошли через АИС НРПА. Всего с 2016 г. с помощью АИС НРПА было включено

в НРПА свыше 35 тысяч правовых актов. С использованием системы в настоящее время прошли все стадии нормотворческого процесса от согласования до подписания премьер-министром Республики Беларусь свыше 115 постановлений Правительства.

С 1 июля 2022 г. нормотворческая деятельность государственных органов (организаций) в полном объеме должна будет осуществляться посредством использования автоматизированной информационной системы по обеспечению нормотворческого процесса. Координация вопросов цифровизации нормотворческой деятельности поручена НЦПИ. В связи с этим проводится работа по созданию на базе АИС НРПА общегосударственной системы подготовки и принятия нормативных правовых актов — АИС «Нормотворчество». К реализации этого проекта Центр приступил в прошлом году, и завершить его планируется в этом году в рамках выполнения соответствующей НИОКР. В дальнейшем в ходе реализации государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы предполагается развитие данной системы (п. 29 комплекса мероприятий госпрограммы).

Создание АИС «Нормотворчество» позволит на основе единой цифровой платформы объединить все нормотворческие органы и все стадии нормотворческого процесса, включая подготовку текста проекта, его согласование, проведение экспертиз, публичное обсуждение, подписание акта и его официальное опубликование. Использование данной системы даст возможность обеспечить полный и транспарентный цикл подготовки акта законодательства, позволит кардинально сократить переписку между государственными органами, упростить, цифровизировать и, как следствие, ускорить нормотворческий процесс, а также приступить к внедрению в рамках системы элементов искусственного интеллекта. Таким образом, основными этапами цифровизации нормотворческой деятельности в Республике Беларусь являются:

- формирование государственной системы правовой информации Республики Беларусь (1994–1999 гг.);

- переход к электронному официальному опубликованию нормативных правовых актов (1 января 1999 г. — 1 июля 2012 г.);

- внедрение АИС НРПА, переход к электронному документообороту при представлении правовых актов в НЦПИ (1 января 2016 г. — 16 апреля 2018 г.);

- внедрение в нормотворческий процесс публичного обсуждения проектов с применением сайта «Правовой форум Беларуси» (с 1 февраля 2019 г.);

— работа с проектами правовых актов главы государства, законов и постановлений Правительства в АИС НРПА (1 апреля 2021 г. — 30 июня 2022 г.);

— внедрение и развитие АИС «Нормотворчество» (с 1 июля 2022 г.).

Цифровизация нормотворческой деятельности в Республике Беларусь неразрывно связана с возникновением и развитием государственной системы правовой информации. Сегодня эта система уже не ограничивается только аккумуляцией и распространением эталонной правовой информации, ее ресурсы и системы оказывают влияние на нормотворческий процесс и качественно трансформируют его. Поэтому требует совершенствования нормативное определение государственной системы правовой информации Республики Беларусь, включение в ее состав нормотворческого компонента. Оптимальным, по нашему мнению, было бы определение указанной системы как организованной совокупности эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь, государственных информационно-правовых ресурсов и информационных технологий, обеспечивающей взаимодействие государственных органов, НЦПИ и иных государственных организаций в нормотворческом процессе, а также по сбору, учету, обработке, хранению, систематизации, актуализации и распространению (предоставлению) правовой информации.

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

А. Г. Быкова

Роль Конституционного Суда Российской Федерации в процессе правообразования

В теории права акты судов, в том числе и Конституционного Суда РФ, принято относить к актам применения норм права. С этой точки зрения решение Конституционного Суда РФ является официальным правовым документом, содержащим индивидуальное государственно-властное предписание Конституционного Суда РФ, которое выносится Судом в результате разрешения конкретного юридического дела.

Законодательного определения решения Конституционного Суда РФ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее — Закон о Конституционном Суде) не содержит. Основываясь на доктрине права и анализе Закона о Конституционном Суде РФ, можно сконструировать понятие решения Конституционного Суда РФ. Оно представляет собой правовой акт судебной власти, посредством которого Суд осуществляет свои государственно-властные полномочия по обеспечению защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ в ходе осуществления конституционного судопроизводства принимает решения в форме постановлений, заключений, определений.

16 марта 2020 г. Конституционным Судом РФ было принято уникальное итоговое решение — заключение № 1–3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не всту-

пивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти“, а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу ст. 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации». Уникально оно потому, что до 14 марта 2020 г. такое заключение не было предусмотрено Конституцией РФ, Законом о Конституционном Суде или другими правовыми актами. Иными словами, названное заключение Конституционного Суда РФ стало новеллой для российского законодательства и было урегулировано Законом о поправке.

В связи с внесением и принятием поправок в Конституцию РФ 1 июля 2020 г., в сентябре 2020 г. Президент РФ внес в Государственную Думу РФ проект изменений в Закон о Конституционном Суде. Он был принят 9 ноября 2020 г. В новой редакции Закона о Конституционном Суде этот вид заключения не предусмотрен. Вместо него в абз. 5 ст. 110.11 Закона о Конституционном Суде по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности проекта закона Российской Федерации о поправке к Конституции РФ или поправки к такому закону Конституционный Суд РФ принимает постановление.

Решение Конституционного Суда РФ окончательно и обжалованию не подлежит. Его решения, в результате которых неконституционные нормативные акты утрачивают силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа, следовательно, такое же, как у нормативного акта, общее значение, не присущее правоприменительным по своей природе актам судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

В то же время Конституционный Суд РФ, принимая решение по делу, оценивает смысл, придаваемый рассматриваемому нормативному акту сложившейся судебной практикой. Таким образом он выражает свое отношение как к позиции законодателя или иного нормотворческого органа, так и к ее пониманию правоприменителем, основываясь при этом на толковании положений Конституции РФ. В свете подобного толкования только Конституционный Суд РФ выносит официальные решения, имеющие общеобязательное значение. Поэтому его постановления являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами или преодолены путем повторного принятия отвергнутого неконституционного акта, а также обязывают всех правоприменителей, включая другие

суды, действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ.

Юридическая сила постановления Конституционного Суда РФ о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта.

Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу или в случаях, предусмотренных Законом о Конституционном Суде, не приобретают юридическую силу. Признанные не соответствующими Конституции РФ не вступившие в силу международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. Решения судов и иных органов, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда РФ неконституционными либо примененных в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом РФ в постановлении, должны быть пересмотрены (а до пересмотра не подлежат исполнению) по основаниям, установленным Законом о Конституционном Суде.

Как следует из ч. 4 ст. 79 Закона о Конституционном Суде, в случае если решением Конституционного Суда РФ нормативный акт признан не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо из решения Конституционного Суда РФ вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного акта, который должен, в частности, содержать положения об отмене нормативного акта, признанного не соответствующим Конституции РФ полностью, либо о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части.

Приведенные предписания Закона о Конституционном Суде распространяются и на те случаи, когда, оценивая конституционность нормативного акта, Конституционный Суд РФ хотя и выявил в нем некоторые дефекты конституционно-правового характера, могущие в определенных ситуациях послужить предпосылкой для нарушения конституционно значимых ценностей, включая права и свободы человека и гражданина, тем не менее, руководствуясь принципом разумной сдержанности, не признал их достаточным основанием для вывода о несоответствии рассматриваемого нормативного акта Конституции РФ и счел необходимым обратиться к законодателю с поручением устранить указанные недостатки.

Вынесенное по итогам рассмотрения дела постановление, которым нормативный правовой акт или его отдельные положения признаются не соответствующими Конституции РФ, действует непосредственно, а значит, отмена их органом, принявшим данный нормативный правовой акт, не требуется, поскольку эти положения считаются отмененными, т. е. недействительными, с момента вступления постановления Конституционного Суда РФ в силу.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ его решения не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами, а исполнение предписаний Конституционного Суда РФ не может ставиться в зависимость от усмотрения каких-либо должностных лиц, уполномоченных в иных случаях выступать с инициативой или давать согласие на пересмотр дела. Таким образом, общим порядком является утрата силы акта или его отдельных положений, признанных неконституционными, с момента провозглашения постановления Конституционного Суда РФ.

С момента вступления в силу постановления Конституционного Суда РФ никто не вправе применять закон, признанный Конституционным Судом РФ не соответствующим Конституции РФ, равно как и применять закон, служивший предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, в каком-либо ином, отличном от выявленного Конституционным Судом РФ правовом смысле. Соответственно, постановление Конституционного Суда РФ во всяком случае действует на будущее время, запрещая с момента вступления его в силу применение законоположений, признанных этим постановлением не соответствующими Конституции РФ, либо, в случае выявления конституционно-правового смысла законоположений, их применение в правоприменительной практике вопреки данному Конституционным Судом РФ истолкованию.

Проведенный анализ свидетельствует о влиянии решений Конституционного Суда РФ на процесс правообразования в Российской Федерации.

М. Л. Давыдова

Правовой эксперимент и экспериментальный правовой режим в механизме правообразования: проблемы соотношения *

Процесс правообразования носит сложный и длительный характер. На основании исследования В. В. Трофимова весь правообразовательный цикл можно разделить на четыре основных этапа:

- 1) формирование основных социальных и государственно-правовых закономерностей;
- 2) формулирование на основе обусловленных этими закономерностями интересов «правовых идей»;
- 3) формализация этих идей в виде актов позитивного права, принимаемых в соответствии с правотворческими процедурами;
- 4) социализация правовых нормативов, их адаптация к потребностям реальной жизни [1, с. 199–200].

Подобная теоретическая модель носит предельно общий и потому универсальный характер. Специфика ее реализации в конкретных условиях может определяться множеством факторов. В современном мире подобным фактором, вносящим коррективы в традиционную схему, является развитие новых технологий. Скорость, с которой происходит технологическое развитие, ставит перед законодателем сложную задачу: формализовать идеи, которые до конца еще не сложились; адаптировать свои решения к потребностям, которые постоянно меняются. Большая оперативность в создании правил необходима потому, что сфера технологий развивается сверхдинамично. Ежегодно в мире открывается 100 млн новых стартапов, а всего реализуется 305 млн, из них 1,35 млн — в сфере технологий [2]. Часто технологические решения носят принципиально новый, революционный характер. Соотнести их с существующими правовыми институтами, чтобы на первоначальном этапе установить регулирование по аналогии, оказывается очень сложно. Не всегда понятно, что именно регулируется, какое регулирование требуется, как оно должно сочетаться с действующими правовыми нормами. Появление криптовалюты, беспилотного транспорта, искусственного интеллекта заставляет задумываться о пересмотре базовых представлений о субъектах и объектах правоотношений, об основаниях юридической ответственности.

* Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 20-011-00583 А «Экспериментальные правовые режимы (regulatory sandboxes): зарубежный опыт и перспективы внедрения в современной России».

сти и т. п. Со временем юридическая природа новых явлений проясняется, а необходимые направления корректировки действующего законодательства становятся более понятными. Но законодатель должен сделать выбор между неизбежным технологическим отставанием и риском принятия необдуманных, поспешных правотворческих решений.

Помимо необходимости принять правотворческое решение в сжатые сроки, законодатель сталкивается с еще одной проблемой, возникающей в процессе внедрения новых технологий. Часто их использование требует существенных изменений в законодательстве, в то время как степень успешности самой технологии и перспективы ее использования до конца не ясны. Чтобы понять, стоит ли ради данной инновации менять законодательство, нужно проверить, как она будет работать на практике. Протестировать новую технологию на практике можно, только изменив законодательство. Именно наличие такого замкнутого круга привело к появлению института «регулятивных песочниц» (regulatory sandboxes [3]), в России получивших название экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций.

Экспериментальный правовой режим иногда рассматривается в качестве разновидности правового эксперимента. Такое соотношение выглядит вполне естественным и уже исследовалось нами ранее [4]. Однако более глубокий анализ позволяет заключить, что речь идет о разных по своей природе явлениях. Суть классического правового эксперимента состоит в апробации юридического решения некой проблемы. Экспериментальные правила вводятся именно для того, чтобы оценить, способны ли они оптимальным путем решить эту проблему. Применение экспериментальных норм, таким образом, составляет основное содержание правового эксперимента, а оценка их потенциальной эффективности — его цель.

Для экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций изменение правового регулирования не является основной задачей. Смысл проведения эксперимента в данном случае лежит вне сферы юридического и заключается в тестировании и апробации технологического решения. Изменение, точнее временное «блокирование» некоторых правовых нормативов, необходимо здесь как внешнее условие для проведения эксперимента технологического. Не случайно и использование термина «песочница», заимствованного из профессионального языка программистов, которые так называют механизм защиты, включенный в состав многих программных систем — специально выделенную изолированную от остальной системы среду, ограничивающую доступ

и использование ресурсов, в которой можно спокойно тестировать программное обеспечение перед поставкой его потребителю либо проверять поведение потенциально опасных полученных из Сети программ [5].

Анализ действующих нормативных правовых актов позволяет заключить, что в законах о проведении правовых экспериментов цель совершенствования правового регулирования выводится на первый план. Так, Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 122-ФЗ «О проведении эксперимента по использованию электронных документов, связанных с работой» закрепляет только две цели, в том числе подготовку предложений о внесении изменений в трудовое законодательство (ч. 3 ст. 1). Что касается Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», здесь цель «совершенствование общего регулирования по результатам реализации экспериментального правового режима» занимает только шестое место в списке после формирования новых форм экономической деятельности, обеспечения развития науки и социальной сферы и пр. (ст. 3).

Предлагаемое различие правового эксперимента и экспериментального правового режима носит условный характер и фиксируется далеко не всеми исследователями. В ряде работ экспериментальный правовой режим рассматривается как разновидность правового эксперимента, с одной стороны, и специального правового режима — с другой [6, с. 24–31]. Вероятно, при анализе существующих и возможных критериев эффективности экспериментов в государственном управлении [7, с. 42–49] такой подход вполне обоснован, так как предметом рассмотрения в этом случае выступают не столько цели проведения эксперимента, сколько способы оценки их достижения. Но вопрос о различной юридической природе того, что традиционно понимается в научной литературе под правовым экспериментом, и того, что современный законодатель назвал «экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций», также имеет право на существование.

Предложенное разграничение правового эксперимента и экспериментального правового режима нам представляется уместным и с точки зрения приведенного выше перечня этапов правообразования. Можно предположить, что необходимость проведения правового эксперимента возникает на этапе формализации правовых интересов и идей о том, какие правила необходимы для их удовлетворения. Если общественные запросы на определенное регулирование сформировались, но их формализация в масштабе всей правовой системы кажется слишком революционной, законодатель принимает решение об ограниченном (во времени

и по территории) внедрении новых правовых норм в целях постепенного и контролируемого введения их в действие.

Необходимость установления экспериментального правового режима возникает, когда нормы уже формализованы, акты позитивного права прошли необходимую социализацию, но технологическое развитие вступает с ними в конфликт. Общественные отношения, обусловленные новыми технологиями, еще не сложились настолько, чтобы требовать конкретного нового регулирования. Но старое регулирование мешает этому развитию и нуждается во временной «заморозке».

Таким образом, в структуре приведенного выше механизма правообразования правовой эксперимент следует расположить между вторым и третьим этапами, а экспериментальный правовой режим в сфере правовых инноваций — между третьим и четвертым. В первом случае правовое решение уже родилось, но пока неясно, насколько оно эффективно. Сам эксперимент поэтому носит правовой характер. Во втором подразумевается создание особого правового режима для проведения технологического эксперимента. Неизвестно, понадобится ли правовое решение, так как сама технология еще до конца не отработана. Только когда она будет полностью готова, можно увидеть, есть ли общественная потребность в ее внедрении и соответствующей корректировке правовых норм, действие которых пока нужно лишь приостановить.

Список источников

1. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект. Саратов, 2009.

2. *How many startups are there in the world?* (infographic) // InnMind (Last updated on February 2021). Available at: <https://app.innmind.com/articles/262> (date of access: 22.03.2021).

3. Zetzsche D., Buckley R., Arner D., et al., 2017. *Regulating a Revolution: From Regulatory Sandboxes to Smart Regulation*, EBI Working Paper Series, no. 11. UNSW Sydney NSW 2052 Australia. URL: <https://bit.ly/2NiZlav>.

4. Davydova M. L., Makarov V. O. (2020) *Experimental Legal Regimes (Regulatory Sandboxes): Theoretical Problems and Implementation Prospects in Modern Russia*. In: Inshakova A., Inshakova E. (eds) *Competitive Russia: Foresight Model of Economic and Legal Development in the Digital Age*. CRFMELD 2019. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 110. Springer, Cham.

5. *Англо-русский толковый словарь терминов и сокращений по ВТ, Интернету и программированию*. URL: dic.academic.ru https://computers_en_ru.academic.ru/12673 (дата обращения: 30.01.2021).

6. Ефремов А. А., Добролюбова Е. И., Талапина Э. В., Южаков В. Н. Экспериментальные правовые режимы: зарубежный опыт и российский старт. М., 2020.

7. Ефремов А. А., Южаков В. Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3.

И. А. Демидова

Правовая традиция как фактор формирования и развития современного права

В определении специфики, а также при установлении тенденций формирования и развития современного права важное значение имеет обозначение условий и факторов, оказывающих влияние на данный процесс. Одним из базовых факторов правообразования выступает сформировавшаяся исторически национальная правовая традиция, определяющая состояние общественного правового сознания и правовой культуры отдельного общества, а также направление цивилизационного правового развития. В связи с этим теоретическому осмыслению подлежат следующие вопросы: 1) понимание правовой традиции в теории права; 2) характерные признаки национальной правовой традиции; 3) роль и значимость правовой традиции в условиях глобализации.

Понимание правовой традиции в теории права определяется заданным ракурсом ее исследования. Следует отметить работы ряда российских авторов: докторские диссертации К. В. Арановского «Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе» (2004) [1], В. М. Сальникова «Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ» (2005) [2]; кандидатские диссертации М. С. Балайца «Фундаментальные правовые ценности современного общества» (2007) [3], М. В. Осиповой «Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации» (2011) [4], Р. С. Сулипова «Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект» (2013) [5], Ю. М. Оборотова «Традиции и новации в правовом развитии: общетеоретические аспекты» (2003) [6] и др. Особый блок исследований составляют религиозные правовые традиции, что отражает характер изменений соционормативного регулирования в историческом аспекте и в современных реалиях — кандидатские диссертации О. П. Виноградовой «Религиозные аспекты в российском праве» (2011) [7], Т. Л. Коз-

лова «Религиозная правовая традиция: теоретический аспект» (2008) [8] и др. В частности, аргументировано влияние религиозной правовой традиции на становление западной (светской) традиции права, а также ее значительная правообразующая роль в становлении и функционировании индуистского, иудейского и мусульманского права [8, с. 5]. Примечательно, что белорусскими теоретиками права проблематика правовой традиции в контексте развития правовой системы и характеристики правовой культуры общества практически не затрагивается.

При отсутствии общепризнанного определения наиболее удачным представляется понимание правовой традиции как «совокупности устойчивых, воспроизводящихся результатов правового развития прошлых исторических эпох в пределах отдельно взятой правовой системы, которая обеспечивает трансляцию и преемственность правового опыта, выраженную в передаче правовой культурой из одного времени в другое элементов правовой системы» [5, с. 11]. Данный подход исходит из того, что правовая традиция отражается в правовой системе и транслируется посредством правовой культуры. Традиция выступает как «исторический способ формирования народного правового сознания в контексте широкого круга специфических для данной цивилизации фундаментальных явлений — государственности, религиозности, социальности» [9, с. 242]. В связи с этим можно говорить о национальной правовой традиции формирования и функционирования права, а также сложившихся в рамках национальной правовой системы юридических традициях. В узком смысле правовые традиции рассматриваются как конкретные правовые установки и ценности, которые находят свое отражение в различных аспектах правовой жизни общества и постоянно воспроизводятся. В таком аспекте проводится типология правовых традиций. Различаются следующие типы правовых традиций: правовое регулирование в целом и конкретные общественные отношения; политико-правовая мысль; официальная идеология; определенные категории населения, в частности чиновники, интеллигенция; отдельные отрасли международного и национально-го права и др. [10]. Например, можно говорить о правовых традициях осуществления публичной власти в рамках отдельных правовых систем. Теоретически значимым представляется признание того, что в основе национальных правовых традиций лежат исторически сформированные правовые культурные ценности, устанавливающие культурный код развития общества, которые признаются и принимаются членами социума, определяют особенности образования и функционирования национального права.

При этом в обосновании белорусского ученого В. А. Витушко одной из современных тенденций выступает формирование цивилизационного права, так называемого единого права цивилизаций, охватывающего право всех народов, цивилизаций и государств, сформированного на основе единых правовых ценностей. Это находит отражение в общепризнанных принципах современного международного права, правах человека, единых источниках права, единых способах и средствах правового регулирования общественных отношений [11, с. 3]. Представленный подход позволяет вести речь о единой правовой традиции, которая имеет общезначимый характер. В этом контексте все существующее многообразие национальных систем права выступает общей цивилизационной ценностью. В числе универсальных алгоритмов формирования цивилизационного права в том числе называют культурологическую природу права, единую природу формирования духовных ценностей людей, всеобщий характер правовых принципов, единство рационального и иррационального, воли и духовных ценностей в праве, наличие конституций и иных форм (источников) права и др. [11, с. 4]. В свою очередь, национальные особенности права, имеющие общие цивилизационные основы, вписываются в единую систему цивилизационного права прошлых и современных цивилизаций. Представленный подход позволяет посредством понятия «правовая традиция» характеризовать специфичность идеального и материального бытия права в контексте представления о его историческом развитии либо историческом развитии явлений, влияющих на право [12, с. 173].

Таким образом, правовая традиция является важнейшим элементом духовного правового наследия общества, в котором отражаются и закрепляются результаты воздействия права на общественную жизнь, содержатся модели правового поведения, укоренившиеся в сознании членов общества, что определяет качественные характеристики правовой культуры общества. Правовые традиции, сопровождающие и поддерживающие правовую культуру, отображают действие права в рамках национальной правовой системы. Одновременно сформированность национальной правовой традиции является условием интеграции в мировое правовое культурное пространство, что обусловлено наличием единой правовой традиции в рамках цивилизационного права в соответствии с качественными характеристиками права как универсального социального регулятора общественных отношений.

Список источников

1. *Арановский К. В.* Конституционная традиция и ее распространение в российском обществе : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.

2. Сальников М. В. Генезис и эволюция российской политико-правовой традиции: историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005.

3. Балаянц М. С. Фундаментальные правовые ценности современного общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

4. Осипова М. В. Иерархия юридических ценностей в правовой системе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

5. Суликов Р. С. Правовые традиции России: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2013.

6. Оборотов Ю. М. Традиции и новации в правовом развитии: общетеоретический аспект : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Одесса, 2003.

7. Виноградова О. П. Религиозные аспекты в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.

8. Козлов Т. Л. Религиозная правовая традиция: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

9. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. 2-е изд., доп. М., 2010.

10. Дорская А. А. Понятие «правовая традиция» в юридических исследованиях конца XX – начала XXI вв. // Правозащитник. 2016. № 3. URL: http://pravozashitnik.net/ru/vihodnie_dannie (дата обращения: 08.10.2021).

11. Витушко В. А. Цивилизационное право : монография. Минск, 2011.

12. Вовк Д. А. Правовая традиция как феномен правовой системы // Polit.book. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-traditsiya-kak-fenomen-pravovoy-sistemy>. (дата обращения: 06.08.2021).

Г. В. Елисеева

Сравнительный анализ формирования права в англосаксонской и романо-германской правовых семьях

Главенствующим источником права романо-германской правовой семьи всегда выступал нормативный правовой акт как облаченное в надлежащую форму волеизъявление законодателя. В англосаксонской правовой семье основным источником права является судебный прецедент, который используется судами в качестве образца при рассмотрении судебных дел с аналогичными обстоятельствами. При этом опубликованные прецедентные решения содержат именно решение по конкретной

ситуации, а не готовые прецедентные нормы [1, с. 587]. Следовательно, прецеденты лишь подразумевают под собой определенную норму права, а не устанавливают ее в конкретной форме, как это принято в романо-германской правовой семье.

Для структуры романо-германской правовой семьи характерен принцип деления права на отрасли, позволяющий говорить о кодификационном характере права, который отражается в высоком уровне систематизации нормативных правовых актов. Кроме того, для романо-германской правовой системы характерен дуализм права, выражающийся в делении права на частное и публичное. В англосаксонской правовой семье отсутствует ярко выраженное деление права по отраслевому признаку. Отличительной чертой указанной правовой семьи является деление права на общее право и право справедливости [2, с. 35].

Основным видом толкования романо-германской системы выступает грамматическое толкование — исследование текста нормы в соответствии с его общим употреблением, в том числе с использованием данного слова в конкретном законе. Также выделяют виды толкования по таким критериям, как история создания правовой нормы, цели, которые преследовал законодатель при ее установлении, системное толкование с другими нормами права. В англосаксонской правовой семье принято разделять процесс толкования на две стороны — интерпретацию (уяснение смысла и содержания для себя) и толкование (разъяснение смысла правовой нормы для других). Кроме того, в англосаксонской правовой системе используются определенные правила толкования юридической нормы. Одним из них является «золотое правило толкования», согласно которому при нескольких вариантах возможного толкования необходимо выбирать тот, который приведет к наименее абсурдным выводам и решениям [3, с. 134].

Список источников

1. Петрова Е. А. Норма права как юридическая конструкция: отечественный и зарубежный опыт // Юридическая техника, 2013. № 7 (ч. 2).
2. Емельянов Б. М., Сильчева А. А. Сравнительный анализ правовых систем (семей) современности: англосаксонская, романо-германская (континентальная), мусульманская правовые семьи // Вестник ИМТП: Вызовы глобального мира. 2014. № 4.
3. Дубинин М. Г. Толкование права в романо-германской и англосаксонской правовых семьях (на примере ФРГ и Великобритании) // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2015. № 3.

Е. С. Зайцева

Правообразующие факторы и их влияние на пределы правового регулирования

Многообразие правообразующих факторов обуславливает многочисленные попытки их анализа и систематизации. Среди большого количества предлагаемых подходов можно выделить два, имеющих, на наш взгляд, существенное значение для дальнейшего исследования данной проблемы. В соответствии с первым подходом, предложенным С. В. Полениной, в зависимости от степени влияния отдельных факторов на характер и содержание правового регулирования, правообразующие факторы делятся на основные (внешние) и обеспечивающие, или процессуальные (внутренние) факторы. Основные обуславливают возникновение проблемной правовой ситуации и оказывают влияние на содержание правотворческого решения. Обеспечивающие связаны с созданием надлежащих условий для осуществления процесса деятельности по выработке тактики и стратегии правотворчества. В свою очередь, основные факторы подразделяются на объективные и субъективные. К объективным отнесены экономический, социокультурный, экологический, географический, демографический и человеческий факторы. К субъективным, через которые проявляется влияние объективных, — политико-правовой, культурно-образовательный, идейно-психологический факторы. Самостоятельная группа обеспечивающих факторов включает организационный, юридико-технический, информационный, научный, программирующий и другие факторы [1, с. 78–80].

Этот подход в дальнейшем был воспринят многими исследователями, в частности, такие его ключевые аспекты, как разделение факторов на основные и обеспечивающие, выделение среди основных факторов объективных и субъективных, а также анализ естественных факторов в контексте социальных.

Второй подход является менее популярным, но отнюдь не менее значимым. Его автор румынский исследователь А. Нашиц предложила выделять три группы факторов. Первая группа включает географический, демографический и биологический факторы и обобщается понятием «естественная среда», в которой протекает бытие человека, оказывая серьезное воздействие на правовое регулирование. Вторая группа социальных факторов включает социально-экономический, политический и идеологический факторы. Третья — человеческий фактор, охватывающий все многообразие и динамизм свойств и качеств человека, его поведения, все-

возможных жизненных ситуаций и объективных отношений, в которых протекает бытие людей в качестве отдельных индивидов или индивидов, входящих в состав различных социальных общностей [2, с. 38–54].

Позиции А. Нашиц и С. В. Полениной, несмотря на точки соприкосновения, имеют два существенных отличия. Первое, на что следует обратить внимание, это то, что А. Нашиц относит к правообразующим только те факторы, которые обуславливают возникновение проблемной правовой ситуации и оказывают влияние на содержание правотворческого решения, в то время как С. В. Поленина включает в правообразующие группу обеспечивающих факторов, которые связаны с процессом правообразования косвенно и не оказывают существенного влияния на содержательную сторону вопроса. Второе важное отличие связано с самостоятельным значением естественно-природных факторов. В рамках классификации, предложенной С. В. Полениной, естественно-природные факторы рассматриваются в контексте социальных. Стоит отметить, что такой подход впоследствии был воспринят многими исследователями. Так, Е. Г. Лукьянова отмечала, что социальные факторы правотворчества включают явления не только сугубо социального, но и природного характера, детерминирующие содержание правотворческого решения [3, с. 162].

Анализ влияния правообразующих факторов на пределы правового регулирования позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, при установлении пределов правового регулирования влияние имеют только те факторы, которые обусловлены возникновением проблемной правовой ситуации и определяют содержание правотворческого решения. Во-вторых, самостоятельное и существенное значение имеют естественно-природные факторы. В-третьих, правообразующие факторы следует рассматривать во взаимосвязи с общественными отношениями, имеющими правовую природу, которая определяется возможностью осуществления социального контроля, направленностью общественных отношений на удовлетворение типичных, социально значимых, конфликтных интересов и эквивалентным характером. Преломляясь в указанных общественных отношениях, правообразующие факторы оказывают влияние на свойства–критерии, обуславливающие их правовую природу, и выступают в качестве объективных факторов формирования указанных общественных отношений. Из всех указанных свойств наиболее подверженной влиянию разного рода объективных правообразующих факторов является направленность общественных отношений на удовлетворение типичных, социально значимых, конфликтных интересов. Таким обра-

зом, правообразующие факторы оказывают влияние на пределы правового регулирования через общественные отношения, имеющие правовую природу. Учитывая сложившиеся подходы к анализу правообразующих факторов в целом, можно выстроить систему факторов, определяющих пределы правового регулирования. Изначально они могут быть подразделены на объективные и субъективные. В свою очередь, объективные факторы включают две самостоятельные группы — естественно-природные и социальные.

К числу основных факторов естественно-природного характера, которые оказывают влияние на общественные отношения, имеющие правовую природу, следует относить прежде всего биологический, географический, климатический, физиологический факторы. Естественно-природные факторы характеризуются тем, что все явления и процессы, их составляющие, протекают по собственным законам и абсолютно не зависят от сознания и воли людей. Они менее динамичны, чем социальные, поэтому в стабильной обстановке их влияние не так ощутимо, как, например, в чрезвычайных условиях.

Важнейшими объективными факторами социального характера являются экономический, научно-технологический, аксиологический, психологический факторы. Все объективные социальные факторы объективны, поскольку являются внешними по отношению к сфере правового регулирования, но в то же время и субъективны, так как формируются в результате социального взаимодействия людей. К числу основных факторов, имеющих субъективный характер, можно отнести политико-правовой, научно-познавательный и юридико-технический.

Таким образом, правообразующие факторы оказывают существенное влияние на общественные отношения, имеющие правовую природу. В свою очередь общественные отношения, имеющие правовую природу, находятся под воздействием целого ряда объективных факторов естественно-природного и социального характера, которые традиционно именуют как правообразующие. Все указанные факторы взаимодействуют между собой и «работают» в системе, их разграничение осуществляется прежде всего в познавательных целях. В зависимости от специфики общественного отношения, находящегося в сфере правового регулирования и закрепляемого в качестве его предмета, влияние различных факторов будет неравнозначным. Какой-то из факторов может быть признан генерализующим и своим действием интегрировать влияние остальных, выступая основной формой выявления и осознания типичных, социально значимых, конфликтных интересов.

Список источников

1. Поленина С. В. Социальные аспекты законодательной деятельности // Сов. государство и право. 1981. № 11.
2. Наишиц А. С. Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974.
3. Лукьянова Е. Г. Некоторые проблемы правотворчества в современной России // Известия вузов. Правоведение. 2007. № 6.

Р. Л. Иванов

Правотворческая компетенция

Главным признаком субъекта правотворчества, отличающим его от иных участников правотворческого процесса, является наличие правотворческой компетенции. В российском законодательстве определение понятия правотворческой компетенции отсутствует, и обозначающий его термин не применяется. Возможно, единственным примером его официального применения являлся региональный нормативный правовой акт «О правотворчестве и нормативных правовых актах Иркутской области», где он был использован в названии второй главы. Однако состав и содержание правотворческой компетенции в ней должным образом определены не были. Более того, к ее элементам были отнесены не только властные полномочия, но и право субъектов правотворчества утверждать и распространять типовые (модельные) нормативные правовые акты. Актами правотворчества они не являлись, поскольку были юридически не обязательными.

В научной литературе правотворческая компетенция трактуется неодинаково, что связано с использованием ее исследователями разных вариантов общетеоретической концепции компетенции. Она может определяться и как система полномочий, и как различное сочетание полномочий с целями, задачами, предметами ведения, функциями и иными элементами, характеризующими деятельность компетентных субъектов [1, с. 387–391]. При этом данные полномочия могут отождествляться исключительно с юридическими правами, трактоваться не только как права, но и обязанности, а также рассматриваться в виде единых, слитных «правообязанностей» [2, с. 53, 56].

На наш взгляд, правотворческая компетенция охватывает несколько элементов. Во-первых, предмет нормативного правового регулирования

(предмет ведения), который закреплен за субъектом правотворчества. Его образуют сферы деятельности (виды правоотношений в определённых территориальных и субъектных границах), подвергающиеся специальному юридическому воздействию. Предмет ведения определяет социальное содержание нормативных актов правотворчества, поскольку их юридическое содержание и форма могут быть одинаковыми. Например, принимать и изменять законы могут и Федеральное Собрание РФ, и региональные парламенты, но их социальное содержание будет неодинаковым не только по вопросам исключительного ведения каждого из них. По предмету совместного ведения территориальное и субъектное различия, казалось бы, идентичных предметов правового регулирования приводит к тому, что только федеральный законодатель, который обеспечивает единый правопорядок в масштабах всей страны, полномочен принимать первичные, обладающие более высокой юридической силой и не учитывающие территориальные особенности нормы.

Во-вторых, правотворческая компетенция включает правотворческие полномочия субъектов. Их основу образуют юридические обязанности. Юридические права составляют незначительную их часть и выполняют функцию вспомогательных средств, обслуживающих обязанности. Перманентная потребность в нормативном правовом регулировании, порожаемая непрерывной изменчивостью правоотношений, требует юридических гарантий постоянства правотворчества. Правовые обязанности такие гарантии предоставляют, ограждая его от эксцессов, связанных с произвольной остановкой или затягиванием правотворческой деятельности, возможность которых даёт свободное усмотрение, составляющее субстанцию субъективных прав.

Правотворчество, по общему правилу, является сложно структурированной, комплексной обязанностью уполномоченного лица, а не его правом. Поэтому отдельные правотворческие полномочия, ее образующие, также будут обязанностями.

В зависимости от направленности правотворчества, определяемой его целью, правотворческая компетенция в общем виде может охватывать полномочия: 1) по созданию (принятию, установлению, изданию); 2) изменению (дополнению); 3) приостановлению действия; 4) пролонгации действия; 5) прекращению действия (признанию недействующими); 6) отмене юридических норм.

Создание норм права состоит в установлении новых нормативных юридических предписаний, которых не было в действующем объективном праве. Данным полномочием охватывается также издание норм, ко-

торые санкционируют правовые обычаи. Хотя правотворчество не создает норм обычного права, их официальное общее признание выступает его результатом.

Изменение норм права заключается в корректировке, пересмотре, модификации их содержания по сравнению с первоначально установленным.

Приостановление действия норм права проявляется во временной утрате ими юридической силы, способности порождать правовые последствия — устанавливать общие правовые связи между потенциальными участниками правоотношений и регулировать возникшие между ними правоотношения.

Пролонгация действия продлевает функционирование временных норм права, первоначально установленный срок действия которых истек или истекает.

Прекращение действия норм права приводит к постоянной утрате ими юридической силы на будущее время, пресекает их распространение на новые факты и отношения, но не всегда означает полную утрату ими силы на будущее, что всегда происходит при их отмене.

Отмена норм права состоит в их исключении из его системы. Она обычно используется, когда отменяемая норма не вступила в силу и потому не успела породить никаких правовых последствий. Именно так трактуется данное правотворческое полномочие в нормативных правовых актах федерального и регионального уровней, хотя общим правилом отмены юридических норм его считать нельзя.

Специфика данного полномочия при его сравнении с прекращением действия норм права проявляется в полном, абсолютном бездействии норм после их отмены. Нормативные правовые предписания, признанные утратившими силу, не только регулировали или могли регулировать правоотношения в прошлом. При определенных условиях они могут ультрадействовать, функционировать и сохранять свою силу, продолжая регулировать длящиеся правоотношения вплоть до их прекращения, например, если новые юридические нормы усиливают правовую ответственность. Еще одной особенностью полномочия по отмене норм права является то, что, по общему правилу, им обладает субъект, который их создал или мог бы создать, если бы не делегировал своего полномочия органу, находящемуся на более низком уровне системы публичной власти. Вследствие этого иные субъекты правотворчества могут только прекратить их действие, не отменяя при этом самих норм. Иное означало бы присвоение ими правотворческих полномочий их создателя. Поэтому

суды, реализующие правотворческие полномочия в порядке конституционного или текущего нормоконтроля, лишь прекращают действие неконституционных или незаконных юридических норм, но не отменяют их, оставляя исполнение данной обязанности ее обладателям.

Объем, социальное и юридическое содержание правотворческой компетенции зависит от места субъекта в системе правотворческих органов государства. Так, наибольшим объемом правотворческих обязанностей и прав и самыми обширными предметами ведения обычно наделяются высшие органы государственной власти, которые принимают наиболее важные для страны решения и регулируют самый широкий круг общественных отношений. Поэтому создаваемые ими нормативные акты правотворчества обладают и наиболее высокой юридической силой. По мере движения вниз правотворческая компетенция субъектов уменьшается: сужается предмет нормативного правового регулирования и (или) уменьшается юридическая сила актов правотворчества.

Еще одним фактором, определяющим содержание правотворческой компетенции, является цель основной деятельности обладающих ею субъектов. Например, для представительных органов публичной власти правотворчество составляет главный вид деятельности, а потому они обладают всем спектром юридических полномочий по любым вопросам, входящим в предмет их регулирования: они могут создавать, изменять, пролонгировать действие юридических норм (проводить позитивное правовое регулирование), приостанавливать, прекращать их действие или отменять нормы (реализовывать негативное правовое регулирование). При сравнении с ними суды, главным видом деятельности которых является разрешение правовых споров, применение юридических норм, а не их создание, обладают ограниченной правотворческой компетенцией. Значительная часть правотворческой компетенции связана с негативным правовым регулированием в процессе нормоконтроля, для осуществления которого им предоставлено полномочие по признанию юридических норм недействующими.

Безусловно, правотворческая компетенция российских судов не сводится только к негативному правовому регулированию. Но и иные правотворческие полномочия судов обусловлены потребностями правосудия и реализуются ими лишь потому, что обеспечивают единообразие судебной практики и судебную защиту права.

Несмотря на многообразие правотворческих полномочий, обладание даже одним из них свидетельствует о принадлежности его обладателя к числу субъектов правотворчества.

Список источников

1. Эмих В. В. Понятие компетенции государственного органа в современном российском праве // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Вып. 10.
2. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции. М., 2001.

О. Б. Купцова

Технико-юридические основания современного правообразования: специфика и тенденции развития

Развитие современного права и государства предопределяет трансформацию их сущности, форм и способов взаимодействия, видоизменение правового регулирования, особенностей процесса правообразования. Рассматриваемые технико-юридические основания современного правообразовательного процесса являются следствием не только развития государственно-правовых институтов, но и современной правовой доктрины. Существенный вклад в этот процесс вносит научная школа юридической техники под руководством профессора В. М. Баранова.

Специфика понимания права такова, что оно позиционируется как сложный саморазвивающийся феномен, который получает свою детализированную трактовку в русле современной концепции постклассической рациональности. С этой точки зрения нормативные системы должны рассматриваться не как определенное одностороннее воздействие на субъект, а как результат интеракции (предопределенного взаимодействия) многих субъектов, в ходе которой и появляются разные, в чем-то эклектичные, регулятивные модели, содержащие нормативные установления, формулируемые в ходе диалога государства и общества.

Сегодня актуален поиск путей партнерства между государством и обществом для повышения уровня вовлеченности общества в принятие государственно-властных решений, возрастание роли социальных институтов в формировании и корректировке существующей нормативной системы (тем не менее эти процессы осуществляются в установленном властно-принудительным способом в русле баланса публичных и частных интересов). Также следует отметить, что в настоящее время осуществляется пересмотр привычных нормативных правовых положений и устоявшихся постулатов правового регулирования, возможности для осуществления данных процессов дает активно развивающаяся цифровизация общественных отношений. Социальная реальность в целом и правовая

реальность в частности постоянно усложняются, и их исследование давно уже вышло из рамок количественного анализа.

В русле отмеченных тенденций особенности современного процесса правообразования раскрыты в концепции, предложенной В. В. Трофимовым, в соответствии с которой для понимания правообразовательных структур права должны быть изучены и проанализированы элементы интерактивной социальной среды. Современный правообразовательный процесс представляет собой соразвитие государственного и общественного источников правового генезиса как синергетическое единство сил, приводящих в движение правообразовательный механизм [1, с. 58–96]. В этом понимании особое значение в качестве важнейших технико-юридических оснований современного правообразования играют идея законопроекта и концепция законопроекта.

Идея законопроекта представляет собой прием юридической техники, начальный этап правотворчества в частности и правообразования в целом, представляющий собой систему суждений о потребности в этом документе, в правовой регламентации, о целях данного акта и об ожидаемом результате [2, с. 9–10].

Применительно к реалиям действительности есть основания полагать, что формирование идеи законопроекта осуществляется и должно осуществляться в тесном взаимодействии с общественными институтами. Возможно несколько вариантов.

1. Идея законопроекта разрабатывается и предлагается государством.
2. Идея законопроекта разрабатывается и предлагается обществом.
3. Идея законопроекта разрабатывается и предлагается в рамках совместного диалогического взаимодействия государства и общества.

Данная вариативность предопределяется в первую очередь развитием цифровой сферы общественных отношений, которая упрощает осуществление диалога государства и общества, а также создает условия для осуществления вариативности функционирования общественных институтов. Важно отметить, что предложение и разработка идеи законопроекта только органами государственной власти конструктивной будет лишь в сфере императивного правового регулирования. В иных случаях своевременным и уместным видится общественно-государственное взаимодействие в данной сфере.

Концепция законопроекта представляет собой в большей степени исследованный технико-юридический феномен и рассматривается как прием юридической техники, начальный этап законотворчества, который вы-

стует как официальное выражение правовых позиций ее составителей в форме системы знаний прогнозного характера, являющиеся обоснованием необходимости подготовки и принятия конкретного закона [3, с. 24]. Существуют также исследования концепции нормативного правового акта в целом, но, учитывая, что значимость концепции именно законопроекта как более высокого по юридической силе нормативного правового акта важнее в современной регулятивной системе, остановимся на ней.

В этом отношении варианты аналогичны тем, которые рассмотрены в отношении идеи законопроекта. Но в данном случае необходимо отметить значимость осуществления взаимодействия органов государственной власти и общественных институтов. В этом русле особо следует выделить потенциал применения аутсорсинга и краудсорсинга. Аутсорсинг применительно к органам государственной власти определяется как механизм выведения отдельных видов деятельности за рамки функционирования органов исполнительной власти путем заключения контрактов с внешними исполнителями на конкурсной основе [4, с. 98]. В этом случае высвобождаются финансовые и организационные ресурсы органов государственной власти, принимаются более эффективные решения за счет выполнения определенных функций специализированными и обладающими необходимыми навыками структурами. Краудсорсинг позиционируется как привлечение к решению социальных проблем населения для использования его способностей, знаний и опыта на добровольных началах с применением информационных технологий [5, с. 46–47]. В этом случае прогрессивное развитие общества и научно-технический прогресс предопределяют тот факт, что лица, обладающие государственно-властными полномочиями, не всегда могут иметь необходимый уровень знаний в узкоспециализированной сфере, что не может не повлиять на уровень конструктивности и эффективности принимаемых управленческих решений. В этом случае развитие конструктивного диалога между государством и обществом позволит снять данную проблему за счет привлечения общественных институтов или отдельных субъектов для участия в принятии властных решений. Кроме того, аутсорсинг поможет разгрузить функционирование органов государственной власти делегированием некоторых функций негосударственным институтам (например, в будущем это, возможно, будут специализированные норморайтинговые агентства). Развитие информационных технологий способствует появлению и совершенствованию форм осуществления данной деятельности и возможностям осуществления качественного контроля за ее эффективностью.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что эффективность современного правообразования в русле развивающейся государственно-правовой реальности предопределяется технико-юридическими основаниями осуществления данной деятельности.

Список источников

1. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. А. Придворова. Саратов, 2009.

2. Баранов В. М. Идея законопроекта: сущность, практическая ценность, технико-юридическое оформление // Журнал российского права. 2008. № 2(134).

3. Баранов В. М. Идея и концепция законопроекта: понятие, значение, диалектика функционирования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 17.

4. Милькина И. В. Аутсорсинг в системе государственного и муниципального управления // Вестник университета. 2013. № 8.

5. Пахомова О. А. Краудсорсинг как способ решения социальных проблем малых городов // Дискуссия. 2016. № 3(66).

О. В. Лазарева

Правообразующая воля: вопросы теории и практики

В условиях цифровизации происходят коренные изменения в обществе, меняется его технологический уклад, появляются новые отношения, которые предполагают адекватные и эффективные средства правового регулирования. По меткому выражению Т. Я. Хабриевой и Н. Н. Черного-ра, сфера правового регулирования «становится мультисодержательной: в ее пределах не просто возникают новые отношения, но существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи» [1, с. 96]. Поэтому государство планирует и принимает нормативные акты, способные устанавливать оптимальные варианты поведения, отвечающие новым вызовам современного развития. На практике наблюдается увеличение нормативного массива и изменение действующего. Происходит становление «права второго модерна» [2].

Формирование правовых норм — процесс сложный, многостадийный, растянутый на определенный период времени, предполагающий сознательный интеллектуально-волевой и творческий характер. С. Н. Братусь справедливо отмечал, что «процесс формирования юридических

норм немислим вне психологических актов воли живых людей, предлагающих, обсуждающих и утверждающих эти нормы» [3, с. 18]. Акцент делается на акты воли субъектов — живых людей в процессе правообразования, а не на запрограммированный результат работы техники. В современных условиях использования робототехники, инструментов искусственного интеллекта возникают дискуссии по поводу переосмысления традиционных аспектов свободы и воли, правосубъектности и ответственности, а также возможности перехода объекта права в субъект права и использования искусственного интеллекта в правотворческой деятельности в частности и правообразования в целом. Обсуждаются актуальные вопросы по поводу учета достижений перспективного развития техники и весьма высоких рисков, угрожающих человеческому обществу, а именно подчиняться «воле» техники, сформулированной в правовых нормах. Российское государство в полной мере должно оценить возможности и опасности достижений современной техники и на законодательном уровне выразить свою волю. Происходящая трансформация права приводит к изменению других элементов правовой системы, например, правового статуса личности, правоотношения, юридической ответственности, юридической практики, правосознания, правовой культуры и др.

С появлением необходимости в урегулировании общественных отношений для подготовки проекта нормативного акта и его принятия нужна правообразующая воля. Без волевых актов заказчиков, разработчиков, экспертов, обсуждающих, принимающих и подписывающих субъектов невозможен процесс формирования государственной воли и соответственно правообразования.

Правообразующая воля представляет собой не сумму и не совпадение всех волевых актов субъектов, участвующих в процессе формирования права, а особый, качественный ее уровень, обусловленный экономикой, политикой, моралью, правосознанием, правовой культурой и другими факторами. Еще Ж. Ж. Руссо, исследуя общественный договор, разграничивал общую и частную волю. Он писал, что «часто существует большое различие между волей всех и общей волей; последняя имеет в виду только интересы общие; первая, составляющая лишь сумму волей отдельных людей, — интересы частные; но отнимите от суммы этих самых волей крайние в одну и в другую сторону, взаимно друг друга уничтожающие, и остаток даст вам общую волю» [4, с. 24].

По объективным причинам правообразующая воля подвергается изменению. Поэтому следует отличать правообразующую волю в современном Российском государстве от правообразующей воли в рамках того или

иного конкретного периода его развития, например дореволюционного (общеклассовая воля) или социалистического (общенародная воля). Так, социалистический период развития уголовного законодательства характеризуется сохранением традиционных правовых предписаний в сочетании с новым подходом к защите интересов государства и трудящихся. УК РСФСР 1922 г. предусматривал возможность применения аналогии закона и репрессии. УК РСФСР 1926 г. содержал контрреволюционные преступления и устанавливал ответственность за недонесение о них.

В сравнении с указанными кодексами УК РФ запрещает его применение по аналогии, а в силу современной цифровой реальности постоянно дополняется новыми составами преступлений, например, различными видами мошенничества: мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159³ УК РФ), мошенничества в сфере компьютерной информации (ст. 159⁶ УК РФ).

Однако механизм формирования правообразующей воли остается стабильным. В. В. Степанян, анализируя теоретические проблемы правообразования, показал трансформацию воли господствующего класса или воли народа сначала в правотворческую волю компетентных должностных лиц, а затем в государственную волю, получившую выражение в законе [5, с. 28–29].

В процессе правообразования В. В. Степанян выделил два тесно взаимосвязанных этапа (объективный и субъективный) и определил интересы в качестве связующего звена между ними. Именно через осознание интересов заканчивается объективный этап и начинается субъективный — возникает правовая идея [6, с. 53–54].

А. А. Соколова в процессе правообразования выделяет три этапа. Она обращает особое внимание на последний этап — социализацию юридических норм, так как право вне общественных отношений не может проявить свою сущность и социальное назначение [7, с. 83]. В. В. Болгова, отмечая сложность правообразования на практике, также выделяет три стадии, которые можно условно представить в виде схемы: материальный источник права — идеальный источник права — юридический источник права [8, с. 15]. Разработка проблем правообразовательного процесса, как справедливо отметили Н. А. Придворов, В. В. Трофимов, напрямую зависит от правопонимания [9, с. 34].

Правообразующая воля приобретает форму государственной, когда объективируется в праве и становится обязательной для всех субъектов права. В праве выражается государственная воля, которая отличается от воли отдельных лиц, воли политических партий и других субъектов по-

литической системы общества. Своеобразие воли государства проявляется в том, что она объединяет экономические, политические и другие потребности и интересы субъектов права, отличается независимостью от воли отдельных лиц и их объединений, является обязательной, когда получает словесное выражение и закрепление в юридических нормах — правилах поведения.

Список источников

1. *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.
2. *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstvapriznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 12.09.2021).
3. *Братусь С. Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. М., 1947.
4. *Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре или принципы политического права. М., 1938.
5. *Степанян В. В.* Теоретические проблемы правообразования в социалистическом обществе. Ереван, 1986.
6. *Степанян В. В.* Механизм выражения интересов в социалистическом праве // Советское государство и право. 1982. № 5.
7. *Соколова А. А.* Социальные аспекты понятия «правообразование» // Государство и право. 2004. № 7.
8. *Болгова В. В.* Понятие и система принципов права // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3.
9. *Придворов Н. А., Трофимов В. В.* Правообразование и правообразующие факторы в праве : монография. М., 2019.

С. В. Матюшенко

Зависимость правообразования от судебной практики

Одним из факторов развития правообразования считается судебная практика. Под ней понимается вариант вспомогательного источника права, который восполняет пробелы в действующем законодательстве Российской Федерации и определяет единые подходы к толкованию и применению судами норм права.

Судебная практика влияет на правообразование как прямо, так и косвенно. Прямой вариант правообразования — это руководящие

разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, обеспечивающие правильное и единообразное применение законов судами Российской Федерации. Именно в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ предлагается обратить внимание на те положения закона, которые вызвали затруднения при его применении. Так как решения Пленума Верховного Суда РФ обобщают практику деятельности судов, то именно эти решения нацеливают и помогают в точной реализации статей закона не только судьям, но и всем правоохранительным органам. Часто в дальнейшем теоретические положения, содержащиеся в решениях Пленума Верховного Суда РФ, являются и вносятся в качестве изменений в федеральные законы.

Интересный формат правообразования возникает при влиянии косвенного варианта судебной практики. Здесь можно выделить два пути: знакомство и анализ имеющейся судебной практики в справочно-правовых системах и обзор научных источников по тематике юридической практики.

Рассмотрим первый путь — знакомство и анализ имеющейся судебной практики в справочно-правовых системах. В данных системах имеется особый раздел, в котором собраны примеры из судебной практики по стране. Просматривая и анализируя данный раздел, правоприменитель обращает внимание на несколько аспектов, отраженных в судебных решениях: описание технологии совершения преступления, описание выявленного мотива (мотивов) совершения преступлений, определение вида наказания. Данный анализ помогает правоприменителю в ситуации, когда он сталкивается с подобными преступлениями, но еще не имеет алгоритма его расследования.

Второй путь косвенного влияния на правообразование, а именно обзор научных источников по тематике юридической практики, иногда бывает единственным «помощником» правоприменителя. Дотошный ученый, изучив архивы судебных дел, выявляет алгоритмы раскрытия таких преступлений, которые уже есть в действительности, но нет по ним ни аналитики, ни рекомендаций. И тут субъективное суждение автора научной статьи или монографии, подкрепленное данными из судебной практики, становится не только объективным, но и отправной точкой для правоприменителя при расследовании новых, нестандартных или неясных уголовных дел.

Таким образом, если под правообразованием имеют в виду объективные факторы, обуславливающие необходимость принятия в официальном порядке тех или иных норм [1], то судебная практика выступает одним из них, особенно сегодня, при активном расширении преступных

деяний, что мы видим в области киберпреступности. И тогда именно судебная практика выступает серьезным подспорьем при официальном закреплении новых норм права.

Список источников

1. *Дробязко С. Г.* Правообразование, правотворчество, правоустановление, их субъекты и принципы // *Право и демократия : сб. науч. тр. Вып. 14.* Минск, 2003.

И. В. Минникес

Проблема общеобязательности норм, содержащихся в партийных правовых актах

Вопрос о признании партийного акта источником права уже неоднократно ставился автором и некоторыми другими исследователями и решен положительно [1; 2].

Если не придерживаться перечня официально признанных источников права, как это господствовало в советской теоретико-правовой науке, где считалось, что к формам выражения советского права (к его источникам) относятся только нормативные акты или главным образом нормативные правовые акты [3, с. 82, 80], можно допустить существование таких источников права, которые, являясь носителями правовых норм, тем не менее лежали вне сферы исследований юристов. При определенных условиях акты партийных органов Советского государства, а также некоторых иных государств могут играть особую роль в социальном регулировании, а отраженные в них правила — вполне соответствовать признакам норм права.

Большинство теоретиков права не связывало и не связывает вопрос об источниках права с деятельностью партийных структур. Инициаторы признания особой роли актов партийных органов в правовом регулировании — это в основном историки права. Так, о партийном участии в правотворчестве упоминают О. В. Винниченко и А. М. Ваганов [4], Д. В. Жукова-Василевская [5], Т. П. Коржихина и А. С. Сенин [6], О. Д. Максимова [7], Р. А. Насибуллин [8], Е. А. Скрипилев [9] и др.

Но историко-правовые исследования не ставят своей задачей выявление теоретико-правовой базы признания за партийным актом статуса источника права. Впервые теоретическая база под историко-правовые явления подведена в диссертации С. А. Токмина «Партийные акты в си-

стеме источников советского права» [10]. Автор указал, что с теоретико-правовых позиций для признания партийного документа носителем правовой нормы необходимо, чтобы содержащееся в нем правило общего характера обладало свойствами правовой нормы как минимум общеобязательностью, формальной определенностью и наличием государственных гарантий.

Следует отметить, что речь идет не о всех нормах, изложенных в партийных актах. Некоторые акты целиком посвящены регулированию внутрипартийных отношений, а содержащиеся в них предписания относятся к корпоративным нормам (или, как называли ранее, нормам общественных организаций). Предметом анализа будут те нормы, которые адресованы кругу лиц, не ограниченному рамками партийной принадлежности.

В основе источниковой базы исследования лежат акты РКП(б)–ВКП(б)–КПСС Советского государства.

Общеобязательность выступает одним из важнейших признаков права, хотя объем понятия варьируется: кто-то определяет его как равное воздействие на разных субъектов [11, с. 65], для других это распространение нормы на субъектов, независимо от их субъективного отношения [12, с. 204]. Исходя из самого термина, представляется, что ближе к истине те авторы, которые считают общеобязательность комплексным признаком, включающим общий характер нормы как неперсонифицированность правила (т. е. то, что она относится не к конкретному субъекту, а ко всем гражданам или кругу субъектов) и обязательность как независимость нормы от субъективного отношения к ней [13, с. 188; 14, с. 163].

Следовательно, для того чтобы присвоить партийным нормам свойство общеобязательности, нужно доказать, что они были обязательны к исполнению и соблюдению гражданами и коллегиальными субъектами (не только членами партии), независимо от их отношения к обнародованным предписаниям.

Анализ содержания партийных актов и правоприменительной практики показывает, что ряд норм, воплощенных в актах партийных органов, вполне соответствует указанным требованиям: множество распоряжений партия адресовала не только коммунистам и структурным подразделениям партии, но и гражданам, должностным лицам, государственным органам, учреждениям, хозяйствующим субъектам и т. д.

Наиболее широкий круг лиц затрагивают решения съездов, поскольку в них отражены самые разные аспекты жизни государства (например, резолюции IX съезда РКП(б) «О переходе к милиционной системе»;

X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом»; XI съезда РКП(б) «О финансовой политике»; XII съезда РКП(б) «О районировании» и т. д.), а также обозначаемые с помощью партийных актов хозяйственно-экономические пятилетние планы.

По аналогии с нормативными правовыми актами специального характера принимались партийные решения и для определенного круга субъектов, причем независимо от их партийного статуса. В частности, постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании общественных дисциплин в комвузах, вузах, рабфаках и техникумах» от 7 июня 1926 г. предназначалось прежде всего Наркомпросу, но круг адресатов постановления включает институты, преподавателей вузов и иных учебных заведений, а также студентов, слушателей курсов и аспирантов; постановление от 3 апреля 1933 г. «О перестройке организационной структуры политуправления Красной Армии» затронуло весь состав военно-воздушных и военно-морских сил, поскольку на вновь учрежденных политических помощников командования были возложены образовательные и кадровые вопросы армии и т. п.

Этот факт советскими авторами оценивался как должное: «одни из содержащихся в партийных документах политические нормы регулируют внутрипартийные отношения, другие адресованы советским и хозяйственным учреждениям, комсомолу, профсоюзам, другим общественным и самодеятельным организациям, трудовым коллективам или даже всем членам общества в целом» [15, с. 52]; «решения правящей партии... имеют силу высшего авторитета для членов партии и всего общества» [16, с. 210].

Проанализировав характер норм, заложенных в различных партийных актах, можно заметить, что он варьировался от рекомендаций до императивных приказов. Так, если ЦК ВКП(б), обращаясь к хозорганам, распорядился «считать обязательным» предварительный расчет потребностей в рабочей силе при проектировании предприятия [17, с. 54], о диспозитивности данного указания речи нет, как и в коротком «обязать»: «обязать Народный комиссариат связи»; «обязать Госплан», «обязать министерства». Также стоит оценивать и иные формулировки, например: «поручить», «считать необходимым», «возложить задачу», «считать недопустимым»; и даже «предупредить министров и их заместителей, руководителей ведомств... о том, что они несут личную ответственность...» [18, с. 522].

Иногда возлагаемая партией обязанность внешне выглядит рекомендацией, например, «разрешить Министерству», но Ю. А. Борисова пра-

вильно считает, что выбор формулировки диктовался в некоторых случаях стремлением «завуалировать прямое руководство под так называемые „рекомендации“, которые носили практический обязательный характер» [19, с. 17].

В некоторых случаях юридическая сила партийной нормы, как справедливо отмечал В. М. Курицын, даже перевешивала силу закона [20, с. 57]. Конкретным примером может служить нарушение Наркоматом труда статей Трудового кодекса РСФСР, запрещавших прием на работу минуя биржи труда. Когда постановления Наркомата рассматривались в Верховном Суде СССР в порядке конституционного надзора, выяснилось, что в их основу легла партийная директива Политбюро ЦК и ЦКК ВКП(б), и вопрос о неконституционности актов Наркомтруда был снят. Единственное действие, предпринятое в этой ситуации Верховным Судом, сводилось к ходатайству о «необходимой увязке в советском порядке» циркуляров и постановлений, нарушающих Кодекс законов о труде, издаваемых Наркоматом труда Союза ССР при наличии партийных директив, а также об учете их в качестве основания для признания законными названных циркуляров и постановлений [21, с. 7–16].

Подводя итоги, можно заключить, что предположение об общеобязательном характере некоторых норм партийных актов вполне обоснованно. Поэтому общение на международном уровне с государствами, в которых сложилась политико-правовая ситуация, аналогичная советскому строю, предполагает внимательное отношение не только к законодательству, но и к тем нормам, которые оформлены в актах партийных структур.

Список источников

1. Минникес И. В., Парфенова Т. А. Источники Российского права (X–XX в.) : учеб. пособие. Иркутск, 2019.
2. Минникес И. В., Токмин С. А. Партийные акты в системе источников советского права : монография. М., 2019.
3. Явич Л. С. Право и общественные отношения (основные аспекты содержания и формы советского права). М., 1971.
4. Винниченко О. В., Ваганов А. М. К вопросу об определении статуса партийных актов в системе источников советского права // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 2.
5. Жукова-Василевская Д. В. Источники права России: тенденции формирования и развития : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
6. Коржихина Т. П., Сенин А. С. История российской государственности. М., 2005.

7. Максимова О. Д. Законотворчество в Советской России в 1917–1922 годах. М., 2011.

8. Насибуллин Р. А. История Советского государства и права в России : учеб. пособие. Ч. 1 (1917–1940 гг.). Екатеринбург, 1996.

9. Скрипилев Е. А. О некоторых вопросах истории Советского государства и права // Из истории Советского государства и права. М., 1989.

10. Токмин С. А. Партийные акты в системе источников советского права : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016.

11. Бошино С. В. Свойства права // Право и современные государства. 2014. № 1.

12. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 1 : Основные вопросы общей теории социалистического права. Свердловск, 1972.

13. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учебник. М., 2003.

14. Пьянов Н. А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. 3-е изд. Иркутск, 2010.

15. Фаткуллин Ф. Ф. Политические нормы социализма. Казань, 1988.

16. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: социалистическое право. М., 1973.

17. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / КПСС; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. : в 16 т. Т. 5 : 1929–1932. М., 1984.

18. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988) / КПСС; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр. : в 16 т. Т. 8 : 1946–1955. М., 1985.

19. Борисова Ю. А. Областные партийные комитеты как органы политической власти на местах в 1918–1937 гг.: на примере Западного региона РСФСР : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

20. Курицын В. М. История государства и права России. 1929–1940 гг. : учеб. пособие. М., 1998.

21. Митюков М. А. О некоторых теоретических аспектах судебного конституционного надзора в СССР (1924–1933 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 292.

Проблема границ свободы совести: юридический и политический контексты

Констатация неотъемлемости права на свободу совести гражданина современного государства в политико-правовом дискурсе выглядит чем-то очевидным и не требующим дополнительных аргументов. Международные документы по правам человека и российское законодательство провозглашают и гарантируют право на свободу совести, создавая логические и юридические предпосылки для дальнейшего развития правового регулирования общественных отношений в сфере реализации данного права. Однако правовое содержание понятия свободы совести существенно зависит от политических обстоятельств, складывающихся в конкретной исторической ситуации. Оно изменяется в силу правовых и политических факторов, которые обусловлены социальными, культурными, идеологическими условиями.

Во-первых, границы свободы совести задаются теми ограничениями прав человека, которые заложены в базовых международных документах. Так, в п. 2 ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, принятой в Риме 4 ноября 1950 г., допускается ограничение свободы совести лишь в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. В данном случае слово лишь должно указывать на исключительность обстоятельств, по которым возможны ограничения свободы совести. Однако на самом деле такие обстоятельства в конкретной практике могут трактоваться самым широким образом. В частности, это касается нравственности, представления о которой отражают в том числе идеологические установки, преобладающие в конкретное время. Представления о безусловных вечных нравственных ценностях вступают в противоречия с историческими и социологическими аргументами, свидетельствующими об изменчивости моральных представлений. А современное дискретное культурное пространство тем более усложняет поиск абсолютной нравственности. Современные разговоры о традиционных нравственных ценностях в России наталкиваются на конкуренцию традиций, идущих или от времени Российской империи, или от советского периода, или от постсоветской реальности. Интересы общественной безопасности или охрана общественного порядка также могут трактоваться самыми разнообразными способами. Так, в Швейцарии в результате референдума 2009 г. запретили строить новые минареты.

Эту меру поддержали 57,5% граждан страны. При этом власти не видели в этом ограничения права мусульман исповедовать свою религию. Сами мусульмане с этим не были согласны. Если смоделировать ситуацию, при которой в некоторых регионах России (традиционно преимущественно не православных) запретили звон колоколов в православных церквях, то мы получим во многом сходное со швейцарским событие.

В современных российских условиях серьезно осложнило существование многих религиозных сообществ антиэкстремистское законодательство, в котором характеристика экстремизма не вполне определена, а значит, в любой момент это может способствовать сдвиганию границ свободы совести.

Во-вторых, речь идет о конфигурации государственно-религиозных отношений, которая определяет взаимоотношения государства и религиозных объединений, а также позиции верующих в обществе. Государственно-конфессиональные отношения как одно из направлений внутренней и внешней политики государства всегда задают контекст интерпретации понятия свободы совести. Право становится способом ее воплощения в социальную реальность.

В Законе «О свободе совести и религиозных организациях», принятом 1 октября 1990 г. постановлением Верховного Совета СССР, и в Законе «О свободе вероисповедания», принятом 25 октября 1990 г. Верховным Советом РСФСР, фактически устанавливались правила свободного конкурентного религиозного рынка, на котором все религиозные объединения и направления свободно борются за прихожан. Это привело к росту не только традиционных для России религий, но и новых религиозных организаций. Активную миссионерскую деятельность проводили иностранные религиозные объединения. Однако такое мировоззренческое разнообразие вызвало негативную реакцию и со стороны определенной части политического истеблишмента, и со стороны укорененных в истории России православия и ислама, что изменяет ситуацию во второй половине 1990-х гг. В Русской православной церкви Московского Патриархата постепенно набирает силу антисектантское и антикультовое движение, получившее поддержку и со стороны государственных структур. Так, в декабре 1996 г. президенту Б. Н. Ельцину было направлено обращение Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России», в котором появляется требование обеспечить религиозную безопасность российского общества. Само появление понятия «религиозная безопасность» в общественных дискуссиях означало серьезный пово-

рот в сфере государственно-религиозных отношений. Ситуация свободной конкуренции уходит в прошлое. Одним из важных факторов этих изменений стало «очевидное стремление Русской православной церкви занять первенствующее положение среди всех религиозных сообществ и, оказывая все более усиливающееся давление на государственные структуры...» «вернуть» общество к мировоззренческой ситуации рубежа XIX–XX вв.» [1, с. 327–328].

В принятом в 1997 г. Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» в преамбуле провозглашается особая роль православия в истории и культуре России, отдельно выделяются христианство, ислам, буддизм и иудаизм и говорится об уважении и всех остальных религий. Фактически устанавливается три группы религий. Такая констатация, помещенная в преамбуле закона, не повлекла юридически закрепленного неравноправия религиозных организаций. Вместе с тем были расставлены акценты. Новый порядок регистрации религиозных организаций создал серьезные трудности для деятельности многих религиозных объединений, которые не имели подтвержденного 15-летнего срока своего существования в форме религиозной группы. Кроме того, законодательные акценты повлияли на отношения исполнительных органов государственной власти к нетрадиционным религиозным сообществам, представляющим те самые «остальные» религии.

Право на свободу совести, закрепленное в российском законодательстве, имеет по крайней мере четыре основных компонента: исповедовать единолично или совместно с другими людьми любую религию или не исповедовать никакой; менять свои убеждения; распространять свои религиозные или иные убеждения; действовать в соответствии с ними. И если право иметь и менять свои убеждения в новых условиях сохранилось, то вопрос совместного исповедания и распространения религии для многих религиозных сообществ обострился. Особенную остроту он приобрел после принятия в 2002 г. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». Правовая неопределенность понятия экстремизма повлекла негативные последствия для ряда религиозных объединений, в том числе традиционных и особо уважаемых. Поэтому в 2015 г. понадобилось принятие Федерального закона от 23 ноября 2015 г. № 314-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон „О противодействии экстремистской деятельности“», в котором было установлено, что «Библия, Коран, Танах и Ганджур, составляющие духовную основу христианства, ислама, иудаизма и буддизма, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами». Но такую «охранную грамоту» не получили вероисповедные тексты других религий.

Таким образом, понимание права на свободу совести за последние тридцать лет претерпело серьезные изменения. Изменение государственно-религиозных отношений привело к фактическому формированию иерархии религиозных сообществ при сохранении юридически объявленного равноправия. Постоянно возникающие коллизии в религиозной сфере провоцируются разнонаправленностью правовых деклараций и традиционалистскими установками современного внутри-политического курса. Вместе с тем отчетливо фиксируется следование правового регулирования за формированием определенных идеологем.

Список источников

1. *Одинцов М. И.* Российское государство в поисках новой модели вероисповедной политики. 1994-1997 гг. // Свобода совести в России : исторический и современный аспекты. Вып. 9 : сб. ст. СПб., 2011.

Г. Е. Москаленко

Влияние общественной солидарности на происхождение государства в политико-правовой концепции

М. М. Ковалевского

В своих теоретических исследованиях М. М. Ковалевский демонстрировал связь идеи солидарности не только с теорией права, но и с теорией государства. Отмечая тот факт, что для него и его современников вопрос о происхождении государства оставался открытым, ученый писал: «Нужно осознать, что в настоящее время вопрос об определении государства принадлежит к числу наиболее спорных в науке государственного права» [1, с. 3]. Также правовед стремился к теоретическому обоснованию проблемы возникновения публичной власти, задавая вопрос: «Где искать источник происхождения политического главенства, исключительно ли в военном руководительстве, или также в превосходстве ума и богатства, от чего зависит и частое выступление в роли посредника вождя и патрона, все это вопросы еще открытые» [2, с. 6]. Ответы на эти вопросы ученый давал при содействии идеи общественной солидарности, служившей важнейшим основанием в решении проблемы происхождения государства и государственной власти.

Процесс исторического развития различных социальных общностей, согласно воззрениям М. М. Ковалевского, определяется ростом общественной солидарности. «Состояние замиренной среды с присущим

ей чувством общественной солидарности, взаимозависимости людей, подкрепляемое вооруженным насилием, ведет к объединению, прогрессирующему от союзов бродячих орд до единого политического целого – государства» [1, с. 27]. Значимость идеи солидарности в вопросе происхождения государства подкреплялась данными этнографии. Причиной этому послужила позиция мыслителя, согласно которой накопленный юристами и историками эмпирический материал не дает возможности решить поставленную проблему без использования достижений науки, изучающей народы–этносы и другие этнические образования, их происхождение (этногенез), состав, расселение, культурно-бытовые особенности, а также их материальную и духовную культуру [3, с. 138]. Как справедливо отметил Н. Я. Куприц, М. М. Ковалевский стремился решить проблему социального развития человечества, исследуя культурно-бытовую жизнь народа [4, с. 55].

На основе сравнительно-исторического метода отечественный правовед приходил к выводу о том, что государство не является первичной формой общественных союзов, «при которой народ-племя находит возможность политического самоопределения под властью признаваемого им общего правительства» [1, с. 23]. М. М. Ковалевский считал, что существовали общежительные союзы, возникшие ранее государства, в которых уже имелась «некоторая организация» и «уже существовали некоторые нормы права» [1, с. 41]. Фактически государство представляет собой такой же общежительный союз, который возникает в результате усложнения общественной жизни и достижения более высокой стадии развития общественных отношений [5, с. 25].

В качестве основных признаков государства либеральный мыслитель усматривал территорию, население и власть. М. М. Ковалевский, в отличие от иных современных ему правоведов, таких как Б. Н. Чичерин, А. Д. Градовский, П. И. Новгородцев, не относил к основным признакам государства право и развитие экономической системы.

Значительное внимание ученый уделял такому элементу государства, как власть. Он писал: «Основой всякого государственного общежития является психологический мотив — готовность подчинения» [6, с. 238]. Подчеркивая значимость психологических мотивов для возникновения государственной власти, он ссылаясь на идеи таких французских ученых, как Э. де ла Боессии и М. де Монтень. Изначально власть принадлежала старшим, т. е. главам семей, которые являлись хранителями предания и обычая. В этот период лишь на время войны, в исключительных случаях, начальство на себя принимает человек, умственно и физически более

квалифицированный [3, с. 139]. Впоследствии рост имущественного неравенства, роль семейных знаний и захват одного племени другим способствуют возникновению наследственной власти. С появлением частной собственности и рабства возникает княжеская власть, которая со временем становится абсолютной. В целом либеральный правовед считал, что власть возникает путем психического воздействия сильной и одаренной личности на инертную и пассивную массу.

Важной особенностью концепции М. М. Ковалевского является то, что право не рассматривается в тесной связи с государством. Напротив, право понимается как объект, стоящий вне и над государством [7, с. 119–121]. Право возникает до государства и, порожденное солидарностью, служит поддержанию и росту этой солидарности [5, с. 84]. При этом государство является определенным итогом достигнутой в обществе солидарности. Достижению необходимого уровня солидарности способствует право. Таким образом, государство обязано своим появлением не только солидарности, но и праву, ставящему в качестве своей главной задачи поддержание и рост общественной солидарности, уровень которой привел к возникновению государства.

Список источников

1. Ковалевский М. М. *Общее учение о государстве*. СПб., 1909.
2. Ковалевский М. М. *Современные социологи*. СПб., 1905.
3. Ковалевский М. М. *Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии* // *Итоги науки и теории и практики*. М., 1914. Т. X.
4. Куприц Н. Я. Ковалевский. М., 1978.
5. Ковалевский М. М. *Социология* : соч. : в 2 т. СПб., 1910. Т. 1.
6. Ковалевский М. М. Прогресс // *Вестник Европы*. 1912. Кн. 2.
7. Москаленко Г. Е. *Право и солидарность в концепции М. М. Ковалевского* // *Гуманитарные, социально экономические и общественные науки*. 2018. № 1.

А. В. Парфенов

К вопросу о роли юридической науки в процессе правообразования (в контексте идеи компромисса)

Формирование предложений, направленных на совершенствование правотворческой деятельности, вряд ли может быть успешно осуществлено без обращения к более широкому феномену, обозначаемому как

правообразование. Как явление правовой действительности оно хорошо знакомо и ученым-правоведам, и юристам-практикам. Правообразование представляет собой растянутый во времени, достаточно долгий процесс создания правовой нормы. Как отмечается в учебной литературе, его началом следует считать момент осознания необходимости правового регулирования анализируемой социальной ситуации, появления самого общего представления о юридическом предписании, которое требуется создать [1, с. 399]. Заканчивается правообразование подготовкой и последующим принятием нормативного правового акта. Соответственно, можно констатировать, что правотворчество есть его финальный этап.

Появление представлений о необходимости правового регулирования тех или иных общественных отношений, осознание потребности в разработке нормативного правового акта возникает в процессе развития общества. Как правило, на его определенном этапе обнаруживается проблема, решение которой связывается с использованием потенциала юридических средств. Так, появление угрозы COVID-19 потребовало тщательной проработки юридических аспектов вопросов вакцинации населения, соблюдения режима самоизоляции, использования средств индивидуальной защиты, реализации мер профилактики заболевания и др. Внимание к ним со стороны компетентных государственных органов привело к созданию в последние два года ряда нормативных правовых актов.

Обращаясь к феномену правообразования, важно отметить один любопытный, с точки зрения ученого-правоведа, момент. Он сводится к тому, что, как показывает накопленный опыт, определить общий вектор данного процесса в масштабе государства в большинстве случаев весьма проблематично. Идеи, направленные на уточнение сферы правового регулирования и совершенствование законодательства, часто возникают хаотично, по мере появления конкретных проблем, что само по себе не способствует системному развитию законодательства. В современных условиях для него, как справедливо замечал В. С. Горбань, характерно «отсутствие фундаментальности... стремление к поиску оптимальных прикладных решений социальных проблем» [2, с. 20]. Повышенное внимание со стороны законодателя, уделяемое преимущественно текущим потребностям, таит в себе серьезную опасность. Подобная тенденция, в частности, способствует ослаблению авторитета государственных, прежде всего правотворческих, органов. Она дает основу для формирования у широкого круга субъектов представлений о неспособности власти эффективно осуществлять управление обществом и заниматься прогнозированием развития общественных отношений. Система ее социально

значимых действий начинает восприниматься лишь как запоздалая реакция на происходящие события и процессы.

Отмеченная тенденция наносит урон престижу государства. Ей, на наш взгляд, можно противопоставить усиление роли и влияния юридической науки в области правообразования. Устранить отмеченную проблему в целом она, по всей видимости, окажется не в состоянии. Однако юридическая наука способна понизить остроту ее отдельных аспектов. Подчеркнем, что юриспруденция не пытается оспорить статус государства как важнейшей правообразующей силы. Сообщество ученых-правоведов призвано выступить не в роли его конкурента, а в качестве надежного помощника. Знания и опыт специалистов оказываются востребованными начиная с самых ранних этапов правообразования. Например, весьма значимы они при определении предмета правового регулирования. Далеко не все общественные отношения, которые, как могло показаться, требуют юридической регламентации, должны быть отнесены к нему. Мнение ученых-правоведов должно оказаться здесь решающим, позволяющим в случае необходимости своевременно блокировать излишние, порой абсурдные законодательные инициативы (например, идею о запрете продавать сигареты женщинам моложе 40 лет), что, в конечном итоге, способствовало бы и «разгрузке» правотворческих органов, и реализации требования компактности и эффективности законодательства. Наряду с этим направлением весьма ценными представляются рекомендации ученых-правоведов по использованию способов правового регулирования, совершенствованию существующей модели системы права и т. д.

Любопытно, что высокая значимость роли ученых-правоведов в области правообразования признавалась еще в Древнем Риме. Данный процесс в нем имел свои особенности. В частности, правовое регулирование общественных отношений там строилось преимущественно «не в порядке законодательства, а путем научной работы юристов... по разрешению споров между частными лицами». Постепенно в ходе деятельности такого рода сформировалось глубокое понимание того, что эффективное правовое регулирование общественных отношений требует своевременного и точного определения базовых «правообразующих» интересов субъектов. Ученые-правоведы неоднократно акцентировали внимание законодателя на том, что понимание их природы и содержания позволяет определить возможные направления деятельности отдельных лиц и коллективов, прогнозировать их социальные последствия. Воздействие же со стороны права на интересы субъекта во многом позволяет управлять его поведением.

В современном обществе субъекты обладают значительным количеством самых разных, в том числе противоречивых, интересов. Выявление их массива и познание внутренних взаимосвязей является весьма сложной задачей для субъектов правотворчества. Цена ошибки здесь высока, ибо действия законодателя способны как обеспечить согласование социально значимых интересов, так и обострить конфликт между ними.

Стабильность, устойчивость социальной системы выступает основой для развития всего социального организма. На ее поддержание во многом и должна быть направлена деятельность законодателя. В связи с этим, начиная с самых ранних этапов правообразования, принципиально важным становится как выявление самих базовых социально значимых интересов субъектов, так и определение возможности, перспектив их столкновения. Игнорирование проблемы законодателем, как и «слепая» поддержка им одной из сторон, не будет препятствовать развитию конфликта, а в ряде случаев поспособствует его переводу в скрытую форму.

Предупреждение подобных ситуаций, как и формирование предложений, связанных с разрешением ранее возникших противоречий, входит в круг задач юридической науки в области правообразования. Современная юридическая наука накопила и готова предложить практике немало их различных вариантов. Компромисс, который традиционно определяется как «соглашение, достигнутое путем взаимных уступок», выступает одним из них. Исследователи заслуженно относят его к числу наиболее «цивилизованных форм достижения согласия» [3, с. 35]. Конфликты всегда были и будут спутником человеческой цивилизации, поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что данный феномен давно попал в поле зрения ученых и был успешно адаптирован под потребности юридической практики. Например, уже в V–IV вв. до н. э. один из семи мудрецов Древней Греции Солон объявил главным в законах обеспечение именно компромисса [4, с. 10].

В современной юридической науке этот феномен получил дальнейшее развитие. Акцентируя внимание на разных сторонах компромисса в праве, ученые-правоведы по-разному трактуют его природу и назначение. В нем, в частности, они могут видеть специфическую «процедуру в уголовном судопроизводстве» [5, с. 14], «способ разрешения социально-трудовых конфликтов» [6, с. 12] и т. д.

Наряду с указанными подходами не теряет своей актуальности и рассмотрение компромисса в качестве фундаментальной политико-правовой идеи. В таком ключе он выступает всеобщим масштабом, своеобразным эталоном, который должен лежать в основе поведения как

граждан, так и должностных лиц. Особенно велико значение подобной концепции в области правообразования. Согласование противоречивых интересов, имеющее в своей основе уважение к мнению оппонента и готовность идти на уступки и нашедшее отражение в праве, выступает необходимым условием создания законодательства, в сохранении и поддержании которого были бы заинтересованы сами субъекты. Трудно поспорить с утверждением исследователей о том, что в идеале само право могло бы стать «компромиссом различных социальных сил» [7, с. 25].

Как показывает накопленный социально-правовой опыт, значение юридической науки как традиционного источника права устойчиво снижается. Вместе с тем «ее роль в качестве неформального элемента правообразования... растет» [1, с. 338]. В современных условиях юридическая наука должна стать его надежной теоретической основой.

Список источников

1. *Теория государства и права : учебник для бакалавров / под ред. В. К. Бабаева. М., 2013.*
2. *Горбань В. С. Понятие, теория и проблемы формирования общей концепции эффективности законодательства. М., 2009.*
3. *Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права : монография. Волгоград, 2009.*
4. *Соколов А. Н., Петровская А. В. Правовой закон – «стержень» правового государства. Калининград, 2008.*
5. *Попова И. А. Тактико-криминалистическое обеспечение компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.*
6. *Ситникова О. В. Компромисс как способ разрешения социально-трудовых конфликтов : дис. ... канд. социол. наук. М., 2011.*
7. *Лапаева В. В. Социология права: в поисках новой парадигмы // Государство и право. 1992. № 7.*

Д. В. Попов

Философия права в «новом цифровом мире»: зримое отсутствие или незримое присутствие?

В недавнее по историческим меркам время буквально на наших глазах произошел всплеск интереса к философии права в период распада СССР. Это внимание было обусловлено сменой политического

курса, экономического уклада жизни, мировоззренческих установок и ценностей населения. Подобный ренессанс философско-правовой проблематики охватил как минимум пространство бывшего СССР. Обсуждение правовой и политической повестки взбудоражило общественность в годы перестройки. Из «спецхранов» появились произведения Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева, И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, Б. П. Вышеславцева, Л. Н. Тихомирова, Б. А. Кистяковского, Л. И. Петражицкого и др., были изданы монографии В. С. Нерсисянца, К. Шмитта, М. Фуко, Г. Кельзена, Дж. Роулза и др. Большой интерес к философии права проявили юристы С. С. Алексеев, Ю. Г. Ершов, Д. А. Керимов, Ю. В. Тихонравов. Возникло ощущение, что высказывание И. В. Михайловского о том, что «для юриста философия права должна быть альфой и омегой всего его образования», обретает практический смысл. В Омской академии МВД России с 1996 г. появилась дисциплина «Философия права», а кафедра философии и политологии академии в рамках описываемой тенденции начала проводить международную научную конференцию «Онтология и аксиология права» (в 2021 г. проведена десятая конференция).

Но затем, после достижения пика, интерес стал спадать. По мнению Г. Ч. Синченко, пик интереса, если судить по статистике научных изданий, приходится на 1997 г. [1, с. 5–14]. Предшествующий такой же пик в России приходился на 1907–1908 гг., после чего нарастающий интерес к философии права стал ослабевать вплоть до событий Октябрьской революции. Отметим, что всплеск интереса к философии права на пространстве бывшего СССР косвенно отозвался реальными политико-правовыми событиями. Цепная реакция происшедших изменений в мире позволила Ф. Фукуяме даже преждевременно объявить о «конце истории».

Однако есть основания полагать, что по мере оформления политико-правовых институтов, возникновения и стабилизации новых экономических механизмов, формирования системы управления, интерес к философии права в постсоветской России постепенно сошел на нет и вновь принял в основном академический характер. Сейчас, например, философия права преподается в Омской академии в основном в адъюнктуре. Можно зафиксировать, что интерес к философско-правовой мысли стабилен в научной среде, — это уважаемая область знаний на стыке философии и юриспруденции. Однако обществу философия права интересна эпизодически и ситуативно. Волатильность интереса определяется острыми проблемами, возникающими в политико-правовом поле, политико-правовой конъюнктурой. Синусоида интереса к философии

права испытывает давление социального напряжения, чередования периодов нестабильности и стабильности. В периоды определенности политико-правовой системы философия права, оставаясь частью правовой идеологии, редко выходит за пределы профессионального интереса. Философия права востребована тогда, когда существует запрос на решение важных правовых проблем, требующих принципиально иного подхода. В такие моменты она покидает кабинеты ученых и становится предметом плебисцита. Философия права отвечает на запрос в метаюридическом дискурсе в ситуации, когда общество занимается саморефлексией в отношении собственных правовых основ. Одним словом, философия права востребована тогда, когда требуется парадигмальный сдвиг в осмыслении правового универсума.

Возникает вопрос, а существуют ли такие проблемы в современном мире? Представляется, что да. Во-первых, в философской среде сейчас принято считать, что состояние современной культуры следует характеризовать как метамодерн — особого рода колебание (осцилляция) между ценностями модерна и постмодерна [2, с. 62–70; 3, с. 53–62]. Если модерн — это ценности прогресса, рациональности, науки, техники, социального конструирования на основе научного разума, то постмодерн — это критика достижений человеческого разума, науки, техники, прогресса, возврат к ценностям индивидуальной частной жизни, понимаемой часто иррационально, эстетически, психологически. Постмодерн отстаивает идеи деконструкции культуры, ризоморфности, децентрации, плюральности, имманентности общества, аперспективности истории. Существует как минимум три варианта совмещения модерна и постмодерна: 1) отказ от идей постмодерна — сворачивание значительного пространства эстетических проектов и частных практик в пользу новой индустриализации, территориальной и даже внеземной экспансии, оптимизации социальной жизни через призму экологической повестки, трансгуманистического перехода человечества к бессмертию и т. п.; 2) отказ от идей модерна к пользу формирования футуроархаических конструкций, совмещающих новейшие технологии, многообразие культурных форм и квазифеодальные принципы организации общества в духе коннектографической модели глобализма П. Ханна или модели «рентного общества» [4], в которой возобладали тенденции рентоориентированности элит; 3) частичное принятие/отказ от ценностей модерна и постмодерна. В последнем случае поддерживается технократия, обособление национальных государств-корпораций, восстановление традиционных ценностей в контексте новых вызовов и новой политической мифологии, глокализация.

Как верно подмечено, пространственно-временная конвергенция сделала мир тесным (Э. Гидденс). Это привело к тому, что вторая волна глобализации, еще вчера по историческим меркам бывшая приливной волной, переходит в стадию отлива. Так уже было с первой волной глобализации, что хорошо описано К. Поланьи в «Великой трансформации». В настоящее время активно формируется «новая нормальность», связанная с усиленным формированием барьерной среды. Например, обострилась полемика вокруг проблематики нормы — культурной, социальной, правовой. Представляется, что философия права в этом проблемном поле в ближайшем будущем имеет все шансы сменить фигуру апозиопеzy (зримое отсутствие) на активное участие в формировании политико-правовой повестки, раскрывая потенциал сегодняшнего состояния ожидания (незримое присутствие) перемен.

Как известно, философско-правовой способ рассмотрения политико-правовой реальности сосредоточен на проблематике суверенитета, правовых статусов, соотношения позитивного права и естественного права, правового государства, механизма принятия политико-правовых решений, прав и свобод человека и гражданина. Однако начиная с XVIII в. последовательно получила развитие биополитическая повестка, сосредоточенная на проблематике властной организации жизни. Для нее образцом является не *lex* (лат.) — юридический закон, а *potmos* (гр.) — природный порядок. Зримое отсутствие философии права связано в том числе с повсеместным обращением правительств к практикам биополитической регуляции — не регламентации посредством закона, а формированием самой формы жизни населения — привычек, ценностей, предпочтений, идеалов, что носит не столько публично-правовой, сколько экономический, культурный и социальный характер. В настоящее время наблюдается ренессанс интереса к проблематике политической теологии — одной из продуктивных ветвей философии права, сформировавшей политико-правовой порядок домодерного общества и общества эпохи Модерн. Это одна из форм незримого присутствия философии права в современности [5, с. 7–26; 6, с. 62–76].

Следует учесть, что современность неразрывно связана с «черными лебедями» Н. Талеба (например, пандемия коронавирусной инфекции — типичный «черный лебедь»). Черные лебеди требуют чрезвычайных, оперативных мер реагирования, что создает разрывы в континууме норм. Представляется, что полемика между децизионистами (последователями К. Шмитта) и нормативистами (последователями Г. Кельзена) как никогда актуальна. Континуум норм все чаще подвергается трансформации под

воздействием суверенных решений. Как согласовать решения и нормы — важнейшая задача как для теории, так и для юридической практики на национальном и международном уровне. В центре полемики — соотношение безопасности и свободы, баланс которых требует новой концептуализации.

Наконец, центральный узел проблем, связанный с прогрессом новейших технологий, — «новый цифровой мир» [7]. Вторжение высоких технологий может привести к технологической сингулярности (В. Виндж). Уже сейчас мир погружен в виртуальное планетарное пространство коммуникации. Крайне актуальна проблематика безопасности персональных данных, необходимо явно обозначить пределы в использовании технологий анализа Big Data, государства стремятся к контролю над сетевым контентом, что влечет «балканизацию» сети (Э. Шмидт, Дж. Коэн). Социальное измерение виртуального породило социальный рейтинг. Требуются гарантии защищенности жизненно важной инфраструктуры от сбоев. Необходимо понять границы «публичной интимности» (М. Кронгауз), пределы cancel culture, рамки сетевой свободы.

Кроме того, есть целый ряд пока еще экзотических проблем: роботизации, искусственного интеллекта (слабого и сильного, дружественного и недружественного) и его возможностей, киборгизации человеческой телесности, генетического редактирования и т. п. Все это требует осмысления на уровне мировоззрения и политико-правовых стандартов в регламентации. Все чаще встречаются исследования, посвященные правовым основам взаимодействия человека, роботизированных комплексов, искусственного интеллекта.

Таким образом, незримое присутствие философии права с ее интеллектуальным потенциалом выработки парадигмальных решений выступает временным явлением. Философия права — по-прежнему актуальное знание. В настоящий момент оно востребовано при обсуждении широкого круга проблем современности, но, похоже, впереди череда новых дискуссий и ответственных решений.

Список источников

1. Синченко Г. Ч. Русское столетие философии права // Вестник Омского университета. 1998. № 1.
2. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум // Вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4.

3. Бавсун М. В., Попов Д. В. Метамодерн в праве: осцилляция в точке Канетти. Статья II. Право на задворках духовности // Вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1.

4. Фишман Л. Г., Мартыанов В. С., Давыдов Д. А. Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М., 2019.

5. Яркеев А. В. Теологические основания современной власти: опыт деконструкции // Антиномии. 2021. Т. 21. № 1.

6. Костогрызов П. И. Децизионизм в России: дореволюционные предшественники и современные интерпретаторы Карла Шмитта. Ч. 1 // Дискурс-Пи. 2021. № 1.

7. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государства. М., 2013.

Л. В. Порватова

Властные институты и социальные нормы в первобытном обществе: историко-правовой аспект

Первобытное общество является одной из самых ранних форм объединения людей, которое начало приобретать социальный характер [1, с. 408]. Позднее на смену данной форме приходит родовая община.

В первом историческом периоде каменного века (верхний палеолит) возникает первая организация человеческого объединения (первобытно-го общества) — род (родовая община).

Когда же роды (семьи) стали расти, от них стали появляться новые родовые коллективы, которые объединялись в племена. В связи с малонаселенностью земель характер отношений между родовыми общинами был нерегулярен и обычно не распространялся дальше культурно возделанных родом земель. Но иногда, вследствие нехватки или избытка какого-либо продукта, между родами происходил натуральный обмен. Восторженную характеристику родовой организации дал Ф. Энгельс. Он писал: «И что за чудесная организация этот родовой строй во всей его наивности и простоте! Без солдат, жандармов и полицейских, без дворян, королей, наместников, префектов или судей, без тюрем, без судебных процессов — все идет своим установленным порядком» [2, с. 97].

В данных формах объединения людей просто не могли не сформироваться нормы, которые регулировали бы отношения внутри коллектива; социальные нормы первобытного общества — это совокупность первобытных правил и норм поведения, устанавливаемых и обеспечиваемых

родами, общинами, племенами, при реализации которых происходит регуляция общественных отношений в данных группах.

Верховной властью в родовой общине выступало «собрание всех взрослых представителей общины». Принятые им решения были обязательны для всех. Предлагаю сопоставить современную демократию и форму организации власти в первобытном обществе. И там и там решение важных государственных (родовых) вопросов выносятся на всеобщее коллегиальное обсуждение, где голос каждого учитывался. Именно данная форма организации власти перенеслась к нам через тысячелетия. Следовательно, мы можем сделать вывод, что референдум является той формой организации власти, которая закрепились в истории человека и его сознании, обеспечивала стабильную жизнедеятельность человека в те времена и сейчас [3, с. 56].

Любое новое поколение человечества на начальных этапах своего действия не начинает отсчет истории с нуля, а продолжает совершенствовать то, что было создано их предшественниками. Вследствие этой деятельности человека в какой-то мере уже задана траектория теми объективными условиями, которые не зависят от сознания и воли нового поколения, а обусловленными становятся характер и способ осуществления их деятельности, линия и формы их социального развития.

Начальным периодом развития организации первобытного общества была родовая община. Род представлял из себя группу людей, связанную кровным родством. Особо интересно складывалось социальное управление в первобытной общине, которое состояло из следующих пяти основ.

1. Источник власти — все члены родовой общины. Правила и нормы должного поведения, их исполнение, соблюдение и санкции регулировались и устанавливались членами общины совместно и самостоятельно.

2. Верховный орган власти — собрание всех членов родовой общины. Данный совет обсуждал важнейшие вопросы, связанные с жизнедеятельностью рода, его производством, осуществлением религиозных обрядов и с разрешением конфликтов (споров) между членами рода.

3. Основа власти: базировалась на принципе авторитета, также на обычаях и уважении лидера, обладающего специфическими качествами (связь с богами, особая физическая сила, интеллект и др.).

4. Функции управления осуществлялись старейшиной, который избирался путем открытого голосования всех взрослых членов общины.

5. Судебные функции осуществлялись одновременно всеми взрослыми представителями рода, на базе решения совета [4, с. 97].

Второй период эволюции первобытного общества характеризуется процессами объединения общин в крупные образования социальной направленности — племена. Возникает новое понятие социального объединения людей — племя. Племя — большая форма объединения первобытных людей, основанная на единении территории, языка, религии, культуры. Племя объединяло существовавшие родовые общины.

Со временем в первобытном обществе образуется институт старейшин. Деятельность совета старейшин заключалась в согласовании совместных действий общественных групп первобытного общества в области сельскохозяйственных работ, разведения скота, организации обороны и защиты племени от нападения извне, обсуждении конфликтов (споров) между родами, наложении санкций к нарушителям внутреннего порядка. Сила принуждения осуществлялась членами племени на основании решения вече либо советом старейшин или, в более поздние этапы, вождем [5, с. 98].

Характеризуя этот период, стоит подчеркнуть, что большую роль в организации общественного производства, а также в общественной жизни племени стал играть мужчина (муж). Социальные нормы в первобытном обществе регулировали способ добывания пищи и сохранения семейных отношений [6, с. 17–28]. Мононормы организовывали социальную жизнь первобытного общества. Характерной чертой мононорм является равенство всех членов рода.

Функции мононорм:

- 1) регулирование отношений между членами общины;
- 2) воплощение в виде обычаев (т. е. правил поведения, которые сложились исторически);
- 3) отсутствие письменного оформления, существование в сознании людей;
- 4) реализация через привычку;
- 5) запрещение как элементарный способ воздействия;
- 6) сконструированы естественно-правовой базой социума;
- 7) отражение волеизлияний всех членов общины.

Начинается процесс зарождения права как системы норм и правоотношений, который складывался исторически. Можно выделить следующие виды социальных норм в первобытном обществе.

1. Обычаи — правила поведения, которые сложились исторически, в связи с неоднократным повторением вошли в привычку.

2. Первобытные моральные нормы — правила поведения, которые регулируют отношения между членами общины на основе примитивных представлений о понятии добра и зла.

3. Религиозные нормы — правила поведения, которые регулируют отношения между людьми на базе их представлений о религии.

4. Мифология — система мифов (сказаний), которые отражают представление людей об окружающем их мире, природе и др.

5. Табу — запрет религиозного характера, налагаемый на материальные предметы, возможные действия и т. п.

Сегодня можно наблюдать, что в правовых обычаях видны сохранившиеся части обычаев родового строя, в то же время они закрепили патриархальные нормы быта, сословные привилегии и обязанности низших сословий.

На завершающем этапе распада первобытного строя, когда образовывались классы, в обществе возникли нормы права. В разных уголках мира одновременно формируются правовые системы, что связано прежде всего с разделением труда в крупном объеме. Появлялись излишки, а вместе с ними возможность зарождения товарно-денежных отношений с другими общностями, вследствие чего и возникают правовые отношения. Процесс осуществления одним лицом властных полномочий в первобытном обществе носил насильственный характер [7, с. 113].

Для того чтобы община более удачно функционировала, общим голосованием избирался старейшина — человек, обладающий авторитетом. Политика старейшины служила интересам всей общины.

Такая власть не знала каких-либо имущественных, сословных или классовых различий, по сути своей была первобытно-общинной демократией, которая строилась на началах самоуправления и не знала особого разряда людей, которые осуществляли бы только власть и управление, не участвуя в производственной деятельности.

Форма власти в первобытном обществе называется потестарной. Например, потестарная власть предводителя семейной общины базировалась не только на его авторитете, но и на возможности жесткого принуждения. Нарушитель сложившихся правил поведения мог быть строго наказан, вплоть до лишения жизни.

Такая социальная организация первобытного общества тысячами воспроизводила присваивающую экономику, обеспечивала гармоничное взаимодействие человека и природы, была первым, отличным от всех последующих способом существования человеческого общества, полностью соответствовала его потребностям.

Список источников

1. Венгеров А. Б. Теория государства и права : учебник. 14-е изд., стер. М., 2021.

2. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. : в 39 т. Изд. 2-е. М., 1961. Т. 21.

3. *Соколова Р. И., Спиридонова В. И.* Государство в современном мире. М., 2003.

4. *Косвен М. О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 2003.

5. *Файнберг Л. А.* Патриархат // Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1969.

6. *Понкин И. В.* Дисфункциональное государство и дисфункциональное государственное управление // Право и образование. 2015. № 3.

7. *Мейер Р. Дж.* Предыстория человечества. М., 2006.

Ю. В. Сидоркин

Особенности ведомственного правотворчества МВД в российском дореволюционном правообразовании начала XX века

Правообразование — эта та категория, которую стоит рассматривать прежде всего сквозь призму исторического процесса, поскольку таким образом удастся раскрыть особенности возникновения правовых норм и их последующее развитие. Одним из элементов правообразования является правотворчество, которое, с одной стороны, выступает одним из этапов формирования правовых норм, с другой стороны, оказывает воздействие на характер правовых норм в определенных политико-правовых условиях, связанных с правообразованием [1, с. 5].

В российской истории неоднократно складывались ситуации, в условиях которых субъект правотворчества не брал из жизни правила поведения для воплощения их в нормативную правовую форму, а навязывал «нужные» государству правовые установки для сохранения незыблемости государственного строя. Отличительным в этом отношении выступает период, связанный с возникновением в Российской империи законодательного представительного учреждения — Государственной Думы — под давлением событий, происходивших в ходе первой русской революции 1905–1907 гг.

Особенностью правообразования этого периода является то, что осознание необходимости преобразования государственного строя назрело в обществе достаточно серьезно, чему способствовали буржуазные реформы, проведенные в 1860–1870 гг. Государственный режим, оформившийся впоследствии в период так называемой охранительной по-

литики, обладал лишь инструментами подавления и принуждения. Для этих целей государственный режим создал также необходимые правовые средства в виде Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. Данный нормативный акт стоял над всей системой законодательства в Российской империи с момента его принятия.

На практике это выглядело следующим образом: если на территории губернии возникала ситуация, угрожающая государственному порядку, то по ходатайству губернатора Министерством внутренних дел, Комитетом министров или императором мог быть введен режим особого положения — чрезвычайной охраны или усиленной охраны. В подобных условиях в ходе регуляции общественных отношений действующие правовые нормы уступали место мерам административного воздействия со стороны полицейских органов, общее руководство которыми осуществляло Министерство внутренних дел. Особую роль при этом в правовом регулировании общественных отношений стало играть ведомственное правотворчество МВД, в результате чего появились многочисленные циркуляры, инструкции, уставы и т. д.

Особенно рельефно подобный специфический процесс правообразования выразился в последнее десятилетие существования Российской монархии. В условиях беспрецедентного давления со стороны общества царское правительство было вынуждено внешне преобразить государственный строй, закрепив его правовые основы в Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. Данный акт имел конституционное значение и существенно расширял права и свободы подданных. Так, одним из нововведений стало дарование подданным прав на организацию собраний и митингов.

В складывающихся социально-политических условиях решающую роль стал играть такой социальной фактор правообразования, как политика [2, с. 608]. В условиях борьбы за власть был выработан новый политический курс, характеризующийся как консервативно-реформаторский с четко выраженной ориентацией на сохранение своих исторических прерогатив и силовых методов управления страной [3, с. 14]. Данный аспект значительным образом повлиял на формирование особой правовой политики государства, в ходе реализации которой складывались специфические политико-правовые условия правообразования.

Об этом красноречиво свидетельствуют архивные источники, сохранившие в себе ведомственные циркуляры, издававшиеся для регламентации деятельности полиции в условиях дарованных прав и свобод.

Полицейским органам требовалось применять нормы права в противоречивых правовых условиях. С одной стороны, нормы Манифеста позволяли подданным проводить собрания и митинги, но с другой — требования ведомственных циркуляров предписывали не допускать проведения митингов в условиях революционной смуты. Для иллюстрации приведем выдержки из циркуляра от 22 января 1906 г., направленного губернаторам министром внутренних дел П. Н. Дурново. Суть ведомственных нормативных предписаний состояла в следующем:

- 1) разнузданность, допускавшаяся на митингах, привела к революции. Ввиду этого следует разрешать только те митинги, заявки на проведение которых подают люди умеренных воззрений;

- 2) разрешать такое количество митингов, которое полиция, исходя из имеющихся сил и средств, способна разогнать силой;

- 3) ни в коем случае не допускать многолюдных митингов под видом частных собраний и все подобные многолюдные собрания признавать публичными;

- 4) в целях предосторожности не допускать многолюдных митингов;

- 5) не допускать митингов, устраиваемых в целях пропаганды революции рабочих, обращенной к простому народу;

- 6) не разрешать проведение митингов вне городских поселений и в городах на открытом воздухе;

- 7) в случае появления на митинге военнотружущих или гимназистов, немедленно их удалять или прекращать митинг.

Последним пунктом указывалось, что губернаторам предоставляется широкое право не разрешать митинги, которые, по их мнению, могут повлечь возникновение угрозы порядку и общественному спокойствию [4, л. 21–22].

Из этого следует, что сложилась ситуация, когда императорским Манифестом подданным предоставлено право организовывать публичные собрания, однако данное право не может быть реализовано, в силу того что нормативные предписания, содержащиеся в актах ведомственного правотворчества, направлены на предотвращение реализации прав.

Доказывает этот факт и депеша П. Н. Дурново, направленная губернаторам через несколько дней после отправки упомянутого циркуляра. В ней пояснялось, что циркуляр от 22 января не должен восприниматься должностными лицами как документ, разрешающий производство митингов и собраний. На самом деле цель инструкций заключается в запрещении мятежных митингов и возможному ограничению прочих митингов [4, л. 23].

Учитывая, что государственное устройство Российской империи и сложившаяся система законодательства не предполагали легальных способов борьбы за власть, то, соответственно, различные социальные группы действовали революционными способами в целях оказания давления на монархический режим. Это порождало множество противоречий, выражавшихся в особой форме правотворчества, когда царское правительство, с одной стороны, в рамках уступок расширяет права и свободы подданных, а с другой — полицейскими методами не позволяет эти права реализовать. Уникальность этой ситуации состоит в том, что ведомственные нормативные правовые акты ключевого на тот момент Министерства внутренних дел ограничивали действие императорских указов, формально имеющих высшую юридическую силу.

Список источников

1. Корнев А. В., Богмацера Э. В. К вопросу о понятии правообразования // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. 2008. № 2(5).
2. Цыбулевская О. И., Касаева Т. В. Социальные факторы правообразования // *Юридическая техника*. 2012. № 6.
3. *Первая революция в России: взгляд через столетие* / А. П. Корелин [и др.] ; отв. ред. А. П. Корелин, С. В. Тютюкин. М., 2005.
4. *Центральный архив Нижегородской области*. Ф. 332. Оп. 1. Д. 21.

А. А. Фоменко

Спорт как элемент правового регулирования: от древности до современности

Неоднозначным в современном юридическом научном дискурсе является отношение к учению о мононорме, выработанному в середине XIX в. и позволяющему моделировать правопонимание древности, принципиально отличное от рациональной ментальности, лежащей в основе современного права. В то же время одной из проблемных тем является вопрос о правовом обычае, который имеет не только рациональную природу, а своими корнями уходит в мононорму и связанное с ней мифологическое мышление [1, с. 350–357].

Протоспорт возникает как элемент мононормы и носит форму ритуала. В архаичный период у всех индоевропейских народов фиксируются первые спортивные соревнования как элемент похоронного обряда — «похоронные игры». Данная поведенческая норма — в том числе и норма правового содержания. Наследование имущества происходит не по праву

родства, а в пределах общины, наиболее сильному, ловкому и обладающему необходимыми навыками, т. е. наиболее ценному для социума. Ритуал фиксируется уже с XXXII в. до н. э. в период, когда родовая община еще не была вытеснена соседской, т. е. семья как социальный институт еще не сформировалась.

Позднее ритуал сменяется обрядом, где мононорма определяет социальные нормы поведения, рекомендованные для подражания, и формирует представления о «героях». Описываемое в эпической литературе (поэмы Гомера, русские летописи, былины и т. д.) — это элемент формирования позитивного правосознания.

Показательно отношение к спорту в период Средневековья, когда каноническое право запрещает «бесовские игры эллинские», а княжеское законодательство видит в них элемент военной подготовки и относится к ним терпимо, в частности, практикуя в суде ордалию в виде смертельного поединка — «поле» [2, с. 226–233].

В период сословно-представительной и абсолютной монархии целый блок российского законодательства связан с многочисленными, но непоследовательными запретами кулачного боя, который из элемента военной подготовки окончательно переходит в форму народной национальной культуры — потешного, праздничного, ярмарочного поединка. В правление Екатерины I даже предпринималась попытка законодательной регламентации кулачных боев по типу спортивно-зрелищных мероприятий [3, с. 329–337].

Список источников

1. Сапунков А. А., Малева Э. М. Правовой обычай в современном праве // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика : мат-лы III всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2021.

2. Сапунков А. А. Генезис кулачного боя как элемента правовой культуры древнего, античного и средневекового общества : историко-правовое исследование // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 2(85).

3. Сапунков А. А., Фоменко А. А. История запретов и регулирования кулачного боя в законодательстве России XVII–начала XX вв. // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26. № 3(86).

Правовая информация и правовая коммуникация

Широкое распространение компьютерной техники, развитие средств коммуникации — все это приводит к необходимости анализа протекания информационных процессов во всех сферах жизни общества. Информационный подход к праву, исследование проблем правовой информированности и правовой информатики предполагает обращение к проблемам теории информации и анализу понятия «правовая информация». Право как система норм важна даже не сама по себе, она представляет не просто информацию о должном поведении в том или ином обществе, система права должна осуществляться в обществе, только тогда право представит как нужный и важный регулятор общественных отношений. Чтобы право выполняло свое предназначение, осуществлялись его собственно юридические функции, необходимо, чтобы информация о действующей системе норм была доступна адресатам правовых норм — субъектам права. Субъекты правотворчества должны учитывать при подготовке нормативных правовых актов и иных документов особенности нормативной правовой информации и ее создания, хранения и распространения.

Правовая информация может подразделяться на нормативную и ненормативную информацию. Нормативно-правовой информацией является такая информация, которая содержит сведения о правовых нормах. Необходимо пояснить, что нормативно-правовая информация — это не только информация, содержащаяся в нормативных правовых актах.

Существует множество вариантов классификации правовой информации, поскольку сама эта информация представляет сложный, многоуровневый и многофакторный социальный феномен. В зависимости от соотношения со временем выделяют информацию о настоящем, прошлом и будущем. По направленности правовая информация рассматривается как горизонтальная и вертикальная. Вертикальная правовая информация — это сведения о праве, исходящие из государственных органов, предназначенные для должностных лиц и граждан «в целях успешной реализации правовых предписаний и воспитания граждан в духе уважения к закону». Горизонтальная правовая информация — это сведения о праве, распространяемые в процессе межличностного общения.

Правовую информацию по степени организации разделяют на систематизированную (упорядоченную) и несистематизированную. Для принятия решения, выработки модели поведения необходима, как правило, комплексная информация.

По содержанию правовую информацию дифференцируют на содержащую сведения: о нормах и правомочиях; о применении этих норм; об отрасли права, нормы которой являются предметом сообщения; о характере информационного сообщения и др.

Правовую информацию, в зависимости от того, от кого она исходит и на что направлена, разделяют на три большие группы: официальную правовую информацию, информацию индивидуально-правового характера, информацию, имеющую юридическое значение, и неофициальную правовую информацию.

В зависимости от получателя (адресата) правовая информация может различаться на специализированную (в том числе тексты официальных документов), рассчитанную на использование в профессиональной юридической деятельности и смежных с ней областях, и массовую (популярную) — адресованную обычным гражданам.

Правовая информация получается адресатами через определенные источники (каналы). Процесс передачи информации — составная часть коммуникации, право выступает одним из средств коммуникации в обществе. Правовая информация может различаться в зависимости от источника (отправителя, коммуникатора), передатчика информации: информация, полученная в процессе межличностных коммуникаций путем непосредственного участия личности в правовых отношениях, межличностных связей: общения с другими членами тех же небольших социальных групп, к которым относится данное лицо (семья, трудовой коллектив и др.), с друзьями, соседями, знакомыми.

Обобщенно коммуникационный процесс можно описать следующим образом: информация движется от источника (отправителя) к потребителю. Отправитель (источник) с целью оказать воздействие на получателя передает сообщение. Информация особым образом кодируется с помощью знаков и символов. Передача информации осуществляется по определенным каналам. Получателю сообщения важно раскодировать переданную ему информацию, правильно интерпретировать полученную информацию. Коммуникация предполагает и обратную связь, так как получатель должен убедиться, что переданное сообщение дошло до адресата и правильно им понято. В процессе коммуникации возникают различные препятствия (коммуникационные барьеры). Коммуникационный процесс включает следующие элементы: источник (отправитель) сообщения; кодирование и декодирование; сообщение; канал; обратная связь; коммуникационные барьеры.

Правовая информация поступает гражданам, должностным лицам государства, иным лицам по различным каналам и из различных источников. Наиболее достоверной является информация, полученная из официальных источников. Однако такими каналами передачи правовой информации пользуется меньшинство населения. Восприятие нормативно-правовой информации во многом зависит от особенностей восприятия данной информации субъектами права.

Правовая информация — составная часть социальной информации. В широком смысле под правовой информацией следует понимать все сведения, воспринятые правовой системой. Правовая информация является сложным и многообразным типом информации, оказывающей существенное воздействие на сознание и поведение граждан и должностных лиц. Изучение способов передачи, особенностей правовой информации позволяет расширить представления о проблеме воздействия права на общественные отношения.

А. В. Шабуров

Правообразование и правовое регулирование: соотношение категорий

В настоящее время большинство специалистов имеет позицию, в соответствии с которой правообразование понимается как процесс образования права в обществе, а правотворчество выступает заключительным этапом правообразования, результатом которого является формулирование (изменение, прекращение действия) правовых норм [1, с. 5–9]. Несмотря на значимость идей социологического типа правопонимания, при котором в содержание права предлагается включать правовые отношения, юридическую практику, считаем, что понятие правообразования акцентировано на формировании «статического» права, т. е. системы действующих в обществе юридических норм.

Говоря о структуре правообразования, целесообразно упомянуть точное высказывание Л. А. Морозовой: «Быть источником права — значит служить фактором правообразования, обладать способностью к нормативному регулированию, давать материал для новых юридических норм» [2]. Правообразование складывается из материального, идеально-го источников права, а также правотворчества.

Правовое регулирование, выступая собственно юридической формой воздействия права, отражает движение от вступивших в силу право-

вых норм к возникшим на их основе правоотношениям. В его содержание не следует включать правотворчество — решения, принимаемые в подготовительных стадиях, юридических последствий не порождают [3]. Правотворчество может отражать лишь информационное воздействие права. К нему неприменимы, например, положения о способах и методах правового регулирования, характеризующие правовые нормы, а не законотворческую деятельность как таковую.

Таким образом, правообразование и правовое регулирование в конкретном случае целиком отделены друг от друга: если первое понятие характеризует процесс возникновения и рождения правовой нормы, то второе — ее жизнь, действие и влияние на общественные отношения. В то же время, если иметь в виду не конкретный случай, а правообразование и правовое регулирование в обществе в целом, можно сделать вывод о глубокой взаимосвязи этих явлений. Вступившие в законную силу правовые нормы порождают новые правоотношения, выявляют дефекты действующего законодательства, способствуют возникновению принципиально новых отношений, требующих урегулирования правом. Это означает не что иное, как наличие в обществе нового материального источника права, который посредством правотворчества воплотится в новые юридические нормы, вызвав новый виток правового регулирования.

Список источников

1. Корнев А. В., Богмацера Э. В. К вопросу о понятии правообразования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2008. № 2(5).
2. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 4-е изд. М., 2010.
3. Рассказов Л. П. Теория государства и права: углубленный курс : учебник. М., 2015.

О. И. Шарно

Экологический фактор правообразования: междисциплинарный подход

Правообразование — процесс, в ходе которого появляются, образуются и устанавливаются нормы права. При этом в юридической литературе и законодательных актах такой процесс именуется как «нормотворчество», «правотворчество», «правоустановление», «установление или санкциони-

рование», «правообразование» [1, с. 15]. Правотворчество (творение права) и правообразование (формирование права) с позиции семантики сопоставляются как узкое и широкое (А. С. Пиголкин). В. С. Нерсисянц убежден в том, что следует пользоваться термином не «правотворчество», а «правоустановление» [2, с. 415]. Полагаем, данные категории разграничиваются по внутреннему смыслу попарно: «правообразование» есть условие (фактор) создания правовой нормы; «нормотворчество» и «правотворчество» раскрывают процедуру создания правовых предписаний; «правоустановление», «установление или санкционирование» фиксируют результат, принятые нормы права. Поэтому эти понятия не являются идентичными. Нам близка позиция С. Г. Дробязко, который выделяет три процессуальные стадии формирования правовых норм и соответствующие им три понятия: «правообразование», «правотворчество», «правоустановление» [1, с. 20], каждая из которых, на наш взгляд, имеет собственное назначение.

Процесс правообразования опирается на общество, его правосознание, обычаи и условия развития. При этом посылом (источником) выступают объективные силы природы (среда), формирующие сознание, объективные потребности людей как участников общественных отношений, следствием чего становятся правовые отношения, урегулированные нормами права. Отмечается, что механизм правообразования образует трехуровневую систему: общесоциальный (общество в целом); региональный (республики, края, области, города, районы и др.); групповой (семья, трудовой коллектив, общественные объединения и др.) [3, с. 5]. На наш взгляд, такая система представляет вертикаль правообразования, базисом которой выступают различные факторы: природные и антропогенные, естественные и социальные, объективные и субъективные, устойчивые и неустойчивые, благоприятные и неблагоприятные.

О. И. Цыбулевская, Т. В. Касаева, говоря о социальных факторах правообразования, подразделяют их на две группы: основные (внешние) — экономический, демографический, национальный, политико-правовой, социокультурный, нравственный, ценностно-психологический, географический; обеспечивающие (внутренние) — организационный, информационный, научный, программирующий [4, с. 608].

Полагаем, к основным (внешним) факторам следует отнести также экологические факторы правообразования, так как спорить с тем, что «юридические законы не могут изменить объективные законы природы» [3, с. 8], несмотря на имеющие место попытки сотворить подобное [4], бессмысленно. Высказывания известного русского советского биолога, селекционера Ивана Владимировича Мичурина (1855–1935): «Мы не мо-

жем ждать милостей от природы, взять их у нее наша задача» сегодня демонстрирует пророчество иных по смыслу, разошедшихся на цитаты высказываний: «Обычай не мог бы побороть природу, ибо она всегда остается непобежденной» (Цицерон), «Не будем... слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит» (Ф. Энгельс).

Действительно, в современном мире на первый план выходит осознание того, что концепция устойчивого развития в действующих законах требует не простой декларации, а эффективной правореализации. Естественные права (право на жизнь, на неприкосновенность жилища, на благоприятную окружающую среду) больше не постулаты, а экологические факторы правообразования. Достаточно в качестве обоснования представленной позиции привести признание Советом Организации Объединенных Наций, озвученное в октябре 2021 г., права человека на благоприятную окружающую среду, где были приняты резолюции о праве человека на здоровую и чистую окружающую среду и о назначении на трехлетний период специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека в контексте изменения климата (Россия воздержалась).

Право на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду признано основополагающим, связанным с другими правами в соответствии с действующим международным правом как право человека, которое необходимо для полного осуществления всех прав человека, что является посылом (источником), экологическим фактором правообразования последующих внутригосударственных нормативных преобразований. Нормотворчество должно отразить принятие мер для защиты прав всех, кто особенно уязвим (коренных и малочисленных народов, пожилых людей и инвалидов, женщин и девочек, учитывая значимые детородные функции последних). Государствам следует наращивать правотворческий потенциал охраны окружающей среды в целях выполнения обязательств и обязанностей в области прав человека, укрепляя межгосударственное сотрудничество по вопросам безопасной, чистой, здоровой и устойчивой окружающей среды. Результатом должна явиться правовая политика осуществления и реализации права на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду.

Включение экологического фактора правообразования в состав основных (внешних) социальных факторов отвечает задачам существующих концепций правотворчества, согласно которым нормы права устанавливаются государством, его органами (позитивистская концепция правотворчества (Л. Петражицкий, И. Н. Сенякин). Государственные ор-

ганы не только создают нормы права, но и признают сложившиеся в обществе правила поведения (А. Б. Венгеров). Нормы права формируются и принимаются уполномоченными на то субъектами в рамках регламентированных процедур (Ю. А. Тихомиров). Право и закон разграничиваются (В. С. Нерсисянц). Законодательная власть не создает закона, она лишь открывает и формулирует его (К. Маркс). Право формируется независимо от воли законодателя (В. С. Афанасьев). Действительно, государство обязано признать сложившиеся в устойчивом обществе тенденции: и когда государство первично, а право вторично, и в тех случаях, когда естественное право человека на благоприятную здоровую окружающую среду неотъемлемо.

Подобное правообразование актуализирует междисциплинарный подход в науке и практике. Если полинаучность синтезирует возможность применения методов различных направлений (философии, экологии, политологии, права, социологии и др.), то междисциплинарный фактор правообразования обеспечивает межотраслевую гармонизацию правоотношений, конституционализацию экологических идей через подчинение органов государственной власти и общества принципам и ценностям Основного закона страны.

Право на безопасную, чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду, признанное сегодня основополагающим на международном уровне, поднимает вопрос легитимности действующего природоресурсного и смежного с ним (конституционного, административного, уголовного, гражданского...) законодательства, требует качественного сопоставления соответствия закона (гарантии против произвола «загрязнителей» окружающей среды) принципам законности. Надеемся, что Российская Федерация в этом направлении не останется в стороне.

Список источников

1. *Дробязко С. Г.* Правообразование, правотворчество, правоуправление, их субъекты и принципы // *Право и демократия : сб. науч. тр.* Минск, 2003. Вып. 14.
2. *Нерсисянц В. С.* Общая теория права и государства. М., 1999.
3. *Афанасьев В. С.* Правообразование и правотворчество // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2008. № 1(4).
4. *Костяков А.* Преобразование природы нашей Родины // *Вечерняя Москва.* 1953. 6 марта. URL: <https://www.oldgazette.ru › text2> (дата обращения: 21.12.2021)
5. *Цыбулевская О. И., Касаева Т. В.* Социальные факторы правообразования // *Юридическая техника.* 2012. № 6.

Присяга как основа возникновения правоотношений в Московском царстве

Становление современного Российского государства продиктовано эволюцией правовых институтов Московского государства, Российской империи и Советского Союза. Вбирая в себя различные институты, государство строится по определенным правилам, прежде всего на основе выстраивания государственного аппарата. Присяга является одним из действенных механизмов признания власти. Анализ присяги в контексте исторической эпохи позволит более глубоко понять современную практику ее развития.

Одним из основных институтов, на котором строилось Московское царство, был институт присяги. Данный институт четко вписывался в вертикаль власти, основанную на подчинении народа верховному лицу государства — царю, и регламентировал как возникновение обязательств перед властью у народа, так и отношение царя к народу. Стоит отметить, что сам институт присяги в Московском царстве был в том числе результатом его исторического развития, вбирающим в себя традиции как Киевской Руси, так и татаро-монгольского ига, под гнетом которого долгое время находилось Московское государство.

Особенно остро вопрос присяги стоял в переломные моменты истории Российского государства, во время становления и развития Московского царства. Присяга была универсальным инструментом, дающим гарантии народу со стороны новых царей. Не случайно вводится традиция венчания на царство с обязательным крестным целованием. Гарантом нерушимости слов царя выступает Бог, в результате чего происходит сакрализация данного действия.

Присяга в Московском царстве была тем универсальным правовым институтом, который четко отвечал на запросы времени. Вместе с расширением Московского царства и включением в его состав новых народов, остро встал вопрос о присяге Московскому царю лиц, исповедующих другие религии. Решая данную проблему, Московское царство обратило внимание на мусульманское население: приведение их к присяге посредством крестоцелования было невозможно, так как использовался уже устоявшийся в мусульманском мире институт шерти.

В заключение стоит отметить, что в правовой системе Московского государства формируются три вида присяги государственного значения:

— присяга верноподданническая, в виде крестного целования у христиан и шертной клятвы у магометан, ламаистов, язычников, как тюркоязычных, так фино-угров;

- присяга на верность службы, должности и на чины;
- присяга в судебном процессе.

Каждый из данных видов присяги отвечал своему предназначению и часто испытывал значительные изменения, продиктованные историческими обстоятельствами.

РАЗДЕЛ III. ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

А. Р. Абдулло

Адвокатура и нотариат как институты, призванные содействовать организации правоохранительной деятельности

Правоохранительная деятельность — одна из ключевых категорий юридической науки и практики [1, с. 63–77]. Она активно разрабатывается в теории государства и права, отраслевых юридических науках, широко используется в нормативных правовых актах и иных юридических документах. Единства понимания правоохранительной деятельности в современной юридической науке до настоящего времени не сложилось. Несмотря на различие формулировок определения «правоохранительная деятельность», исследователи признают наличие у правоохранительной деятельности следующих черт:

- является формой осуществления функций государства (в том числе правоохранительной функции);
- представляет собой строго регламентированную законом государственно-властную деятельность уполномоченных государственных органов, поскольку сопровождается применением мер государственно-правового принуждения;
- в условиях формирования гражданского общества осуществляет с участием субъектов негосударственного характера, которые, не обладая государственно-властными полномочиями, активно участвуют в защите прав человека, в охране общественного порядка, осуществляют контроль над деятельностью правоохранительных органов посредством различных каналов (средств массовой информации, общественных советов и др.).

Республика Таджикистан развивает свою государственно-правовую систему как инклюзивный субъект, функционирование которого обуслов-

лено необходимостью учитывать требования международно-правовых норм и институтов, а также ориентироваться на общественный дискурс в целях сохранения своей легитимности. Важнейшим направлением развития современной таджикской государственности является оптимизация деятельности правоохранительных органов. Идет поиск оптимальной модели участия органов правоохраны в защите и укреплении основополагающих ценностей правового демократического государства, прав и свобод граждан, в обеспечении безопасности личности, общества и государства.

Верховенство Конституции Республики Таджикистан (от 6 ноября 1994 г.) в правовой системе всей страны и ее высшая юридическая сила обеспечиваются механизмом ее реализации и охраны. Конституция закрепляет основы конституционного строя и конституционные особенности Республики Таджикистан как суверенного, демократического, правового, светского, унитарного государства; определяет принципы разделения власти в Республике Таджикистан на законодательную, исполнительную и судебную; закрепляет верховенство Конституции как Основного закона государства; разрешает различные формы собственности; наряду с правами граждан объявляет и гарантирует права и свободы человека и гражданина; определяет порядок основания и деятельности государственных органов; выступает как источник всей правовой системы Республики Таджикистан; имеет особый порядок подготовки и принятия законов, особый порядок принятия и внесения изменений и дополнений в законодательство.

Гражданское общество способствует стабилизации частных интересов, ограждению сферы частной жизни от необоснованного вмешательства государственных органов, оказывает влияние на власть и участвует в развитии рыночной экономики. Решение задач гражданского общества возможно посредством разграничения частных интересов через нормы права и создание условий для функционирования институтов, осуществляющих защиту частного права.

К правозащитным организациям можно отнести общественные организации и объединения граждан, защищающие их права (профессиональные союзы, общество защиты прав потребителей и т. д.), адвокатуру и нотариат. Для органов адвокатуры функция правоохраны является основной, для других органов — факультативной. Правозащитные организации, в отличие от правоохранительных органов, действующих в пределах юрисдикции государства, могут заниматься правоохраной внутри государства и за его пределами.

Важной частью субъектной составляющей правоохранительной системы Республики Таджикистан являются субъекты, защищающие право (правозащитные организации). Деятельность по охране права не исключена из сферы функционирования данных субъектов, но правозащитная деятельность является доминирующей.

К числу субъектов, осуществляющих защиту прав в Республике Таджикистан, относится адвокатура. В настоящее время в стране существует множество юридических фирм, бюро, ассоциаций, правовых служб в государственных и негосударственных учреждениях и других организационных форм оказания юридической помощи. Одно из ведущих мест по значимости, объему и содержанию оказываемой помощи занимает Союз адвокатов, осуществляющий защиту и представительство интересов граждан и юридических лиц в конституционном, административном, гражданском и уголовном судопроизводстве.

В соответствии со ст. 1 Закона Республики Таджикистан от 18 марта 2015 г. № 1182 «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» адвокатская деятельность — это профессиональная деятельность, осуществляемая лицами, получившими статус адвоката, в целях оказания квалифицированной юридической помощи физическим и юридическим лицам для защиты их прав, свобод и законных интересов, а также обеспечения доступа к правосудию. Адвокатская деятельность не является предпринимательской деятельностью.

Не является адвокатской деятельностью юридическая помощь, оказываемая работниками государственных органов и органов самоуправления поселков и сел, работниками юридических служб, участниками и работниками организаций, оказывающих юридические услуги, патентными поверенными, за исключением случаев, когда адвокат выступает в качестве патентного поверенного.

Как профессиональное сообщество адвокатов и институт гражданского общества адвокатура в Республике Таджикистан не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Организация и деятельность адвокатуры основана на принципах законности, независимости адвокатов и адвокатской деятельности, обеспечения качественной правовой помощи, равноправия адвокатов, невмешательства в адвокатскую деятельность, обязательности членства адвоката в Союзе адвокатов, уважения и защиты адвокатом прав, свобод и интересов доверителя.

Адвокат — это лицо, получившее в установленном Законом Республики Таджикистан «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» поряд-

ке статус адвоката, который присваивается от имени Союза адвокатов. Адвокат является независимым советником по правовым вопросам.

В соответствии с ч. 4. ст. 3 Закона Республики Таджикистан от 18 марта 2015 г. № 1182 «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» адвокат оказывает следующую юридическую помощь: представляет интересы физических и юридических лиц в конституционном судопроизводстве; участвует в качестве представителя физических и юридических лиц в гражданском, семейном, экономическом и третейском судопроизводстве; участвует в качестве представителя или защитника физических и юридических лиц в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях; участвует в качестве представителя юридических лиц в разбирательстве в международном коммерческом арбитраже; представляет интересы физических и юридических лиц в государственных органах, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судах, негосударственных органах иностранных государств, если иное не установлено законодательством иностранных государств, уставными документами международных судов и международных организаций или международно-правовыми актами, признанными Таджикистаном.

В единой системе органов охраны и защиты прав и интересов граждан важное место занимают органы нотариата.

Правовое положение и функции органов нотариата закреплены в нормах Закона Республики Таджикистан от 16 апреля 2012 г. № 810 «О государственном нотариате», а осуществление контроля за деятельностью этих органов возложено на Министерство юстиции Республики Таджикистан. В соответствии с Положением о Министерстве юстиции Республики Таджикистан, утвержденным постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 декабря 2006 г. № 587, в полномочия Министерства юстиции Республики Таджикистан входит осуществление государственного регулирования деятельности органов нотариата.

Согласно ст. 1 Закона Республики Таджикистан от 16 апреля 2012 г. № 810 «О государственном нотариате» государственный нотариат — структура государства, обеспечивающая защиту прав и законных интересов физических, юридических лиц и государства путем совершения нотариальных действий.

Задачей государственного нотариуса является обеспечение защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, а также интересов государства путем совершения нотариальных действий от имени Республики Таджикистан.

Таким образом, перспектива построения правового государства, отличительной чертой которого является развитое гражданское общество, требует при реализации государством правоохранительной функции учета общественного дискурса и тенденций формирования в Таджикистане институтов гражданского общества. В современном Таджикистане самоорганизация общества находится на стадии институционализации. Формирующиеся институты гражданского общества осуществляют поиск форм участия в реализации правоохранительной функции современного Таджикистана.

Список источников

1. *Сативалдыев Р. Ш.* Динамика понятия «правоохранительная деятельность» в рамках углубления теоретических подходов и интеграции смежных категорий // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2017. № 3(35).

Л. М. Алтынбаева

Нерабочие дни как новое правовое понятие

В 2020 г. Россию, как и все страны мира, захлестнула новая коронавирусная инфекция Covid-19. В целях профилактики и предотвращения массового заболевания правительством страны был принят ряд решений, в частности, издан Указ Президента РФ о введении нерабочих дней. Впервые нерабочие дни были введены с 30 марта по 3 апреля 2020 г., они установлены как нерабочие дни с сохранением заработной платы. Аналогичные указы Президента РФ были приняты в отношении дней с 4 по 30 апреля и на период с 6 по 8 мая 2020 г. [1].

Однако Трудовой кодекс Российской Федерации не содержит понятия «нерабочие дни»: в Разделе V «Время отдыха» в ст. ст. 111 и 112 закреплены понятия «нерабочие выходные дни» и «нерабочие праздничные дни». В связи с этим возникает много вопросов. Как оплачивать такие дни? Как быть, если на этот период выпадает отпуск? Обращаясь к ст. 120 ТК РФ, можно отметить, что нерабочие праздничные дни, приходящиеся на период ежегодного основного или ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, в число календарных дней отпуска не включаются.

Указ Президента РФ о введении нерабочих дней объявляет нерабочие дни в мае только с 6 по 8 число. Следовательно, если нерабочими днями объявлены лишь дни с 6 по 8 мая, то как рассматривать дни с 1 по 5 мая, каков их статус? Если по графику работника какие-либо из дней с 1

по 5 мая являются рабочими, то согласно нормативным актам работника от работы в такой день не освобождают? Соответственно, вопрос о выходе работника на работу в этот день, а также об оформлении и оплате такого дня должен решаться с учетом обстоятельств. Кроме того, если в этот период, когда действуют противоэпидемические меры, работодатель не может предоставить работнику работу, то ему следует объявить на эти дни простой по независящим от сторон обстоятельствам с соответствующей оплатой. Если сам работник из-за введенных ограничений не может попасть на работу, это следует расценивать как отсутствие на работе по уважительным причинам. Оснований сохранять за работником заработную плату как за нерабочие дни формально нет.

Кроме того, в своих первых указах Президент РФ четко определил, на какие организации или учреждения нерабочие дни не распространяются. Следовательно, они продолжают трудовую деятельность. Например, в апреле 2020 г. данные дни не распространялись на организации, работающие в режиме непрерывного времени. Позже Президент РФ предоставил право главам субъектов РФ самостоятельно дополнять список организаций, которые могут работать. В мае 2020 г. у организаций появилось право самим определять количество работников, которые будут работать в нерабочие дни.

Разъяснения Министерства труда Российской Федерации по этому вопросу довольно неоднозначны. Так, в п. 2 Рекомендаций от 25 марта 2020 г. указано, что «если работник находится в отпуске, то нерабочие дни с 30 марта по 3 апреля 2020 г. в число дней отпуска не включаются и отпуск на эти дни не продлевается» [2]. Прокомментировать эту формулировку однозначно затруднительно, так как неясно, продлевать отпуск в случае совпадения отпуска с нерабочими днями или нет. Из разъяснений Роструда следует: если нерабочие дни не включаются в число дней отпуска, то отпускные за такие дни не выплачиваются. При этом в ведомстве не пояснили, как быть с датой окончания отпуска.

Однако в документе от 2 апреля 2020 г. Министерство труда РФ приводит иные разъяснения, согласно которым отпуск за нерабочие дни не продлевается, а информация о том, что такие дни не включаются в число дней отпуска, исчезла. Аналогичная формулировка теперь используется и специалистами Роструда (см., напр., пп. 3, 26 информации от 13 апреля 2020 г.) [3].

Изложенное позволяет предположить, что чиновники считают нерабочие дни точно такими же днями отпуска, как и все прочие дни. Иными словами, такие дни включаются в число дней отпуска, оплачиваются по среднему заработку, а дата окончания отпуска остается неизменной. Од-

нако нет никаких гарантий, что Минтруд не уточнит свою позицию еще каким-нибудь образом.

Кроме того, если начало отпуска выпадает на нерабочие дни, само по себе это не является основанием для его переноса. Однако в такой ситуации отпуск может быть перенесен на другое время по соглашению сторон [3, п. 19]. Минтруд также указывает на то, что по желанию работника работодатель имеет право предоставить отпуск в нерабочий период, а перенос запланированных ранее на это время отпусков осуществляется по взаимному согласию работодателя и работника.

В связи с изложенным считаем необходимым внести в Трудовой кодекс РФ понятие «нерабочие дни», объявленные таковыми Указом Президента РФ.

Список источников

1. *О продлении действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)* : указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2020 г. № 294. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

2. *Рекомендации работникам и работодателям в связи с Указом Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней»*. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Информация* Министерства труда и социальной защиты РФ «Вопросы—ответы по организации работы и соблюдению прав работников в период нерабочих дней» (по сост. на 27 апреля 2020 г.) (с изм. и доп.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Т. М. Ашенова

К вопросу об источниках образовательного права

Образовательное право в настоящее время обладает всеми признаками комплексной отрасли права: имеет свой предмет, представляющий совокупность различных общественных отношений, направленных на достижение целей образования; специфический метод правового регулирования; систему принципов и источников права. Накопившийся комплекс источников права, направленный на регулирование отношений в сфере образования, позволил сформировать сначала отрасль законодательства, затем и отрасль права.

С точки зрения формально-юридического подхода Е. С. Кананькина считает, что действие источника образовательного права практически не отличается от других источников, под которым следует понимать способы (формы) внешнего выражения и закрепления (изменения, отмены) норм права, регулирующих образовательные отношения и отношения в сфере образования [1, с. 6–7].

Анализ источников образовательного права позволяет выделить несколько особенностей, связанных со спецификой отношений, возникающих в сфере образования, и с организацией системы образования. В связи с этим источники образовательного права могут быть классифицированы по нескольким основаниям.

Основу источников образовательного права составляют нормативно-правовые акты различной юридической силы. Вопросы образования представляют предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, следовательно, ведущее значение в правовом регулировании имеет федеральное и региональное законодательство об образовании. Во главе источников образовательного права находится Конституция РФ, закрепившая конституционное право на образование и разграничение предметов ведения между Федерацией и субъектами. Международные договоры, являясь частью правовой системы России, определяют механизмы интеграции российской системы образования в международное образовательное пространство. Системообразующим актом федерального уровня является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» (далее — Закон об образовании) [2]. Законы субъектов дополняют нормы федерального законодательства в части регионального регулирования. Подзаконные нормативные правовые акты (указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, акты Министерства науки и высшего образования РФ и иных ведомств) направлены на реализацию норм законодательства об образовании, приводят в работу механизмы системы образования. Муниципальные нормативные правовые акты и локальное правовое регулирование обеспечивают децентрализацию управления в сфере образования, определяют нормотворческую инициативу образовательных организаций, уровень развития их автономии.

Второй критерий классификаций связан со спецификой предмета правового регулирования образовательного права. Согласно ст. 1 Закона об образовании он представляет совокупность разнородных отношений, возникающих в сфере образования в связи с реализацией права на образование, с обеспечением государственных гарантий прав и свобод

человека в сфере образования и созданием условий для их реализации. В соответствии с п. 30 ст. 2 Закона об образовании можно выделить две группы отношений: 1) собственно образовательные отношения, связанные с реализацией права граждан на образование, направленные на освоение обучающимися содержания образовательных программ; 2) общественные отношения, связанные с образовательными отношениями в целях создания условий для реализации прав граждан на образование.

Образовательные (педагогические) отношения возникают между педагогом и обучающимся, являются преципионными (первичными) и составляют ядро предмета правового регулирования образовательного права, на реализацию которого направлены все остальные отношения, возникающие в сфере образования. К ним относятся конституционные, административные, трудовые, гражданско-правовые, финансовые и др. Это комитаторные (вторичные) отношения, регулируемые нормами различных отраслей права [3]. Разнородные отношения в сфере образования представляют не простую механическую совокупность отношений, а систему взаимосвязанных и взаимообусловленных отношений, направленных на достижение целей образования, которые определены отраслевой принадлежностью этих отношений [4, с. 17]. Это, например, Трудовой кодекс РФ в части, касающейся правового регулирования труда педагогических работников, Гражданский кодекс РФ в части регулирования договорных отношений в сфере образования и др.

С учетом специфики сферы образования перечень источников образовательного права не укладывается в традиционные рамки их представления в отечественной правовой системе. Наряду с указанными выше критериями Д. А. Ягофаров выделил третий — элементы системы образования: уровень образования, тип и вид образовательной организации, особенности образовательного правотворчества и т. д. [3]. К таким источникам образовательного права следует отнести Типовое положение о дошкольном образовательном учреждении, Типовое положение об общеобразовательном учреждении, Федеральный государственный стандарт среднего (полного) общего образования, Устав Омской академии МВД России и др.

Таким образом, источники образовательного права представляют широкий массив нормативных правовых актов, направленных на прямое или опосредованное регулирование разнородных отношений в сфере образования.

Список источников

1. Кананыкина Е. С. Источники образовательного права в системе источников права // Юрист. 2007 № 2.

2. *Об образовании* в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Ягофаров Д. А. Образовательное нормотворчество как стадия правового регулирования отношений в сфере образования и образовательные отношения. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/detail.php?ELEMENT_ID=1760 (дата обращения: 11.10.2021).

4. Ашенова Т. М. Формирование системы законодательства об образовании в Советской России в 1917–1930 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015.

В. В. Бабурин

Признаки существования и условия формирования подотраслей в российском уголовном праве

Вопрос о подотраслях в российском уголовном праве неизбежно возникает каждый раз при обращении к характеристике системы российского уголовного права. И это не случайно, поскольку раскрыть содержание системы любой отрасли российского права, в том числе и уголовного права, невозможно без характеристики структурных элементов этой системы, к которым относятся нормы и их объединения или группы — институты и подотрасли.

Применительно к подотраслям уголовного права вопрос ставится следующим образом: имеет ли российское уголовное право свои подотрасли, и если не имеет, то почему? Часто встречающимся ответом на эти вопросы является то, что так сложилось исторически, в зарубежном уголовном праве в целом нет практики выделять подотрасли в уголовном праве. Однако обращение к зарубежному опыту не всегда корректно, поскольку в зарубежных странах, например в Англии, вообще нет кодифицированного уголовного права. Но наиболее распространенным ответом является ссылка на то, что не принято выделять подотрасли в уголовном праве.

А. В. Денисова пишет о нецелесообразности делить всю систему уголовного права на подотрасли, поскольку «соответствующие автономные образования должны являться по своей сути так называемыми праотрас-

лями, достаточно созревшими и признанными как относительно самостоятельные отрасли, но по каким-то причинам еще не выделившимися из материнской отрасли права [1, с. 96]. Соответствующие нормативные общности должны быть признаны специалистами в области уголовного права, должны достигнуть такого состояния обособления, чтобы быть признанными относительно самостоятельными не только на уровне нормативного материала, но и на доктринальном уровне [1, с. 97].

Подробный анализ подобных высказываний свидетельствует о том, что в них констатируется факт отсутствия в уголовном праве подотраслей и того, что в настоящее время подотрасли еще не созрели. Однако в таких позициях нет аргументов в пользу актуальности, необходимости либо, наоборот, неактуальности наличия в российском уголовном праве тех или иных подотраслей уголовного права. Поэтому возникают следующие вопросы: должны ли быть они в уголовном праве? Что полезнее для уголовного права — отсутствие в нем подотраслей права или их наличие в уголовном праве? Как отмечается в теории права, «основное предназначение подотраслей права — регулировать отдельные массивы общественных отношений, характеризующихся своей спецификой и известной родовой обособленностью» [2, с. 351].

О том, что в уголовном праве есть группы общественных отношений, характеризующихся своей спецификой, связанной с особенностями предмета и метода их уголовно-правового регулирования, мы уже отмечали ранее [3, с. 25]. Это свидетельствует о необходимости выделения подотраслей в уголовном праве.

Также возникает еще один вопрос: если подотрасли не выделяются, поскольку не так очевидна их необходимость, существуют ли они в настоящее время в уголовном законе, может быть, мы просто их не замечаем и поэтому не выделяем? И вопрос, выделяются ли они сейчас или нет, уходит на второй план. Итак, надо ставить вопрос о том, что сейчас свидетельствует или может свидетельствовать о присутствии подотраслей в российском уголовном праве?

В настоящее время принято считать, что их нет в российском уголовном праве, точнее, их не выделяют, и поэтому получается, что их нет. Но так ли это? Постараемся в этом разобраться. С нашей точки зрения, прежде всего необходимо выяснить, нет ли признаков, свидетельствующих о том, что подотрасли существуют, но мы их не замечаем и не пытаемся их окончательно выделить, сформулировать и сформировать как подотрасли.

О том, что в уголовном законе имеются зачатки подотраслей, свидетельствует следующее. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации

есть нормы, которые имеют весьма уникальную для уголовного права специфику, выделяются из общего уголовно-правового содержания. Данная специфика связана с наличием в уголовном праве отличающихся друг от друга общественных отношений, обладающих определенной спецификой.

Как отмечает Ю. В. Козубенко, в уголовном праве существует две группы общественных отношений, подлежащих уголовно-правовому регулированию. Первую группу общественных отношений он предлагает обозначить как основные (системообразующие) общественные отношения, составляющие ядро предмета регулирования материального уголовного права вторую группу — как другие общественные отношения [4, с. 657]. Соглашаясь с его мнением, отметим, что наличие таких уголовно-правовых отношений составляет второй признак фактического существования в российском уголовном праве невыделенных, несформированных в подотрасли самостоятельных групп уголовно-правовых норм.

К первой группе основных, образующих уголовное право общественных отношений относятся общественные отношения, возникающие в связи с совершением преступления. Ко второй группе неосновных уголовно-правовых отношений следует отнести общественные отношения, возникающие в связи с совершением общественно опасных деяний, не являющихся преступлениями. Среди них важно выделить принципиально разные деяния: во-первых, это общественно опасные деяния, совершаемые невменяемыми и лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, во-вторых, в целом не общественно опасные деяния, но имеющие внешние признаки общественной опасности, связанные с правомерным причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Общественные отношения, возникающие по поводу совершения данных разновидностей общественно опасных и относящихся к ним деяний лежат в основе двух самостоятельных подотраслей российского уголовного права: уголовно-охранительного и уголовно-разрешительного права.

Таким образом, признаками существования в российском уголовном праве не выделенных в самостоятельные структурные элементы подотраслей уголовного права являются следующие. Во-первых, наличие в российском уголовном законе уголовно-правовых норм, не относящихся к основному содержанию уголовно-правовых отношений, отличающихся по субъекту уголовно-правовых отношений, с особыми деяниями, а также способам регулирования уголовно-правовых отношений,

не свойственных основному методу уголовного права. Во-вторых, наличие распространенных особых уголовно-правовых отношений, не охватывающихся основным содержанием уголовно-правового регулирования.

К условиям формирования подотраслей в структуре российского уголовного права необходимо отнести, во-первых, общее признание потребности в подотраслях уголовного права, во-вторых, доказательство того, что существующая структура российского уголовного права мешает ему эффективно развиваться. Для этого нужно, с одной стороны, провести подсчет всех видов уголовно-правовых институтов, осуществить их систематизацию и структуризацию, с другой — определить базовые и дополнительные уголовно-правовые отношения и соотнести их с уголовно-правовыми институтами.

Список источников

1. *Денисова А. В.* Системность российского уголовного права: теория, закон, практика : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018.
2. *Теория государства и права* : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997.
3. *Бабурин В. В.* Система современного уголовного права: монография. Омск, 2015.
4. *Козубенко Ю. В.* Исследование механизма уголовно-правового регулирования на межотраслевом уровне // *Lex russica*. 2013. № 6.

К. К. Бекмурзинова

Принципы доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения

Ежегодно с помощью комплексов автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения выявляется около 90% административных правонарушений в области дорожного движения от общего числа выявленных правонарушений в данной сфере. При этом тенденция использования комплексов автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения будет только расширяться, так как анализ эффективности их применения показывает снижение как количества дорожно-транспортных происшествий, так и ликвидации опасных участков дороги.

В настоящее время административное законодательство в области доказывания нуждается в реформировании и реализации новой концепции, в связи с чем в 2020 г. Министерством юстиции России был разработан проект нового КоАП РФ [1] и проект процессуального КоАП РФ [2]. Данные законопроекты содержат новые концептуальные положения административной ответственности, в том числе законодательно закрепляют принципы производства. Учитывая специфику производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, считаем необходимым выделить следующие принципы.

Принцип наглядности представленных доказательств, в соответствии с которым лицу, совершившему административное правонарушение в области дорожного движения, зафиксированное с помощью камер фото- и видеонаблюдения, обязательно предъявляется доказательство — фотоснимок либо видеозапись с указанием времени, места и обстоятельств совершенного правонарушения. Необходимость выделения данного принципа обусловлена тем, что научно-техническое развитие средств и способов фиксации административных правонарушений стремительно развивается, совершенствуется, усложняет такие системы, в которых интегрируются люди, техника, наука и другие составляющие.

Принцип активного участия граждан в производстве. В соответствии с данным принципом граждане являются активными участниками производства по делам об административных правонарушениях, в частности, могут выявлять и фиксировать административные правонарушения. Проектом процессуального КоАП РФ предусматривается, что в случае выявления административного правонарушения гражданином, которое зафиксировано с применением работающих в автоматическом режиме средств фото- и видеозаписи и обеспечивающих передачу изображений в специальное программное обеспечение, в соответствующий орган административной юрисдикции, протокол об административном правонарушении не составляется, а постановление по делу об административном правонарушении выносится без участия лица, в отношении которого возбуждено дело об административном правонарушении.

Список источников

1. *Проект Кодекса об административных правонарушениях ПДД*. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447> (дата обращения: 20.11.2021).
2. *Проект Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях*. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=99061> (дата обращения: 20.11.2021).

В. Н. Борков

О перспективе борьбы уголовно-правовыми средствами с захватом представительной власти путем обмана

Бесполезно ловить на слове влюбленных,
пьяных и кандидатов-политиков.

Э. Маккензи

Депутатом Государственной Думы РФ О. А. Ниловым 17 августа 2021 г. внесен законопроект об изменении Уголовного кодекса РФ. Предлагается дополнить уголовный закон ст. 142³ «Невыполнение предвыборного обещания»: «...то есть непринятие лицом, избранным на выборные должности в государственных органах, органах местного самоуправления всех зависящих от него мер для обеспечения выполнения содержащегося в тексте опубликованной кандидатом или политической партией, выдвинувшей кандидатов, список кандидатов на выборную должность в государственном или муниципальном (соответственно уровню выборов) периодическом печатном издании предвыборной программы в период ведения избирательной кампании предвыборного обещания» [1]. В соответствии с примечанием к указанной норме под предвыборным обещанием предлагается понимать «четко определенное данное в безусловной форме в период проведения избирательной кампании обязательство кандидата на выборные должности в государственных органах, органах местного самоуправления совершить в будущем в случае избрания на такие должности определенное действие или совокупность действий в рамках исполнения (реализации) установленных законодательством полномочий (прав) лица, занимающего такие выборные должности, или воздержаться от их совершения».

В узком смысле новая норма призвана охранять отношения, урегулированные Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», содержание которого О. А. Нилов также предлагает уточнить. Существо изменения, вносимого в п. 10 ст. 48 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ, регламентирующий порядок опубликования предвыборных программ в печатных изданиях и сети Интернет, состоит в том, что кандидаты в депутаты «имеют возможность отказаться от выполнения предвыборных обещаний, которые содержатся в указанных предвыборных программах, о чем в тексте предвыборной программы делается специальная оговорка, исключающая возможность привлечения к уголовной ответственности за неисполнение предвыборного обещания».

В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что он ориентирован на создание эффективного механизма воздействия на недобросовестных кандидатов на выборные должности в государственных органах, органах местного самоуправления, активно применяющих самые порочные методы ведения избирательной компании, сопряженные с обманом и злоупотреблением доверием избирателей. Выполнение предвыборных обещаний «для члена представительного органа власти — это прежде всего реализация тем или иным образом права законодательной инициативы (внесение законопроектов определенного содержания) либо отдельные действия в рамках участия в законодательном процессе (голосование „ЗА“ или „ПРОТИВ“ принятия того или иного законопроекта). В то же время аморфные и неопределенные по своему характеру предвыборные обещания (например, „сделать жизнь в России лучше“, „стараться действовать в интересах народа“) являются предвыборными обещаниями лишь в бытовом смысле: их невыполнение не будет влечь предусмотренных статьей неблагоприятных юридических последствий, так как они лишь косвенно соотносятся с институтом легально закрепленных полномочий (прав) лица, занимающего выборные должности. Такие действия, с точки зрения авторов законопроекта, не представляют общественной опасности, так как являются лишь предварительной положительной субъективной оценкой своей будущей политической деятельности и не связаны с конкретным обещанием принимать политическое решение по тому или иному вопросу» [1].

В законопроекте правильно определена видовая принадлежность предлагаемой к включению в уголовный закон ст. 142³. Она продолжает ряд запретов на фальсификацию избирательных документов (ст. 142 УК РФ), фальсификацию итогов голосования (ст. 142¹ УК РФ), незаконную выдачу и получение избирательного бюллетеня (ст. 142² УК РФ). Соответствующие преступления посягают на нормальную реализацию принципа народовластия, лишают народ возможности непосредственно выражать свою власть посредством референдума и свободных выборов. Причем если в случае фальсификаций избирательных документов и итогов голосования «народовластный ресурс» похищается тайно, то при введении избирателя в заблуждение ложными обещаниями злоумышленники им завладевают путем обмана.

Статья 56 Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ устанавливает ряд ограничений при проведении предвыборной агитации. В частности, запрещаются агитация, носящая экстремистский характер, те или иные формы подкупа избирателей, организация ставок на итоги

выборов. Агитационные материалы не могут содержать призывов голосовать против других кандидатов или партий, а также любых порочащих их сведений. Запрещено распространение подложных, якобы исходящих от оппонентов по выборам, материалов. Таким образом, закон прямо не запрещает кандидатам на выборные должности вводить избирателей в заблуждение относительно своей будущей политической позиции, не запрещает давать заведомо ложные обещания, которые впоследствии избранное лицо не собирается выполнять даже при наличии реальной возможности.

В соответствии с предложенной О. Н. Ниловым редакцией ст. 142³ УК РФ ответственность наступает не за дачу кандидатом ложных предвыборных обещаний, а за их невыполнение, что, впрочем, делает уголовно-правовой запрет еще суровее, так как для признания лица виновным в его совершении не имеет значения то обстоятельство, когда возникло намерение не выполнять предвыборные обещания: в момент их оглашения или уже после избрания на выборную должность. Предлагая установить ответственность за бездействие избранного лица, только в случае если он не принял «всех зависящих от него мер», авторы законопроекта следуют доктринальному положению, в соответствии с которым субъект подлежит уголовной ответственности только в том случае, если у него была возможность не совершать преступления. «Обещай только невозможное, и тебе не в чем будет себя упрекнуть» (Жак Деваль).

Законопроект депутата О. Н. Нилова побуждает к осмыслению соотношения между правом и политикой, к оценке возможности обеспечения честности политической деятельности уголовно-правовыми средствами. Одной из сфер политической деятельности является «законодательное регулирование прав и свобод человека и гражданина в целях оказания влияния на выработку и реализацию государственной политики» [2]. В контексте Модельного закона о парламентском контроле над военной организацией государства политическая деятельность трактуется как:

«а) индивидуальные или коллективные действия с целью оказать влияние на институты и органы государственной власти для реализации индивидуальных, групповых или институциональных интересов, выходящие за пределы служебных обязанностей;

б) индивидуальные или коллективные действия, направленные на формирование и изменение политической воли граждан» [3]. «На формирование народной воли существенное влияние оказывают органы власти, политические партии, средства массовой информации, сами граждане, тесно взаимодействующие между собой» [4, с. 4]. Для фор-

мирования политической воли граждан пригодны не любые средства. Значимость общественных отношений, развивающихся в связи с обеспечением народовластия для «благополучия и процветания России», свидетельствует о необходимости их надежной охраны, в том числе и уголовно-правовой.

Речь не идет о строгом следовании принципу императивного мандата и обязательном выполнении всех наказов избирателей. На взгляд Л. А. Нудненко, «не все частные интересы индивидов и даже отдельных социальных групп могут совпадать с интересами нации, общества, государства. Поэтому публичные интересы нельзя считать арифметической суммой частных интересов индивидов и даже отдельных социальных групп, которые могут быть весьма противоречивыми и даже вредными для развития нации, укрепления общества и государства» [5, с. 48]. Вместе с тем вряд ли правильным будет безоговорочно следовать теории свободного мандата. «Высокая популярность данной теории в среде представителей либеральной общественности позволила придать ей нормативный статус. В статье 14 главы III Учреждения Государственной Думы от 20 февраля 1906 г. закреплялось: „Члены Государственной Думы пользуются полною свободой суждений и мнений по делам, подлежащим ведению Думы, и не обязаны отчетом перед своими избирателями“» [6, с. 43]. Сложно согласиться с тем, что депутат вправе абсолютно абстрагироваться от интересов избирателей. Тем более кандидату на выборную должность недопустимо лгать избирателям, а депутату — не выполнять данные им конкретные обещания.

Обосновать или опровергнуть необходимость криминализации невыполнения предвыборных обещаний лицом, избранным на выборную государственную должность, без проведения масштабного межотраслевого научного исследования сложно. Вместе с тем предложение депутата О. А. Нилова побуждает к поиску новых средств защиты конституционного права народа России как единственного источника власти.

Список источников

1. *Проект* Федерального закона № 1233926-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления уголовной ответственности за невыполнение предвыборного обещания». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. *О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации* : федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. *Модельный закон о парламентском контроле над военной организацией государства* (принят в г. Санкт-Петербурге 24 ноября 2001 г. постановлением 18-13 на 18-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. *Лебедев В. А. Народовластие и публичная власть* // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3.

5. *Нудненко Л. А. Справедливость как критерий баланса публичных и частных интересов* // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 1.

6. *Леоненко Н. Т. Научные концепции мандата депутата: апология и критика* // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 11.

А. В. Быков

Развитие советского пенитенциарного законодательства в начале 1920-х гг.

После 1917 г. в Советском государстве шли представляющие значительный интерес процессы формирования нового права, в том числе исправительно-трудового (пенитенциарного) законодательства.

Создание собственно советской нормативно-правовой основы деятельности пенитенциарной системы начинается с 1918 г. Одним из первых документов стало постановление Наркомата юстиции от 23 июля 1918 г. «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового (временная инструкция)». В статье 1 Уставы о содержащихся под стражей и о ссыльных объявлялись утратившими силу, что подводит черту под дореволюционным законодательством. Инструкция имела чрезвычайно важное значение для последующей разработки советского законодательства в области исполнения наказания вплоть до издания первого Исправительно-трудового кодекса РСФСР, так как в ней были заложены принципы формирования такого законодательства.

К недостаткам Временной инструкции 1918 г. следует отнести расплывчатость норм, регулировавших порядок отбывания наказания в местах лишения свободы. Все это вызывало необходимость в создании новых документов, детализирующих и упорядочивающих правовое регулирование отношений в сфере исполнения наказания. Таким нормативным актом стали Правила внутреннего распорядка в местах заключения (временные, до введения Положения) от 30 июля 1920 г.

Положение об общих местах заключения, принятое постановлением НКЮ РСФСР от 15 ноября 1920 г., с учетом накопленного опыта более полно регламентировало порядок исполнения наказаний в виде лишения свободы. Именно данное Положение впервые в истории советского исправительно-трудового права сформулировало идеи и принципы политики государства в области исполнения наказаний. Была предпринята попытка определить содержание понятия режима в общих местах заключения.

Продолжалась практика регламентации отдельных аспектов деятельности мест заключения ведомственными нормативными актами. Среди таких актов, принятых Народным комиссариатом юстиции, можно выделить распоряжения от 4 ноября 1918 г. «О привлечении всех здоровых заключенных к труду»; от 22 ноября 1918 г. «Временные правила распределения заключенных» и др. После передачи всех мест лишения свободы в ведение НКВД в 1922 г. до выхода Исправительно-трудового кодекса 1924 г. продолжали действовать нормативные акты, изданные НКЮ.

Кроме того, в архивах сохранилось значительное количество распоряжений местных органов власти, начальников мест заключения, регулирующих комплекс вопросов, не учтенных ведомственными актами.

Таким образом, законодательство, регулирующее исполнение наказаний в виде лишения свободы, в своем становлении демонстрирует определенную преемственность с нормами дореволюционного законодательства с одной стороны (в частности, сохраняется такая мера воздействия на нарушителей режима отбывания наказания, как карцер, система размещения заключенных в камерах) и внедрение новых основ исполнения наказания — прогрессивная система отбывания наказания и классовый подход — с другой. Следует отметить, что пенитенциарное законодательство демонстрирует общие тенденции развития советского права в ранний послереволюционный период: значительное место занимает ведомственное нормативное регулирование и приказы, распоряжения руководителей на местах.

К. В. Карпов

Самозанятые граждане: некоторые итоги проведения эксперимента

С 1 января 2019 г. на всей территории России начался эксперимент, направленный на установление специального налогового режима для определенной категории граждан — самозанятых. Одна из задач Феде-

рального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“» (далее — Закон № 442-ФЗ) сводилась к тому, чтобы вывести из теневого сектора экономики граждан, которые фактически осуществляют предпринимательскую деятельность, но без прохождения процедуры государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей, не выплачивающих налоги и сборы в различные фонды. По условиям эксперимента субъект, который решил приобрести статус самозанятого, посредством установления мобильного приложения «Мой налог» может пройти регистрацию, что значительно упрощает процедуру регистрации. При этом ведение деятельности тоже было упрощено: чеки по оплате за выполненную по договору работу (услугу) формируются в соответствующем приложении, отчетность и уплата налога с профессионального дохода проходят автоматически. Все это должно способствовать повышению привлекательности регистрации в качестве самозанятого. За два года действия Закона около 2,7 миллионов физических лиц зарегистрировались в качестве самозанятых. Полагаем, эта цифра будет увеличиваться каждый год. Несмотря на то что действие данного закона рассчитано до 31 декабря 2028 г., уже сейчас есть все основания считать, что его действие будет продлено, возможно, будет разработан иной механизм правового регулирования отношений с участием данной категории субъектов.

Выход самозанятых граждан из теневого сектора связан и с легализацией их доходов. В настоящее время налоговая база для исчисления налога на профессиональный доход складывается следующим образом: 4% — от доходов, полученных по договорам, заключенным с физическими лицами, и 6% — от доходов, полученных по договорам, заключенным с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами. Более того, законом установлен мораторий на внесение изменений в части увеличения обозначенных выше налоговых ставок. Стабилизация и неизменность налогообложения должны способствовать повышению привлекательности регистрации граждан в качестве самозанятых, что связано с легализацией доходов и наполнением не только казны, но и систем социального, медицинского, пенсионного страхования. Так, за истекший период самозанятые граждане задекларировали доходы на сумму более 525 млрд рублей.

При всей очевидной пользе данного эксперимента и достигнутых результатах следует отметить некоторые острые проблемы, которые предстоит еще решить. Прежде всего, необходимо четко определить правовой

статус самозанятых граждан. Можно согласиться с мнением ряда исследователей, которые считают, что правовой статус самозанятых граждан вызывает некоторую правовую неопределенность, когда речь идет об их юридической, административной или гражданско-правовой ответственности [1, с. 29].

Привлекательность правового статуса самозанятых граждан значительно уменьшается в связи с тем, что период работы в качестве самозанятого не засчитывается в их страховой стаж, необходимый для пенсии выше социальной. Иными словами, самозанятые сами должны участвовать в формировании своей будущей пенсии путем добровольных пенсионных отчислений.

В настоящее время работодатели могут сократить найм работников по трудовым договорам и заключать договоры с самозанятыми гражданами. По своей правовой природе данные договоры не могут быть отнесены к трудовым, так как не отвечают требованиям действующего трудового законодательства. Но в этом видится возможность обойти закон. Работодатели могут требовать регистрации потенциальных работников в качестве самозанятых, а фактически данные договоры будут трудовыми, за одним лишь исключением — гарантии, которые работник имеет по трудовому договору. Соблазн очень велик, так как работодатель получает очевидные выгоды в виде уменьшения налогов, а также платежей в различные фонды, уменьшение документооборота. При введении нерабочих дней не надо платить заработную плату, при сокращении штатной численности нет расходов в виде выплаты выходного пособия и многое другое. Очевидно, что самозанятый работник не обладает такой правовой защитой, которая предоставляется работнику по трудовому договору.

Исходя из положений ч. 1 ст. 2 во взаимосвязи с п. 4 ч. 2 ст. 6 Закона № 422-ФЗ следует, что в качестве самозанятых могут быть зарегистрированы физические лица. Государственные и муниципальные служащие могут быть самозанятыми только в отношении доходов, получаемых от сдачи имущества в аренду (найм) жилых помещений. Может возникнуть риск того, что под получением доходов от сдачи имущества в найм будут отмываться денежные средства, полученные незаконным путем.

Соответствующие разъяснения по данному вопросу дало Министерство труда и социальной защиты РФ [2]. В данных разъяснениях обращается внимание на то, что приобретение должностными лицами органов государственной власти и местного самоуправления статуса самозанятого не является коррупционным правонарушением. В связи с этим следует обратить внимание на п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ,

в котором отмечено, что сдача в аренду (найм) недвижимого имущества не может рассматриваться в качестве нарушения установленного запрета на осуществление предпринимательской деятельности при определенных условиях. Однако следует учитывать, по каким правовым основаниям недвижимое имущество было приобретено таким должностным лицом и как оно используется [3].

Список источников

1. Савинов К. А., Лаврентьев А. Р. Налог на профессиональный доход: первые итоги двухлетнего эксперимента // Финансовое право. 2021. № 6.

2. Письмо Минтруда России от 19 апреля 2021 г. № 28-6/10/В-4623 «О направлении Разъяснений по вопросу возможности применения отдельными категориями лиц специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

Г. Н. Миронова

Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования в сфере противодействия коррупции

Уголовное право — одна из отраслей права, предметом регулирования которой выступают общественные отношения в сфере противодействия такому негативному социальному явлению, как коррупция. Понятие коррупции в науке однозначно не определено, предлагается его толкование как в узком (взяточничество), так и в широком (иные виды подкупа и коррупционных проявлений в частном секторе экономики) смысле.

В связи с распространенностью преступлений коррупционной направленности, их высокой латентностью, в том числе в коммерческой сфере, законодателем предприняты меры, направленные на борьбу с указанными негативными социальными проявлениями. Уголовный кодекс Российской Федерации в 2016 г. был дополнен статьей 204², устанавливающей ответственность за коммерческий подкуп в размере, не превышающем десяти тысяч рублей. С появлением указанной нормы в УК РФ

законодатель впервые обратил внимание правоохранительных органов и судов на так называемый низший (или малозначительный по сумме совершаемого посягательства) уровень коррупционных деяний в рамках исследуемой группы общественных отношений. В 2020 г. УК РФ дополнен ст. 200⁷, закрепляющей уголовную ответственность за подкуп арбитра (третейского судьи). Появление данной нормы обусловлено реализацией Российской Федерацией Конвенции Совета Европы «Об уголовной ответственности за коррупцию» (1999 г.), а также Дополнительного протокола к Конвенции (Страсбург, 15 мая 2003 г.).

Указанные новеллы отечественного уголовного законодательства представляют собой результат процесса правотворчества, основанного на том, что в обществе назрела необходимость противодействовать отдельным явлениям, которые в связи с распространенностью становятся обыденными, привычными и начинают восприниматься как норма. Однако несомненно, такое поведение обладает признаком общественной опасности, нарушает нормальное функционирование коммерческих и иных организаций, а следовательно, должно быть запрещено под угрозой наказания.

Результат процесса правообразования, как показывают анализ содержания принимаемых законодателем норм и практика их применения, не всегда является совершенным. Остаются законодательные пробелы в правовом регулировании отдельных общественных отношений.

Уголовно-правовая наука способствует устранению недостатков уголовно-правового регулирования, предлагает способы повышения эффективности практики применения существующих норм. В частности, нами предложена новая редакция нормы ст. 204² УК РФ и изменения в ст. 104¹ УК РФ. В целях восполнения законодательного пробела предлагается норма, устанавливающая уголовную ответственность за совершение арбитром (третейским судьей) неправомерных действий в пределах своей компетенции, а также действий, явно выходящих за пределы его полномочий, которые повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [1, с. 23–25].

Список источников

1. *Миронова Г. Н.* Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1.

Д. А. Мурин

Развитие уголовно-правовых норм отечественного законодательства, предусматривающих ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем

После Октябрьской социалистической революции 1917 г. советская власть взяла курс на реформы во всех сферах жизни общества, в том числе в юридической сфере в целом и в уголовном праве в частности.

Одним из первых законодательных актов послереволюционного периода было Уголовное уложение 1918 г. Ю. В. Грачева, С. В. Маликов и А. И. Чучаев отмечают: «Точно не установлено, вступило ли Уложение в силу или так и осталось проектом, разработанным Наркомюстом к началу 1918 г. Доподлинно можно утверждать лишь одно: на практике оно не применялось...». Тем не менее этот законодательный памятник ценен тем, что он являлся «мостом» для перехода от ранее действовавшего имперского законодательства к новому, советскому, так как Уголовное уложение 1918 г. восприняло весь предшествующий законотворческий опыт в области уголовного права и в то же время содержало нормы, существование которых было продиктовано эпохой происходящих в стране социальных перемен.

Следующим значительным законодательным актом отечественного уголовного права был Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., который коренным образом изменил регламентацию ответственности за многие преступные посягательства. Не стали исключением и нормы об ответственности за интересующие нас преступления.

Существенным образом была изменена регламентация объективной стороны состава рассматриваемого преступления: наказуемым осталось только приобретение, тогда как хранение, сбыт и другие деяния, образующие объективную сторону составов соответствующих преступлений в ранее изданных нормативных правовых актах, не нашли своего отражения в диспозиции ст. 181 УК РСФСР 1922 г. Это, на наш взгляд, являлось шагом назад в законодательной технике.

Не заслуживает одобрения и подход составителей УК РСФСР 1922 г., в соответствии с которым по ст. 181 ответственность наступала только за «покупку заведомо *краденого* (курсив наш. — Д. М.)». А если имущество заведомо добыто в результате совершения иного преступления: не тайного хищения чужого имущества (кражи), а например, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения, растраты и т. д.? Ведь составители УК РСФСР

1922 г. не использовали термин «кража» для обозначения иных форм хищения. Формулировка диспозиции ст. 181 была явно неудачной.

В то же время было сохраненоотягчающее обстоятельство, известное соответствующим нормам, содержавшимся в ранее действовавших законодательных актах — «в виде промысла». Еще одно отягчающее обстоятельство характеризовало субъективную сторону — «с целью сбыта».

Дальнейшее развитие законодательства привело к изданию УК РСФСР 1926 г. Отметим, что диспозиция ст. 164 УК РСФСР 1926 г. в целом сохранила указанные выше недостатки диспозиции ст. 181 УК РСФСР 1922 г. Различие проявилось в том, что законодатель из ч. 2 ст. 164 исключил субъективный признак «с целью сбыта».

Тем не менее следует констатировать и определенный прогресс в законодательной регламентации ответственности за рассматриваемые преступления. Уже после вступления в силу (17 июня 1929 г.) УК РСФСР 1926 г. был дополнен ст. 164-а. Законодательная техника, примененная при формулировании диспозиции данной статьи, была существенно лучше, чем законодательная техника составления ч. 4 ст. 207 УК РСФСР 1922 г., имевшей сходное содержание. В данном случае имел место возврат к более удачным формулировкам, известным в ранее действовавших законодательных актах, в частности Уголовном уложении 1903 г.

Следующим шагом в развитии отечественного уголовного законодательства было принятие УК РСФСР 1960 г. В сравнении с соответствующими нормами УК РСФСР 1926 г., ст. 208 УК РСФСР 1960 г. коренным образом отличалась в лучшую сторону с точки зрения примененной при ее формулировании законодательной техники, что, по нашему мнению, не могло не сказаться на существенном облегчении правоприменения и вывело на кардинально новый уровень уголовно-правовое противодействие рассматриваемым посягательствам.

Полагаем, что формулировка ст. 208 УК РСФСР 1960 г. — это вершина развития соответствующих норм за предыдущие периоды развития отечественного законодательства с точки зрения дифференциации уголовной ответственности и наказания, а также применения унифицированных формулировок и обобщающих терминов при изложении объективной стороны состава преступления.

В то же время считаем, что имелись определенные недочеты в изложении состава рассматриваемого посягательства. Например, уголовно наказуемым было только хранение «с целью сбыта». Если цель сбыта при хранении не находила подтверждения в ходе предварительного расследования или судебного заседания, то лицо, при отсутствии в его деяниях

составов иных преступлений, не подлежало уголовной ответственности. Отметим, что цель сбыта на практике доказать проблематично и далеко не всегда это удается.

Разграничению преступления, предусмотренного ст. 208 УК РСФСР 1960 г., и соучастия в преступлении был посвящен п. 20 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1962 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества».

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 11 «О судебной практике по делам о заранее не обещанном укрывательстве преступлений, приобретении и сбыте заведомо похищенного имущества» содержались разъяснения относительно разграничения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РСФСР 1960 г., и укрывательства преступлений. Следует отметить, что обозначенные подходы к квалификации, получившие отражение в названных постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, в целом актуальны и в настоящее время.

Таким образом, ст. 208 УК РСФСР 1960 г. подвела итог развитию норм отечественного законодательства об уголовной ответственности за заранее не обещанные приобретение, хранение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, так как воплотила в себе весь позитивный предыдущий опыт конструирования соответствующих норм как дореволюционного, так и советского периодов. Кроме того, законодатель и высшая судебная инстанция четко определили признаки и критерии разграничения рассматриваемого посягательства с соучастием в совершении преступления, а также с прикосновенностью к преступлению.

В целом советский период развития уголовно-правовых норм об ответственности за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, можно охарактеризовать следующим образом. Первоначально попытки отразить в действовавших ранее советских законодательных актах позитивный дореволюционный опыт конструирования соответствующих составов не увенчались успехом. Составители УК РСФСР 1922 и 1926 гг. продолжали определение юридической природы и поиск места рассматриваемых посягательств среди составов других преступлений, однако целостная, четкая картина еще не сложилась. Наблюдался и определенный регресс в законодательной технике, применяемой при формулировании соответствующих норм. Исследуемые деяния не получили четкого разграничения с соучастием и прикосновенностью к преступлению. Однако в дальнейшем в ст. 208 УК РСФСР 1960 г. был реализован весь позитивный предшествовавший опыт регламентации от-

ветственности за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем. К концу советского периода законодателем и высшей судебной инстанцией четко определены признаки и критерии разграничения рассматриваемого посягательства с соучастием в совершении преступления, а также с прикосновенностью к преступлению. Изменился подход законодателя к определению объекта исследуемого преступного деяния.

Необходимо отметить, что именно в советский период сформировалось восприятие приобретения и сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, как одной из форм прикосновенности именно к преступлениям против собственности. Подавляющее большинство преступлений, предусмотренных ст. 208 УК РСФСР, совершались в отношении имущества, ранее полученного в результате хищений. Скупщики краденого представляли собой отдельную самостоятельную группу в преступном мире — барыги. Значимость сбыта краденого имущества представляла собой существенную часть криминальной деятельности. В связи с этим закономерным можно считать выделение приобретения или сбыта имущества, заведомо добытого преступным путем, в качестве самостоятельной формы прикосновенности именно к преступлениям против собственности. Данное явление получило стойкую тенденцию к продолжению в последующий период 80–90 гг. прошлого столетия, характеризовавшийся значительным ростом преступности, в том числе и корыстной.

А. А. Нечепуренко

Подходы к совершенствованию законодательного регулирования института судимости

Институт судимости в Уголовном кодексе Российской Федерации изложен достаточно противоречиво. Парадокс сложившейся правовой ситуации заключается в том, что, говоря о последствиях судимости, законодатель не проясняет вопрос о ее содержании. Очевидно, что судимость не сводится только к факту осуждения, скорее, представляет собой состояние осужденности на протяжении установленного в законе срока. Если бы судимость заключалась только к констатации в приговоре суда вины лица в совершении того или иного преступления, то было бы понятно, что все правоограничения, возлагаемые на него после вступления приговора в законную силу, действительно являются последствиями

(уголовно-правовыми или общеправовыми) такого юридического факта. Однако если вести речь о том, что на лицо в период судимости возлагаются определенные правоограничения, которые после погашения или снятия судимости аннулируются, то логично называть такие ограничения прав и свобод осужденного не последствиями, а содержательными компонентами судимости. О последствиях судимости тоже можно вести речь, но лишь в том случае, если какими-либо федеральными законами установлены ограничения правового статуса лица не только в период судимости, но и после ее погашения или снятия.

Следует также обратить внимание на тот факт, что совершенно незаслуженно судимость занимает положение некой правовой структуры, подчиненной наказанию и без него самостоятельного значения не имеющей. Эта позиция, до сих пор поддерживаемая широкой научной общественностью, настолько прочно укоренилась в сознании законодателя, что согласно ч. 2 ст. 86 УК РФ лица, освобожденные от наказания, считаются несудимыми, хотя данное положение противоречит смыслу ст. ст. 73, 79, 81, 82, 82¹ УК РФ. На самом деле судимость является атрибутом уголовной ответственности, ее базовой формой реализации и ее основанием служит не наказание, а совершение преступления. В связи с этим срок погашения и снятия судимости следует исчислять не с момента отбытия наказания, а с момента вступления обвинительного приговора в законную силу, как это и указано в ч. 1 ст. 86 УК РФ. В пределах срока судимости за преступление той или иной категории и должны реализовываться такие формы уголовной ответственности, как наказание и испытание. Для этого нужно установить определенные сроки судимости за преступление каждой категории. Они должны быть достаточно большими, чтобы вместить в себя все возможные варианты назначения наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров применительно к срочному лишению свободы. Например, за преступления небольшой тяжести — 5 лет, средней тяжести — 10 лет, тяжкие — 20 лет, особо тяжкие — 40 лет. Такие большие сроки судимости должны предполагать возможность их погашения судом по истечении половины срока. Исключение следует установить только в отношении осужденных к пожизненному лишению свободы. Целесообразно, чтобы для этих осужденных судимость была бы пожизненной, независимо от освобождения их от отбывания наказания в связи с болезнью, по акту помилования или условно-досрочно. Предполагается, что при таких больших сроках судимости само собой отпадет необходимость в большинстве иных федеральных законов устанавливать какие-либо еще сроки после ее погашения или снятия для ограничения

лиц, совершивших преступления, в определенных правах, в том числе и в пассивном избирательном праве, как это совершенно произвольно установлено в настоящее время российским законодателем.

С учетом сказанного можно смоделировать следующую редакцию ст. 86 УК РФ, которая отражала бы в будущем уголовном законодательстве России специфику судимости как базовой формы реализации уголовной ответственности.

«Статья 86. Судимость»

1. Судимость есть мера уголовной ответственности, заключающаяся в совокупности ограничений прав и свобод, налагаемых в равном объеме на всех лиц, осужденных по вступившему в законную силу обвинительному приговору суда за совершение преступления определенной категории.

2. Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Судимость в соответствии с настоящим Кодексом учитывается при рецидиве преступлений, назначении наказания и включает иные правовые ограничения в случаях и порядке, которые установлены федеральными законами.

3. Судимость погашается, если после вступления обвинительного приговора суда в законную силу истекли следующие сроки:

- а) пять лет при осуждении за преступление небольшой тяжести;
- б) десять лет при осуждении за преступление средней тяжести;
- в) двадцать лет при осуждении за тяжкое преступление;
- г) сорок лет при осуждении за особо тяжкое преступление.

4. Лицо, осужденное без назначения наказания или с назначением наказания и освобождением от его отбывания, считается судимым в течение сроков, указанных в части третьей настоящей статьи.

5. Если осужденный после отбытия (исполнения) наказания или прохождения испытания вел себя безупречно, то по ходатайству осужденного или его законного представителя суд может снять с него судимость. При этом судимость может быть снята по истечении не менее половины сроков, указанных в части третьей настоящей статьи.

6. Судимость осужденного к пожизненному лишению свободы является пожизненной и не может быть погашена или снята после его освобождения от наказания по каким-либо основаниям.

7. Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые ограничения, предусмотренные настоящим Кодексом, связанные с судимостью, а также те, которые установлены федеральными законами на период судимости».

Идеальная модель правотворчества уголовного закона

В настоящее время очевидны изменения, происходящие в политике, экономике и социальной сфере. Кризис требует социальной трансформации, которая идет через цифровизацию различных сфер жизни в целях снижения транзакционных издержек и повышения эффективности. Хотелось бы, чтобы ключевые сферы, от которых зависит многое, также находились на пути повышения эффективности, и к такой сфере следует отнести правотворчество.

Результаты правотворчества в уголовно-правовой сфере удручающи, особенно если объективно оценивать качество и эффективность изменений уголовного закона. Низкое качество этих изменений выражается в следующих формах:

- 1) несоответствие существующей системе уголовного права;
- 2) избыточная детализация регулирования, создающая проблемы для практики (например, ст. ст. 159¹–159⁶ УК РФ);
- 3) введение в оборот оценочных, закрытых или неверно определенных терминов (например, «компьютерная информация» в примечании к ст. 272 УК РФ);
- 4) систематическое игнорирование проблем, выделенных наукой уголовного права.

Все перечисленные проблемы являются результатом плохой организации правотворческого процесса в сфере уголовного права.

Правотворчество можно рассматривать как процесс и как результат создания нормы права. Если нас не устраивает результат правотворчества, то необходимо поработать с моделью его получения, заточить ее на требуемый результат. Уяснение сущности правотворчества в уголовном праве следует начать с его понимания в теории государства и права. Контент-анализ девяти учебников по теории государства и права позволил рассмотреть разные подходы к выделению этапов правотворчества. Наиболее компактная модель включает три стадии: 1) подготовка проекта нормативного правового акта; 2) принятие (прохождение) нормативного правового акта; 3) введение в действие нормативного правового акта [1, с. 307; 2, с. 349; 3, с. 204].

В учебниках наиболее распространенная модель правотворчества включает четыре стадии: 1) законодательная инициатива; 2) обсуждение законопроекта; 3) принятие и утверждение закона; 4) обнародование закона (промульгация закона) [4, с. 166–168; 5, с. 554; 6, с. 339–342; 7, с. 290–293; 8, с. 385–386].

В отдельных учебниках отражены шесть стадий правотворчества. Так, А. Г. Хабибулин и В. В. Лазарев выделяют следующие стадии: 1) законодательная инициатива; 2) решение компетентного органа о необходимости издания акта; 3) разработка проекта нормативного акта и его предварительное обсуждение; 4) рассмотрение проекта нормативного акта; 5) принятие нормативного акта; 6) доведение содержания принятого акта до его адресатов [9, с. 324].

В. М. Сырых также выделяет шесть стадий: 1) принятие решения о внесении изменений в действующую систему норм права; 2) подготовка проекта нормативного правового акта; 3) рассмотрение его правотворческим органом; 4) обсуждение и согласование проекта с заинтересованными субъектами; 5) принятие нормативного правового акта; 6) опубликование нормативного правового акта [10, с. 226].

Деление правотворчества на стадии позволяет рассматривать его как процесс, где основной акцент сделан на прохождении законопроекта через процедуры для последующей легитимации. Не стоит удивляться низкому качеству уголовного закона, поскольку процесс правотворчества на него не направлен. Следовательно, необходимо модернизировать этот процесс, ввести контроль качества. Местом изменения являются две стадии: 1) законодательная инициатива или подготовка (разработка) проекта нормативного правового акта; 2) рассмотрение и согласование с заинтересованными лицами. Детализация данных стадий является ключевой для получения адекватного результата правотворческой деятельности.

Ключевой точкой для получения качества выступает правотворческая экспертиза, проводимая в соответствии с методикой и на основании стандартов качества уголовного закона. Разумеется, в настоящее время проводится правотворческая экспертиза изменений уголовного закона, но результаты ее либо игнорируются, либо неправильны, поскольку основаны на частном мнении эксперта.

Логика такова: если на всех стадиях соблюдается качество, то финальный результат также будет качественным. Во-первых, правотворческий процесс должен начинаться с законопроекта, форма и содержание которого соответствуют критериям качества. Во-вторых, на стадии рассмотрения и согласования с заинтересованными лицами законопроект может меняться, что также требует проверки качества финальной версии. Таким образом, каждый этап должен завершаться непосредственно проведением экспертизы для выявления ошибок и несоответствий стандартам. Причем если ошибки не устраняются, то проект на следующую стадию не переходит.

Основой правотворческой экспертизы являются стандарты качества уголовного закона, которые представляют определенные требования по форме и содержанию к изменениям уголовного законодательства. В настоящее время таких стандартов качества уголовного закона не существует, однако появились предпосылки для их создания. Изменения уголовного закона должны соответствовать ряду свойств, чтобы признать их качественными. Во-первых, они должны быть социально обоснованы и справедливы, поскольку уголовный закон защищает ценности в рамках существующей модели общественного устройства. Во-вторых, в изменениях уголовного закона должны быть правильно отражены отношения интересов государства, общества и личности как взаимосвязанных систем, взаимодействующих для достижения единого образа будущего. Реализация интересов каждого субъекта важна нам с точки зрения стабильности и необходимости поддержки каждого субъекта существующего миропорядка. В-третьих, изменения законодательства должны строиться на основе предложений ученых и правоприменителей, что позволит объединить усилия теории и практики в совершенствовании уголовно-правового инструментария. В-четвертых, с формальной стороны изменения уголовного закона должны состоять из стандартизированных элементов (типов составов преступлений, основных и квалифицированных признаков), что позволит получать однозначное понимание в ходе толкования и правоприменения. В-пятых, изменения должны соответствовать правилам построения систем Общей и Особенной частей уголовного законодательства, для того чтобы поддерживать универсальные механизмы формирования системы. В-шестых, изменения уголовного закона должны соответствовать качеству однозначности и системности. Однозначность позволит понимать смысл уголовно-правовой нормы одинаковым образом, а системность означает идентичность изменений с существующей системой УК РФ, возможность встраиваться и функционировать в рамках существующего порядка. В-седьмых, изменения должны соответствовать свойству исчислимости, для того чтобы иметь возможность оценивать эффективность реализации уголовно-правового воздействия, влиять на получаемый результат через изменение входящих условий.

Таким образом, соответствие изменений уголовного законодательства перечисленным критериям позволит содержательно обеспечить качество уголовного закона. Однако этого недостаточно, для процедурного обеспечения качества нужно проработать порядок формирования законопроектов. В частности, следует перейти от ситуативного к пакетному методу изменения уголовного закона. Его суть заключается в том, что изменения

формируются через объединение запросов от науки (проблемы системности уголовного права) и практики (проблемы неразрешимых ситуаций). Пакет изменений будет включать как новые уголовно-правовые нормы, так и изменения уже существующих норм в целях поддержания системности. Такой механизм сходен с обновлением программного обеспечения, которое позволяет выстроить работу с «багами» уголовного законодательства на основе приоритезации. Кроме того, от хаотичности необходимо переходить к периодичности изменений уголовного закона (раз в квартал или раз в полгода). Текст изменений уголовного закона важно формировать, толковать и применять на основании стандартов, для достижения единого понимания уголовно-правовой нормы в течение всего периода жизни. Контроль качества следует осуществлять на входе (разработка законопроекта) и на выходе (рассмотрение законопроекта). Обеспечительным элементом является введение ответственности законодателя за качество уголовного закона, поскольку каждый субъект социальной деятельности должен правильно выполнять свои функции, особенно если они являются социально значимыми для деятельности других участников социального процесса. Соответственно, наличие ответственности законодателя за качество уголовного закона будет влиять на выполнение правоприменителем воли законодателя надлежащим образом.

Список источников

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
3. Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М., 2018.
4. Власенко Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие. 2-е изд., перераб., доп. и испр. М., 2014.
5. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
6. Теория государства и права : учебник / под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2009.
7. Морозова Л. А. Теория государства и права : учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
8. Червонюк В. И. Теория государства и права : учебник. М., 2006.
9. Теория государства и права : учебник / под ред. А. Г. Хабибулина, В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
10. Сырых В. М. Теория государства и права. М., 2004.

Н. Л. Феднева

К вопросу о предпосылках институализации полицейского права в Российской империи

Проблема зарождения полицейского права в Российской империи в последние десятилетия привлекает внимание историков и теоретиков права, административистов и правоприменителей. Результаты исследований в указанном направлении нашли отражение в материалах научно-практических конференций, в публикациях научных журналов, посвященных 300-летию российской полиции, в издании систематизированных в хронологическом порядке нормативных правовых актов [1]. На основании проделанной работы можно обобщить некоторые факторы, повлиявшие на истоки формирования полицейского права в России, что и составляет цель данной статьи.

Начавшаяся в Новое время институализация новых отраслей права, в том числе полицейского, стала реакцией на вновь возникшие в разных странах функции государства, которые в свою очередь явились ответом на потребности управления гражданским обществом, сложность и дифференциация которого возрастала. Возникновение полицейских учреждений происходило, как правило, по указанию абсолютных монархов на основе указов, ордонансов и других нормативных актов, имевших локальный характер. В течение некоторого времени их деятельность регулировалась разрозненными нормативными актами, закладывавшими предпосылки дальнейшей систематизации. Кодификация позитивного законодательства по полицейским вопросам осуществлялась после накопления опыта функционирования полицейских учреждений; ее особенности и сроки в разных странах определялись конкретными объективными и субъективными факторами. Однако общим для всех европейских стран, включая Россию, стал такой субъективный эпистемологический фактор, как развитие правовой науки в русле идей умеренного Просвещения, формировавшее доктрину полицейского права. Наиболее значимым в доктринальном плане стал труд французского правоведа Жан Дома (1625–1696), в котором он рассматривал публичное право как систему правил, закладывающую общий порядок управления и полицейского регулирования [2]. Являясь приверженцем теории естественного права, Дома считал, что публичное право имеет естественную природу, обеспечивает безопасность и развитие человека, но поддерживать это право должен монарх с помощью универсальной полиции. Он проводил мысль о том, что реализация гражданских прав невозможна при отсутствии или несовершенстве публичного права.

В первой четверти XVIII в. потребности усиления публичного регулирования общественной жизни в России были осознаны царем-реформатором Петром I. Для него было характерно стремление обеспечить доминирование публичного, государственного интереса над партикулярным, частным. Создание им Генерал-полицмейстерской канцелярии в Санкт-Петербурге вполне вписывается в эту тенденцию. Характерно, что законодателем на начальном этапе создания полиции выступает сам царь, внося поправки в основополагающий нормативный акт «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» и составляя указ о назначении на должность А. Девиера. Согласно этим документам генерал-полицмейстер не только нес личную ответственность перед царем, но получал право инициировать сенатские указы исключительно в рамках отведенной ему компетенции. Правительствующий Сенат становился промежуточным звеном между ним и государем, следил, чтобы поданные Девиером проекты указов (названные в 1722 г. доношениями) соответствовали государевым Пунктам. Каждый из 13 пунктов Петровского указа конкретизировался и дополнялся санкциями в именных и сенатских указах, подготовленных на основе доношений Девиера и им обнародованных. Таким образом, законность понималась на этом этапе как соответствие указаниям монарха.

Согласно Полному собранию законов Российской империи с июня 1718 г. по январь 1719 г. Сенат издал 9 указов о полицейском управлении в Санкт-Петербурге; с июня по август 1719 г. — 10; с января 1720 г. по декабрь 1721 г. — 28. В этих указах нашли законодательное оформление функции полиции по реализации социального управления в новой столице, такие как надзор за градостроительством, поддержание порядка на рынках и улицах, обеспечение внутренней безопасности, понимаемой в широком смысле как безопасность от преступников, санитарно-гигиеническая и противопожарная безопасность.

Эти функции получили дальнейшее законодательное оформление в Москве, где в январе 1722 г. была создана Обер-полицмейстерская канцелярия, деятельность которой регулировалась утвержденной 10 декабря 1722 г. Сенатом Инструкцией Московской полицмейстерской канцелярии. Обер-полицмейстеру Москвы было предписано «находиться в депенденции от Генерал-полицмейстера» и от Сената; он также получал право разрабатывать доношения и представлять их в Московскую контору Сената или Генерал-полицмейстеру с последующим утверждением Сената.

Характерно, что в период 1718–1767 гг. законодатель не предпринимал попыток систематизации полицейского законодательства, сохранявшего локальный и ситуативный характер.

В процедуре принятия и содержании полицейских указов петровского времени и последующего периода правления его преемников (до Екатерины II) отразились особенности представлений о полиции как милитаризованной службе поддержания порядка и местного управления в «регулярном государстве». Лейтмотивом этих представлений, характерных для периода 1718–1767 гг., является идея государственного принуждения к выполнению распоряжений царской/императорской (публичной) власти, превалирование государственного интереса над партикулярным, усиление уголовной репрессии, криминализация ряда правонарушений, ранее относимых к административным. Применительно к этому периоду мы можем говорить лишь о наличии полицейского законодательства, представляющего одну из предпосылок к формированию полицейского права. Для институализации полицейского права в качестве отрасли необходимо было осмысление этого законодательства как инструмента обеспечения стабильности и законности, требовалось доктринальное понимание значения кодификации разрозненных, принятых на уровне местного управления указов как гаранта реализации не только государственных, но и частных интересов.

В результате почти 15-летнего обсуждения, начавшегося в Уложенной комиссии, в составе которой была создана специальная комиссия по полиции, а сама императрица Екатерина II, ознакомившись с представленным от Главной полиции наказом [3, с. 296–362], придала особую важность проблеме, дополнив свой Большой Наказ собственным видением полицейского управления, был разработан Устав Благочиния или Полицейский (1782). В Уставе нашло закрепление суждение Екатерины, заимствованное у Ч. Беккариа, о необходимости различения преступлений, караемых судом по уголовным законам, и проступков против управления, менее опасных, чем преступления, наказуемых полицией в соответствии с Полицейским уставом.

С Устава Благочиния не только начинается оформление российского полицейского права в отдельную отрасль, но в процессе его разработки формируется отечественная концепция полицейского государства, важнейшей идеей которой становится необходимость поддержания законности во имя всеобщего блага и пресечения нарушений законности «несмотря ни на какое лицо». Устав создавал механизмы взаимодействия полиции и гражданского общества через посредство выборных ратманов; вменил в обязанность управ благочиния создавать условия для реализации частных интересов горожан. В нем было положено начало кодификации российского полицейского права, которое становилось более гуманным по сравнению с предшествующим периодом.

Этот законодательный акт можно с основанием считать первой кодификацией российского полицейского права, означавший его выделение в отдельную отрасль, формирование которой активно продолжалось в XIX в. Несмотря на то что формально создание регулярной полиции в России произошло позднее, чем в странах Западной Европы, процесс институализации российского полицейского права осуществлялся примерно в те же временные рамки, что и в считающейся образцом в плане развития административного права Франции, т. е. в последней четверти XVIII в., при том что во Франции кодификация полицейского законодательства была осуществлена в частном порядке.

Список источников

1. *История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 года (к 300-летию российской полиции) : хрестоматия / под ред. В. Л. Кубышко. М., 2018.*

2. *Domat J. Oeuvres completes, nouvelle edition revue corrigée ed. Joseph Remy. Paris, 1829. Vol.1-3.*

3. *Выбранному, в силу Высочайшего Её Императорского Величества 1766-го году декабря 14-го дня Манифеста, от Главной полиции депутату Наказ для представления в Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения, в котором заключаются требования оной полиции законов, подлежащих до полицейской должности // Сборник Русского Императорского исторического общества. Т. 43. СПб., 1885.*

О. И. Филонова

Особенности правообразования в сфере гражданского процесса в 1920-х гг.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации с момента вступления в силу с 1 февраля 2003 г. подвергается постоянным изменениям. Частота и значительность изменений свидетельствуют о поиске законодателем наиболее эффективной модели гражданского судопроизводства, в связи с чем целесообразно исследование историко-правового опыта.

В РСФСР с коренной сменой политической системы и с провозглашением перехода к социалистическому обществу возникла потребность в урегулировании правом новых отношений. Правообразование в сфере гражданского процесса началось после перехода к нэпу. Именно тогда перед наукой была поставлена задача теоретических разработок создания и применения советского права [1, с. 45].

Ключевым событием в гражданском процессе 1920-х гг. стала его кодификация: 10 июля 1923 г. был принят Гражданский процессуальный кодекс (ГПК) РСФСР. Он содержал нормы, регламентирующие стадии процесса, статус участников, институт доказывания и доказательств, порядок вынесения судебных решений и их пересмотра. Задачи модернизации страны, необходимость разрешения возникавших противоречий стали причиной развития гражданского судопроизводства в период нэпа [2, с. 64].

На правообразование в РСФСР влияли идеологические установки, провозглашавшие строительство социализма и допускавшие неизбежность классовой борьбы. Правотворчество направлялось партийными решениями.

Современные ученые, исследовавшие отдельные институты советского гражданского процесса, подчеркивали его роль в строительстве социалистического государства [см., напр.: 3, с. 124].

Статья 53 Положений о народном суде 1918 г. и 1920 г. предоставляла судье полномочие по своему усмотрению возбуждать гражданское дело при выявлении нарушения законодательства. Такая правовая норма была беспрецедентной для всей истории развития отечественного гражданского процессуального законодательства вплоть до настоящего времени [4, с. 143]. В ГПК РСФСР 1923 г. законодатель от такой нормы уже отказался, исходя из закрепления принципа состязательности сторон.

Согласно ст. ст. 2 и 75 ГПК РСФСР 1923 г. суд приступал к разбору гражданского дела по заявлению заинтересованной стороны. Но нормы ГПК РСФСР имели особенности, обусловленные общественно-политической системой Советского государства. Во-первых, несмотря на то что, по общему правилу, суд начинал рассматривать дело по письменному заявлению заинтересованной стороны, по делам, рассматривавшимся в народном суде, допускалось устное заявление. Представляется, что данная норма была обусловлена идеей о доступности советского суда широким слоям населения. Во-вторых, инициатором судебного процесса мог быть прокурор, если, по его мнению, этого требовала охрана интересов государства или трудящихся масс.

ГПК РСФСР 1923 г. закреплял статус участников процесса. Стороны могли вести дела лично или через представителей. Помимо членов коллегии защитников представителями могли быть руководители и члены трудовых коллективов, члены профсоюзов. В данной норме отразился принцип социалистического общества — ответственность коллектива за каждого его члена.

Таким образом, нормы ГПК РСФСР 1923 г., допускавшие участие прокурора и общественного коллектива в гражданском производстве, являлись порождением новой общественно-политической системы.

Правовые нормы о доказывании и доказательствах были обусловлены идеологическими установками и предоставляли суду широкие полномочия не только в оценке доказательств, но и в их собирании. Согласно ст. 5 ГПК РСФСР 1923 г. суд был обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся, для чего должен был способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами.

Поскольку юристы, имевшие опыт работы в дореволюционной России, не допускались к работе в коллегии защитников или сами того не желали, стороны в основном представляли свои интересы самостоятельно, не имея нужных знаний и квалификации. В связи с этим суд был вынужден оказывать сторонам активное содействие и проявлять инициативу в собирании доказательств по делу, что получило законодательное закрепление в нормах ГПК РСФСР 1923 г.

На решение суда лицами, участвовавшими в деле, могла быть подана кассационная жалоба в губернский суд или Верховный Суд РСФСР по принадлежности.

Гражданской Кассационной Коллегией Верховного Суда РСФСР отмечался высокий процент отмененных решений губернских судов за полтора года действия Гражданского процессуального кодекса РСФСР (с 1 апреля 1923 г. по 1 октября 1924 г. — почти 50%) [5, с. 317].

Нормы ГПК РСФСР не перечисляли конкретные нарушения, предусматривавшие отмену решений, а ограничивались общим указанием на нарушения, служившие основанием для отмены решения. Такими общими основаниями к отмене решения являлись: 1) нарушение или неправильное применение действующих законов; 2) явное противоречие решения фактическим обстоятельствам дела, установленным разрешавшим дело судом (ст. 237 ГПК РСФСР 1923 г.).

На основании полуторогодичной практики Гражданская Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР выделила случаи, когда она обязательно отменяла решения с передачей дела на новое рассмотрение:

1) были нарушены элементарные требования гражданского процесса, в частности, дело рассматривалось в отсутствие стороны, не извещенной установленным порядком и не знавшей о производящемся деле, или выносилось решение по отношению к лицу, не имевшему отношения к процессу и не привлеченному в качестве ни одной из сторон;

2) были нарушены или неправильно истолкованы материальные и процессуальные законы, ограждавшие существенные интересы рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс, хотя эти нарушения и не были указаны в жалобе;

3) резолютивная часть решения не давала ясного представления о том, что собственно суд имел в виду;

4) между резолютивной и описательной частью решения суда существовало непримиримое противоречие [5, с. 316–317].

Гражданская Кассационная Коллегия отмечала, что гражданские дела становятся все сложнее, поскольку в них под прикрытием сухих формул гражданского права или договоров часто ведется настоящая классовая борьба за утраченные позиции буржуазии, что не всегда улавливается на местах [5, с. 318].

Примером выявления нарушения процессуального законодательства является определение Верховного Суда РСФСР по гражданской кассационной коллегии. 24 августа 1923 г. Гражданская Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР слушала гражданское дело по иску Кольцова к Московскому союзу потребителей об увечье, поступившее по кассационной жалобе ответчика на решение Московского губернского суда. Губернским судом было определено: обязать Московский союз потребителей выдавать агенту Кольцову, заболевшему от частой ходьбы и вследствие ампутации ноги лишившемуся трудоспособности, ежемесячно содержание в течение 10 лет. Гражданская Кассационная Коллегия Верховного Суда РСФСР определила: решение Московского губернского суда по гражданскому делу отменить и передать дело для нового рассмотрения в тот же суд в другом составе. Мотивировано это было тем, что в решении губернского суда было явное противоречие в выводах: с одной стороны, суд отверг причинную связь между работой истца на службе в Московском союзе потребителей и полученным увечьем, а с другой — присудил без законного основания к выплате вознаграждения за увечье (Определение по делу 1155–1923 г.) [5, с. 306–307].

Подводя итоги выявлению особенностей правообразования в гражданском процессе в период нэпа, следует сделать следующие выводы. Правообразование в период развития советской государственности в 1920-х гг. было обусловлено идеологическими установками, нацеленностью на построение социалистического общества. В частности, порождением новых общественных отношений стали нормы ГПК РСФСР 1923 г., допускавшие участие прокурора и общественного коллектива в гражданском производстве, и нормы об инициативности суда в собирании до-

казательств и его активном содействии сторонам. Установки, связанные с общественно-политической системой, проявились и в основаниях для отмены решений судов. В частности, к таким основаниям были отнесены нарушения или неправильное истолкование материальных и процессуальных законов, ограждавших существенные интересы рабочего-крестьянского государства и трудящихся масс.

Список источников

1. Боннер А. Т., Фурсов Д. А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 4.
2. Филонова О. И. Развитие судопроизводства в период нэпа: историко-правовой опыт // Российское правосудие. 2019. № 6.
3. Козинцев А. Я. Теория и история советского гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 4.
4. Великая реформа: к 150-летию Судебных Уставов : в 2 т. Т. 1 : Устав гражданского судопроизводства / под ред. Е. А. Борисовой. М., 2014.
5. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР. С постатейно систематизированным материалом / сост. Председатель Гражданской Кассационной Коллегии Верховного Суда РСФСР С. В. Александровский ; предисл. Я. Н. Бранденбургского. М., 1925.

Ю. П. Шаплеров

Регламентация института мер пресечения в досудебном производстве согласно положениям Свода законов Российской империи

Свод законов Российской империи (далее — Свод законов), вступивший в юридическую силу с 1 января 1835 г., систематизировал ранее действовавшее в России законодательство различных отраслей, в том числе уголовное и уголовно-процессуальное, при этом нормативно отделяя их друг от друга [1, с. 90–93]. Так, том XV «Законы уголовные» состоял из двух книг: книга 2 «Законы о судоустройстве по делам о преступлениях и проступках» являлась непосредственным продолжением Книги 1 «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных».

Законодатель для обеспечения досудебной уголовно-процессуальной деятельности в качестве «мер для пресечения обвиняемому способов уклониться от следствия и суда» — мер пресечения в современном их по-

нимании — называл: 1) содержание в тюрьме и при полиции; 2) домашний арест; 3) надзор полицейский; 4) отдачу на поруки.

Выбор той или иной меры пресечения в соответствии со ст. 133 Книги 2 тома XV Свода законов зависел от «свойства преступления», «силы обвинения», «звания обвиняемого», «большого или меньшего подозрения в намерении учинить побег». На практике о применении любой из перечисленных мер пресечения следователь составлял журнал (постановление), хотя в Своде законов об этом не говорилось [2, с. 113; 3, с. 231].

Содержание в тюрьме и при полиции было самой распространенной мерой пресечения [4, с. 381] и применялось при совершении обвиняемым преступления, за которое предусматривалось наказание в виде лишения всех прав и состояний, потери «всех особых как лично, так и по состоянию присвоенных прав и преимуществ», ссылки в Сибирь или другие отдаленные губернии, отдачи в исправительные арестантские роты или в рабочие дома. Кроме того, в тюрьме содержались обвиняемые, совершившие иные менее важные преступления и не могущие «по себе представить порук» (ст. 134 Книги 2 тома XV Свода законов).

Я. И. Баршев в качестве «побудительных причин», т. е. оснований применения рассматриваемой меры пресечения, называл:

1) «опасность побега и укрытия обвиняемого», что определялось характеристикой его личности, поведения и тяжести предполагаемого наказания;

2) опасность сговора обвиняемого с соучастниками преступления или оказания им иного противодействия расследованию;

3) опасность совершения обвиняемым новых преступлений;

4) возможность установления виновного в совершении преступления лица среди нескольких подозреваемых;

5) тяжесть преступления и «следующего за него наказания» [5, с. 92–93].

Обвиняемые, содержащиеся под стражей, за исключением малолетних, дворян и лиц, в отношении которых было запрещено применять телесные наказания, могли заковываться в кандалы (прим к ст. 134 Книги 2 тома XV Свода законов). Кроме того, для недопущения побега из-под стражи указанной категории лиц раз в месяц брилась половина головы. Помимо малолетних бритье головы не допускалось также в отношении женщин [3, с. 90].

Закон предусматривал возможность содержания в тюрьме подозреваемых лиц и до их допроса в качестве обвиняемых. При этом в целях защиты прав заключенного следователь был обязан в течение трех дней объявить ему, «за что он содержится в тюрьме», или допросить в качестве

обвиняемого. Если по истечении указанного срока следователь не произвел допрос и не пояснил основания для содержания в тюрьме, задержанное лицо имело право обратиться с жалобой в совестный суд, который при наличии соответствующих оснований мог ее удовлетворить, освободив задержанного с передачей его на поруки (ст. ст. 192–194 Книги 2 тома XV Свода законов).

Домашний арест и полицейский надзор применялись к обвиняемым «в преступлениях менее важных, за которые они подлежали заключению в крепости, смирительном доме или тюрьме» (ст. 135 Книги 2 тома XV Свода законов). Также осуществление полицейского надзора полагалось в отношении обвиняемых, заявлявших на очной ставке о своей непричастности к совершению преступления и ходатайствовавших о проведении в отношении них повального обыска (ст. 136 Книги 2 тома XV Свода законов).

Лицо, обвиняемое в совершении менее общественно опасных преступлений, чем те, о которых речь шла выше, могло быть отдано на поруки. При этом обвиняемый представлял «надежное поручительство в том», что он не будет скрываться и по вызову явится в суд. Следователю при отдаче обвиняемого на поруки было необходимо убедиться, что поручитель «имел хорошие и безукоризненные нравственные достоинства и постоянную оседлость», а также разъяснить поручителю предусмотренную законом ответственность за сокрытие обвиняемого от следствия [6, с. 107]. В качестве поручителей могли выступать и должностные лица, например управляющие удельными конторами по отношению к удельным крестьянам (ст. ст. 137, 138 Книги 2 тома XV Свода законов). На практике у лиц, взявших кого-либо на поруки, бралась соответствующая подписка, в тексте которой поручитель обязывался следить за надлежащим поведением обвиняемого и обеспечивать его явку к следователю и в суд [6, с. 92, 235].

Таким образом, в завершение рассмотрения обозначенной темы необходимо отметить, что для первой половины XIX в. процессуальная регламентация оснований и порядка применения мер пресечения была весьма подробной и при неукоснительном соблюдении указанных правил правоприменителями позволяла бы на надлежащем уровне обеспечить защиту законных интересов лиц, в отношении которых применялись меры принуждения.

Список источников

1. Кодан С. В. М. М. Сперанский и создание Свода законов Российской империи // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2010. № 4.

2. Колоколов Е. Правила и формы для производства следствий, составленные Коллежским Советником Е. Колоколовым по Своду законов издания 1857 года. М., 1859.

3. Стояновский Н. Практическое руководство к русскому уголовному судопроизводству. СПб., 1852.

4. Квачевский А. А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года : в 3 ч. СПб., 1870. Ч. III. Вып. 2.

5. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства, с применением к российскому уголовному судопроизводству. СПб., 1841.

6. Оболенский И. И. Практическое руководство к производству уголовных следствий, составленное по Своду законов : в 2 ч. Ч. 1 : Предварительное следствие или, другими словами, знание. М., 1855.

РАЗДЕЛ IV. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

И. А. Бондаренко

Проблемы правообразования в сфере гуманизации деятельности пенитенциарных учреждений Российской империи

Тенденция вхождения церкви в пенитенциарное пространство Российской империи прослеживается с 1819 г. и практически совпадает по времени с созданием в Санкт-Петербурге Попечительного о тюрьмах общества. Необходимость привлечения клириков к исправлению и регистрации актов гражданского состояния среди осужденных законодатель понимал и раньше. В этом отношении интересен рапорт генерал-прокурора Сената князя А. А. Вяземского о состоянии тюрем 1767 г., в котором ставится вопрос о том, что арестанты перед смертью остаются без исповеди и причастия. Особое внимание в рапорте уделено вопросу оплаты работы духовенства [1, с. 5].

К решению этого вопроса в России смогли вернуться в начале XIX в., когда один из членов Английского тюремного общества Вальтер Венинг составил письмо в адрес руководителей заинтересованных министерств и ведомств России, в котором изложил общие замечания к содержанию тюрем. Данный документ впоследствии послужил основой при создании Попечительного о тюрьмах общества, основным нормативно-правовым базисом стали Правила для Попечительного о тюрьмах общества, утвержденные в 1819 г. императором Александром I [2, с. 5].

Так, в п. 11 указанных Правил была закреплена необходимость обеспечения осужденных к лишению свободы «книгами духовного содержания», регламентирован порядок взаимодействия священников со спецконтингентом. Кроме того, впервые в России официально на законодательном уровне закреплена обязанность учреждений пенитенциарной системы изыскивать возможность для обустройства на своей территории (либо в одном из близлежащих помещений) церкви [3, с. 18].

Таким образом, правительство и общество обратили внимание на духовную (морально-психологическую) сторону содержания под стражей [4, с. 4]. Исторический опыт функционирования церковью при учреждениях, исполняющих наказания в виде лишения свободы и до 1895 г. входивших в состав МВД России, повсеместно используется в современном государстве, позволяя пенитенциарным учреждениям сочетать в себе административную и религиозно-нравственную составляющие исправления осужденных. Этот историко-правовой опыт требует проведения тщательного научно-теоретического исследования.

Список источников

1. Фридман Е. Ф. Материалы к изучению тюремного вопроса : дис. на степ. д-ра мед. Ев. Фед. Фридмана. СПб., 1894.
2. Воронин О. В. Становление пенитенциарного надзора в России: исторические аспекты : монография. Томск, 2010.
3. Скоморох О. А. История тюремного служения христианской церкви в связи с пенитенциарными реформами XVIII–XIX вв. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 1.
4. Небратенко Г. Г. Преступление и наказание в обычном праве донских казаков. Ростов н/Д, 2015.

В. В. Вставский

Принципы правотворчества в учении Н. М. Коркунова

Появление понятия «юридический принцип» в отечественной правовой мысли связано со становлением науки общей теории права, которая утвердилась в стенах российских университетов с 80-х гг. XIX в. Содержание данной категории исследовалось всеми правовыми школами, существовавшими на тот период. Однако наибольшее внимание ей уделяли сторонники социологической теории, которая основывалась на признании общества как определяющего фактора существования и развития права и государства.

Переходя к вопросу о принципах такого процесса, как правотворчество, стоит отметить, что в настоящее время эта тема не имеет достаточной освещенности в учебной и научной литературе. Ускоренные темпы развития общественной жизни в наши дни вынуждают законодателя постоянно совершенствовать правовую базу в соответствии с новыми потребностями общества. А это означает, что необходимо довести до идеала основополагающие начала процесса правотворчества, которыми важно

руководствоваться при принятии нового законодательного акта. В этом плане представляет интерес социологическая теория права в России конца XIX–начала XX вв., в частности, учение Н. М. Коркунова. Автор не приводит целостную систему принципов правотворчества, но позволяет определить их сущность.

Рассуждая о процессе образования права, Н. М. Коркунов сравнивает его с игрой, определяемой как борьбу по определенным положениям, которыми нельзя пренебрегать. Такие правила он именует принципами, которыми необходимо руководствоваться при разработке нового закона.

На начальном этапе правотворчества, по мнению Н. М. Коркунова, важно определить, нуждается ли та или иная сфера общественных отношений в правовом регулировании. Для разрешения такого вопроса главным инструментом выступает принцип «как мерило, как критерий разграничения правового от неправового», поскольку важно, чтобы закон был действительно нужным. Так, на страницах работ автора появляется идея о таком принципе правотворчества, как относительность (необходимость).

Следующий важный принцип правотворчества в учении Н. М. Коркунова — это своевременность. По мнению мыслителя, появление закона должно гармонично вписываться в условия места и времени. Более того, говоря о значении своевременности, стоит отметить, что она не только характеризует соразмерность интенсивности правотворческого процесса временным границам, но и позволяет минимизировать риск принятия некачественных нормативных актов.

Принцип демократизма в правотворчестве у Н. М. Коркунова интерпретируется не просто как ориентированность на общественные интересы и возможность участия граждан в принятии закона, но и как «представление самой личности о должном порядке общественных отношений». В правотворческой деятельности важно учитывать мнение не только общества в целом, но и отдельно взятой личности.

Таким образом, под принципами правотворчества Н. М. Коркунов понимает определенные правила, которым нужно следовать в процессе принятия закона. Такие принципы правотворчества, как относительность, своевременность и демократизм, на наш взгляд, не потеряли своей актуальности в настоящее время.

В. Н. Гильденберг

**История регионального правообразования:
крестьянские начальники как орган
судебно-административного управления Сибири
и Степного края (1898–1917 гг.)**

Институт крестьянских начальников функционировал в последнее двадцатилетие существования Российской империи как в основной форме, так и в виде двух производных институтов: инородческих и пограничных начальников. Крестьянские начальники представляют субинститут земских начальников, введенных в 1889 г. в качестве судебно-административной альтернативы в систему мировых судов в 37, позднее в 43 центральных губерниях.

Распространенным заблуждением является то, что земские начальники, подчиненные МВД, полностью заменили собой мировых судей. Система «мировой судья (1 инстанция) — съезд мировых судей (2 инстанция) — кассационный департамент Сената (кассация)» продолжала функционировать в крупных городах. Кроме того, не были упразднены почетные мировые судьи, которые вошли в состав 2 инстанции новых судебно-административных учреждений.

Подсудность же мировых судов была разделена между системами МВД и Министерства юстиции. В ведении МВД действовали земские начальники и городские судьи (1 инстанция) — уездные съезды (2 инстанция) — губернские присутствия (кассация) либо соединенное присутствие первого и кассационного департаментов Сената. Другая часть подсудности мировых судей оставалась в ведении МЮ: уездные члены окружного суда (1 инстанция) — окружные суды (2 инстанция) — кассационный департамент Сената (кассация).

В Сибири и Степном крае судебные уставы 1864 г. были введены в действие только в самом конце XIX в. и в видоизмененной форме. В ведении МВД действовали крестьянские начальники (1 инстанция) — уездные съезды крестьянских начальников (2 инстанция) — 3 варианта кассационной инстанции (кассация). Другая часть подсудности мировых судей оставалась в ведении Министерства юстиции: мировые судьи (1 инстанция) — окружные суды (2 инстанция) — судебные палаты (кассация).

К кассационным инстанциям по обжалованию решений крестьянских начальников относились губернские управления (Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии), областные — по крестьянским делам присутствия (Забайкальская, Амурская и Приморская области),

действовали также областные правления (Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская и Уральская области).

Таким образом, крестьянские начальники Сибири и Степного края осуществляли судебные полномочия одновременно с единоличными мировыми судьями.

Э. М. Малева

Опыт университетской реформы 1863 г. в системе антикоррупционного правообразования Российской империи

Коррупция многолика, а потому не все ее разновидности одинаково опасны для общества и государства. Одним из наиболее опасных видов является системная коррупция. Поражая государственные структуры, она подрывает доверие к ним как отдельных граждан, так и всего населения [1, с. 33]. В законодательстве России коррупция определяется как многообразные формы взяточничества (простая форма) и иные действия вопреки законным интересам общества и государства (сложная форма). Проблема в том, что интересы общества и правотворцев, действующих от имени государства, могут быть различны (неправовой закон или нормативный акт).

В. В. Путин, находясь в должности Президента и премьер-министра РФ, многократно указывал на опасные диспропорции в системе оплаты труда работников образования и науки, когда труд ректора оплачивается в разы, а иногда в десятки и сотни раз, выше оплаты труда профессора. В условиях глобального внедрения нового технологического уклада (NBIC-конвергенция) резко повышаются требования к качеству образования.

В российской истории успешным опытом «реформ сверху» являются преобразования Александра II. Игнорировать уникальный собственный исторический опыт (а реформы образования и судебная реформа стали успешны прежде всего за счет формирования антикоррупционных институтов) недопустимо.

В Российской империи старались не только бороться с коррупцией, но и предотвращать ее в сфере образования. Декан и ректор не переходили на некую «руководящую работу», как были, так и оставались профессорами по должности и окладу, не отрывались от научной среды.

За дополнительные обязанности полагались «прибавочные» выплаты: декану — 20% денежного содержания, ректору — 50%. В качестве морального стимула должность ректора давала повышение до чина 4 класса с предоставлением прав потомственного дворянства.

Проблема не только в необоснованном обогащении одних и несообразном обнищании других профессиональных групп. В масштабах государства суммы достаточно небольшие, но ущерб обществу, лишившемуся целых поколений талантливых ученых, представляется колоссальным. Неопределенность закона позволяет чиновникам просто игнорировать интересы общества [2].

Список источников

1. Подольный Н. А., Подольная Н. Н. Системная коррупция — системная угроза взаимодействию между обществом и государством // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3.

2. Сапунков А. А. Столкновение интересов в правотворческой деятельности пореформенных судов Российской империи во второй половине XIX–начале XX вв. // Интересы в праве. Жидковские чтения : мат-лы всерос. науч. конф. Российский университет дружбы народов / отв. ред. М. В. Немытина. М., 2017.

А. А. Никитчик

Принцип законности в учении о праве Г. Ф. Шершеневича

Осмысление принципа законности Г. Ф. Шершеневичем связано с разработкой программы политико-правовых преобразований в Российском государстве, где на закон мыслителем возлагались задачи по преодолению кризиса самодержавия и стабилизации социально-экономической сферы.

Под принципами права автор понимает нормы, санкционируемые государством в целях закрепления важнейших ценностно-правовых ориентиров, в числе которых — неукоснительное соблюдение установленных юридических правил. Данное требование Г. Ф. Шершеневич обращает к государству: «Для воспитания законности необходим пример сверху — сама власть должна считать для себя смертным грехом нарушать законы, ею же созданные». В этих условиях, по мнению мыслителя, в гражданах воспитывается «чувство законности», которое воздерживает их от нарушения действующего законодательства. Кроме того, закон должен обеспе-

чиваться государственным принуждением, которое, согласно взглядам Г. Ф. Шершеневича, гарантирует защиту прав и свобод личности. Он пишет: «Государство и право построены на принуждении, которое многим кажется несимпатичным... но они необходимы для защиты интересов всех членов общества».

Принудительная сила закона определяет признак неотвратимости юридической ответственности, которая, как указывает Г. Ф. Шершеневич, должна строго соответствовать правонарушению. При этом мыслитель обращает внимание на точность законодательных формулировок, исключаящую возможность «приспособления норм права к конкретным случаям их применения». В соблюдении данного требования ученый усматривает гарантию равенства всех перед законом.

Г. Ф. Шершеневич также отмечает, что действие принципа законности предполагает принятие только целесообразных и применимых законов. В первом случае речь идет о соответствии принимаемых нормативных актов главной цели права и государства — обеспечению безопасности и благосостояния граждан. Во втором случае он предостерегает законодателя от регламентации общественных отношений, которые выходят за рамки правового регулирования и не поддаются упорядочению с помощью правовых средств. «Недостаточно доказать, что то или другое содержание требуется нравственным сознанием или соответствует общественному идеалу. Нужно еще доказать, что это содержание можно и должно осуществить путем права», — заключает мыслитель.

Таким образом, принцип законности трактуется Г. Ф. Шершеневичем как неукоснительное соблюдение всеми субъектами права юридических норм, охраняемых силой государственного принуждения. Взгляды автора оказали воздействие на правообразовательный процесс Российского государства, в ходе которого принцип законности стал одним из императивов в деятельности граждан и субъектов верховной власти.

Р. О. Рой

Начальный этап становления генеральных планов городов в Российской империи

Современная юридическая доктрина и судебная практика относят генеральные планы городов к разновидности нормативных правовых актов, рассматривая их в общем массиве градостроительной документации.

Такой подход к пониманию юридической природы генеральных планов городов имеет давнюю историческую и правовую традицию, которая восходит к началу XVIII в.

Первый единообразный градостроительный проект (и одновременно первый стратегический план) был разработан в Санкт-Петербурге в 1716 г. французским архитектором Жан-Батистом Леблонем. «После визита в 1715 году во Францию, во время которого Петр I останавливался в Трианоне, он пожелал свою парадную резиденцию, „которая первейшим монархам приличествует“, строить „наподобие Версалии“» [1, с. 104]. Планирование Санкт-Петербурга как военно-стратегического, торгово-экономического, административного и культурного центра Российского государства оказало большое влияние на формирование государственной градостроительной политики, указало на необходимость и важность перехода к регулярной организации городской территории.

В начале XVIII в. большинство градостроительных норм имело локальную ограниченность и распространялось только на столицу. По форме акты, в которых содержались градостроительные нормы, не отличались от иных актов, принимаемых в период абсолютизма. Наиболее распространенной формой являлся именной указ. Типичны и приемы изложения нормативного материала в самом тексте. Предписания в отношении городского планирования и строительства, как и большинство актов этого времени, отличаются просветительским, нравоучительным содержанием. В них отражается идея о неустанной заботе монарха об общем благе. По замыслу законодателя, города должны быть правильно построены, а жители — неукоснительно выполнять установленные правила. Предусматривалась ответственность за их нарушение.

Градостроительные акты характеризовались невысоким уровнем юридической техники. Они имели нечеткую структуру, часто дословно повторяли ранее принятые указы. Включенные в них нормы «не всегда содержали полные гипотезу (не указывается ограничения, к кому обращен документ) и санкции (характерны общие формулировки). По своему характеру правовые нормы носили, как правило, обязывающий и запрещающий характер» [2, с. 409].

В начале XVIII в. происходило накопление градостроительной документации и утвердилось понимание ценности генерального плана города как основного документа, определяющего его состояние и развитие.

Список источников

1. *Карапетян Э. С.* Феномен властителей-демиургов в культуре Нового времени // Вестник МГУКИ. 2013. № 2(52).

2. Пирожкова И. Г. Система источников нормативно-правового регулирования градостроительства в Российской империи // Вестник Тамбовского государственного университета. 2009. Вып. 11.

Н. А. Сапунков

Правообразование в сфере феодальных поземельных отношений в России XV – начала XX вв.

В российской истории XX в. произошли две геополитические катастрофы — распад Российской империи (1917 г.) и распад СССР (1991 г.). В обоих случаях одним из ключевых факторов стала позиция местных национальных элит и сепаратизм Польши, Прибалтики, Украины, Закарпатья.

На данных территориях система феодальных поземельных отношений кардинальным образом отличалась от характерной для центральных губерний поместно-вотчинной системы. Территории, входя в состав государства, сохраняли иную систему частного права (Литовский статут во взаимосвязи с Магдебургским правом, Орденские статуты с элементами рыцарского, коммунального и прочего права, Законы царя Давида и Судебник Мхитара Гоша, Шестикнижие Арменопула, исламское право мюлька).

Предпринимавшиеся с середины XIX в. попытки унификации законодательства успеха не имели: бывшее кодифицированное право переходило в форму правового обычая, но продолжало оставаться основой фактических правоотношений. Право: чиншевое (в Бессарабии — царанское), эмфитевриальное, хизанское, мюлькадарское, агаларское, бекское — являлись основой для феодальных отношений, отличных от привычных для российского дворянства.

При всем разнообразии все перечисленные формы носят льготно-милитарный характер. Для возобновления хозяйственной деятельности на территориях переселенцам предлагают владение землей (преимущественно вечно-наследственная аренда), обремененное обязанностью военной службы в интересах владельца земли (государства, магната, бека и пр.). В результате формируется многочисленное бедное и слабо связанное с земельным наделом военно-феодальное сословие (например, чиншевая шляхта в Речи Посполитой). В России и Европе аренда земли не приобретала форм «благородного держания», и связь дворянства с землей была гораздо более прочной. В результате идеалы служения и вер-

ности долгу, характерные для русского дворянства, оказались абсолютно чуждыми для «благородного сословия» окраин, транслировавших этику авантюрного удальства и собственной национальной исключительности.

И. А. Усенков

Влияние национального «мягкого права» на стабильность законодательства *

В настоящее время все большее значение для правового регулирования приобретают официальные документы, которые не имеют силы и статуса нормативных правовых актов. Число и роль подобных актов не позволяют оставить их незамеченными, а существенные признаки наталкивают на мысли о принадлежности их к той же группе правовых явлений, что и давно исследованный феномен международного мягкого права.

Под «мягким правом» обычно подразумевают разного рода правила, которые соответствуют следующим критериям:

- не обладают свойством общеобязательной нормативности;
- обеспечены: а) применением социальных, политических и других неправовых санкций или б) наличием косвенных правовых последствий [1, с. 169].

Такие правила имеют второстепенное значение в национальном праве, скрадывая лакуны традиционного правового регулирования, выполняя функцию апробирования той или иной нормы либо занимая области, в которых по тем или иным причинам применение собственно права затруднено или невозможно. Изложенное обуславливает влияние «мягкого права» на законодательство государства, в том числе его стабильность. Вопрос заключается лишь в векторах и масштабах такого влияния.

В настоящее время чаще всего заявляется существование в отечественном праве следующих актов «мягкого права»: официальных разъяснений, рекомендательных документов и актов планирования [2, с. 269].

Все они имеют значительный стабилизирующий эффект. Официальные разъяснения создают гарантированно поощряемые государством правила поведения, исключая необходимость принятия собственно правовых норм. Акты рекомендательного характера позволяют законодательству оставаться компактным, тем самым предотвращая поиск баланса

* Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00484>.

в чрезмерно подробном регулировании и его дестабилизацию. Более того, регулирование сфер общественной жизни, где это допустимо, с помощью актов-рекомендаций означает возможность проводить реформы не в момент, когда норма становится вредной хотя бы для одного субъекта, как в случае с традиционным правом, но тогда, когда законоположение перестает быть эффективным для большинства субъектов, тем самым означая стабильность самих по себе актов «мягкого права». Документы планирования позволяют упорядочить изменения в законодательство, сделать их более последовательными и тем самым избежать дальнейших изменений, происходящих из низкого качества нормативного материала.

Таким образом, национальное «мягкое право» имеет значительный потенциал для стабилизации законодательства.

Список источников

1. *Parella K. Hard and Soft Law Preferences in Business and Human Rights // AJIL Unbound, 2020. № 114.*
2. *Демин А. В. Принцип определенности налогообложения. М., 2015.*

Е. А. Форукина

О некоторых аспектах современного этапа развития российского наследственного права

Современный период развития отечественного наследственного права начался с 90-х гг. прошлого века. Данный этап ознаменован окончанием периода перестройки, попытками перехода к рыночной экономике, распадом Советского Союза. Требовалось нормативное закрепление правомочия гражданина на распоряжение своим имуществом на случай смерти.

В соответствии с п. 1 ст. 34 Конституции РФ каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. С появлением «активных граждан», которые стали создавать юридические лица, заниматься предпринимательством, произошло значительное усложнение состава наследственной массы, в которую стали входить имущественные комплексы, корпоративные права, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги. Это подтолкнуло законодателя на создание новых институтов наследственного права.

Как следствие, 26 мая 2015 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую,

вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предусматривающий создание частных фондов, наследственных договоров и совместных завещаний [1]. С помощью данных инструментов наследственного права можно заранее определить судьбу наследства и тем самым уменьшить вероятность конфликтов между наследниками. Более того, у наследодателей появилась возможность не только сохранить, но и преумножить активы после своей смерти, а также обеспечить финансовую поддержку определенным лицам. Также благодаря реформированию наследственных институтов разрешается проблема «лежачего наследства». Как отмечает П. В. Крашенинников, «введение таких институтов в российскийское право также является своего рода антиофшорной мерой» [2].

Важно отметить, что реформирование наследственного инструментария не состоялось бы без активного участия представителей современной науки гражданского права. На сегодняшний день юридическое сообщество не только изучает исторический аспект наследственного права, проводит сравнительно правовой анализ законодательства Российской Федерации и зарубежных стран, но и разрабатывает новые механизмы по регулированию наследственных отношений.

Список источников

1. *Законопроект* от 26 мая 2015 г. «О внесении изменений в Части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации (в части совершенствования наследственного права)» № 801269-6. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/801269-6> (дата обращения: 05.09.2021).

2. *Пресс-релиз* Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству. URL: http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/16547485/ (дата обращения: 05.09.2021).

РАЗДЕЛ V.

ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Е. А. Антонов, А. Е. Таранова

Постклассические философско-методологические основания юридической науки

Состояние современной методологии юридической науки характеризуется пересечением классической, неклассической, постнеклассической парадигм. Это обусловлено тем, что смена типов научной рациональности в социально-гуманитарных науках не совпадает с этапностью данного процесса в естественных науках, так как социально-гуманитарные науки дифференцировались позже. Их становление (вступление в классический для них период) совпадало с этапом перехода естественных наук к неклассическому этапу. В свете этого переход от классики к постклассике в юридической науке характеризуется «вкраплением» в ткань ее постклассических философско-методологических оснований элементов классического идеала научности. Например, при сохранении позитивистских методологических установок в отраслевых юридических науках, в науках, составляющих структуру метауровня юридической науки, методологические векторы сместились на междисциплинарно-интегративные.

Дискурс о предметности, методологии юридической науки, ее социальных функциях конструируется в контексте определенного типа научной рациональности. В исторической динамике ее типов с периода Нового времени выделяют классический, неклассический, постнеклассический, каждому из которых соответствуют определенные достижения теоретической правовой мысли (школа естественного права, правовой позитивизм, либерально-правовая парадигма, антропология права).

До рубежа XVIII, XIX вв. речь идет о юриспруденции как о синкретичном образовании, а не о юридической науке как о самостоятельной системе. Это обусловлено тем, что история становления юридической науки в Новое время (до обозначенного ранее рубежа XVIII в. и XIX в.) была тесно

связана с философией, которая занимала ведущие позиции. В данной взаимосвязи основания для рационализации и спецификации юридического научного познания складывались на базе классической философии права (школы естественного права). При этом «за исключением немецкой философской традиции XVIII–XIX вв. западная философия не считала область права заслуживавшей отдельного внимания» [1, с. 22–23]. В свете этого долгое время проблемы юриспруденции (права), философии, религии составляли синкретичное образование: «Замкнувшись в круге практических задач, юриспруденция не находила в себе достаточно сил, чтобы выйти на новую дорогу... Представители юриспруденции не были в силах разобраться в сложном материале римского права... Затруднение еще увеличивалось тем, что наряду с римским правом приходилось иногда соотносываться с каноническим. Понятно, почему в течение XVII и XVIII столетий не прекращаются жалобы на неопределенность права, на отсутствие правильной юстиции и произвол судей» [2, с. 28]. Лейбниц, анализируя проблемы теории права в современный ему период, указывал на то, что отсутствие векторов для ее становления и развития как строгой логико-рациональной системы толкает юристов-практиков, теоретиков права и государства к погружению в естественно-правовую проблематику.

Для становления юридической науки необходим был выход из синкретичного состояния. Основания для этого сложились в конце XVIII в. в Геттингене (на базе Геттингенского университета формировалась немецкая историческая школа права). Новое юридическое мировоззрение «выступило против господства среди юристов практических стремлений, но и против приемов философской школы (взяв за философско-методологическую основу положения Г. В. Лейбница и Ш. Л. Монтескье. — А. Т., Е. А.)» [2, с. 28].

Вместе с тем решающее значение для институционализации юридической науки как самостоятельной области научного познания во второй половине XIX в. имели позитивизм и марксизм, определившие векторы ее развития и при переходе в XX в. В частности, «установки юридического позитивизма усиливались и специфицировались от классического юридического позитивизма к неопозитивизму, сохраняя и развивая нормативистско-догматические основания и средства познания государственно-правовой реальности» [3, с. 1464].

В первые десятилетия XX в. позитивистская исследовательская программа оказалась под воздействием иррационализма как философского основания неклассического типа научной рациональности. В «новой» гносеологической реальности центральной проблемой исследования

социально-гуманитарных наук стала «жизнь», понимаемая через характеристики культурно-антропологического порядка, находившиеся в условиях классического рационализма за пределами познавательных возможностей субъекта познания. Интенсивное исследование категорий «жизнь», «культура», «общество», в частности, государственно-правовой составляющей как их части, в XX в. постепенно получило антропологическое измерение благодаря развитию методологии антисциентичных направлений философии и концепций философии социально-гуманитарных наук.

Антипозитивистские направления, определившие культурно-центричную исследовательскую программу для социально-гуманитарных наук, с первых десятилетий вытесняли позитивизм с позиций доминирующих методологических концепций социально-гуманитарного познания, замещая высвободившиеся лакуны неокантианской, герменевтической, феноменологической, диалектической, постмодернистской. Фактически юридическая наука представляла явление, долгое время сохранившее в XX в. позитивистские основания, как оправлявшие ее предмет и методологические константы. Переход от узкодисциплинарного подхода к антропологизированному их пониманию в последней трети XX в. был обусловлен тем, что феномены государства, права обрели статус объектов междисциплинарных и философских исследований, трансформировав мировоззренческо-аксиологические и методологические основания метауровня юридической науки. Сегодня догматичность и ориентация на нормативизм, сохраняющиеся в юридических теориях среднего уровня (отраслевых юридических науках), стали основанием сложности методологических ответов на вызовы постмодернизма.

Воплощение в юридической науке принципа *субъективированного объекта* познания (человек как творец государственно-правовой реальности) обуславливает постижение ее предмета через проникновение во внутренний мир субъектов правовых отношений, включенных в социокультурный контекст. Любое взаимодействие, произведение (тексты), имеющие правовой характер, рассматриваются как вербальная система, дискурс и неотделимы от нарративов и кейсов. Нарративы и кейсы демонстрируют предметное воплощение и трансформации правовых норм и ценностей в индивидуальных и социальных практиках, из них конструируется социально-правовая реальность, следуя от «жизни» к теоретическому идеалу. Юридическая наука на каждом культурно-историческом этапе развития обусловлена модусами бытия социального, ее материя формируется через миф, религию, искусство, обыденное сознание, фило-

софию, науку как гносеологические феномены. Их признание в рамках неклассической эпистемологии стало основанием для развития в рамках методологии юридической науки многообразных парадигм, разрабатывающих свои методы познания. Так, юридическая герменевтика определяет в качестве метода интерпретацию и понимание правовых источников и текстов; неокантианство (аксиология) — метод «отнесения к ценности»; юридическая феноменология базируется на методе феноменологической редукции; юридический прагматизм — на методе реконструкции опыта; постмодернизм выдвигает методологию деконструкции правовой реальности и правовых источников.

В условиях постнеклассической парадигмы наиболее мощным источником вызовов, угроз, рисков для целостности методологии юридической науки становится постмодернизм, одним из утверждений которого является следующее: правовая реальность такова, каково представление о ней различных по образу жизни и ценностным константам социальных групп и каков язык рассуждения о ней. Утверждается, что под внешней целостностью правовой материи (складывающейся из теории, позитивной практики, правового сознания и правовой культуры) скрывается противоречивый набор фрагментов. Поиск универсальных начал рассматривается как искусственный, помещая правовую норму в ряд социокультурных явлений диалогического и конвенционального свойства, усиливая ее дискретность. Плуралистичность методологических концепций юридической науки отвечает задачам познания правовой реальности через многообразие ее фрагментов и их ментальности. Вместе с тем конструктивная исследовательская программа должна формировать условия для реконструкции новой, учитывающей разнообразие фрагментов, целостности (унифицированная целостность (в классике) — ее деконструкция в постклассике — новая интегративная реконструкция в постнеклассике).

Междисциплинарно-интегративное осмысление соединяет многообразные векторы функционирования права и государства, основываясь на антропологической методологии как интегративно-синтетической, преобразующей методологическую полипарадигмальность как основу деконструкции в метапарадигмальность, обеспечивающую реконструкцию деконструированной целостности на основе междисциплинарно-интегративных методологических феноменов.

Список источников

1. Чукин С. Г., Сальников В. П., Балахонский В. В. *Философия права* : учебник / под общ. ред. В. П. Сальникова, Г. Н. Хона. М., 2002.
2. *Немецкая историческая школа права*. Челябинск, 2010.

3. *Таранова А. Е.* Теоретические векторы познания государства: от дисциплинарного к междисциплинарно-интегративному // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 7.

4. *История и методология юридической науки : учебник для вузов / И. Ю. Алексеева [и др.] ; под ред. Ю. А. Денисова, И. Л. Честнова.* СПб., 2014.

5. *Никишенков А. А.* История британской социальной антропологии. М.; СПб., 2015.

А. М. Баранов

Исторический аспект в научно-педагогическом исследовании (на примере подготовки сотрудников, привлекаемых к проведению контртеррористических и иных специальных мероприятий)

Владение тактическими приемами и способами действий при выполнении оперативно-служебных задач, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, сотрудниками органов внутренних дел, привлекаемыми к проведению контртеррористических операций и иных специальных мероприятий, является результатом их профессионального обучения.

В педагогической науке навык как понятие является одним из элементов, характеризующих результат образования, обучения, подготовки; форма движения или действия, приобретенная в процессе тренировки по механизму временных связей [1, с. 64].

Полагаем, учебный программный материал подготовки сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых к проведению контртеррористических операций и иных специальных мероприятий, не располагает организационно-педагогическими условиями для качественной подготовки указанных специалистов на основе двигательных тестов (нормативов), актуальных для категории обучающихся, что свидетельствует о несовершенстве системы профессионального обучения.

Именно физическая и огневая подготовленность данной категории обучающихся представлена в соответствующих нормативных правовых актах МВД России в виде нормативов по общей физической подготовке, боевых приемов борьбы и упражнений стрельб, которые выполняются в определенном порядке и последовательности, в ограниченное время или без такового, по командам и сигналам как обучающего, так и обучаемых.

В то же время образовательный процесс Российской армии в области тактики, технического обеспечения и эксплуатации бронетанковой и автомобильной техники и вооружения в полном объеме реализуется путем применения соответствующих нормативов, предусмотренных ведомственными источниками: сборниками нормативов, боевыми уставами, инструкциями и наставлениями [2].

Описываемые в мемуарах непосредственных участников событий, связанных с оперативно-боевым применением подразделений органов внутренних дел, указывают на то, что решаемые сотрудниками подразделений ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД оперативно-боевые задачи связаны с необходимостью владения совокупностью навыков индивидуальных тактических двигательных действий, обеспечивающих личную безопасность.

Двигательное действие — это целенаправленный двигательный акт, сознательно осуществляемый в целях решения какой-либо двигательной задачи. Двигательное действие состоит из движений и поз [3, с. 32].

В целях систематизации сведений о двигательных действиях и их актуализации нами была проведена периодизация источников по заявленной теме. Произведен анализ содержания 38 источников, описывающих более 100 эпизодов оперативно-боевого применения подразделений органов внутренних дел, в которых фигурируют сведения о тактических двигательных действиях сотрудников органов внутренних дел. Уровень навыка выполнения таких действий так или иначе повлиял на обеспечение личной или коллективной безопасности в экстремальной ситуации, в том числе в процессе физического принуждения правонарушителей. Полученная информация излагается в следующей периодизации.

I период. Функционирование органов правопорядка по обеспечению военной и общественной безопасности на территории отдельных регионов Советского государства в 1920-х гг.

II период. Практический опыт проведения войсковых операций по ликвидации диверсантов на территории Белоруссии и радикальных формирований ОУН-УПА на территории Украины в 1944–1946 гг.

III период. Участие советских правоохранительных органов в силовых акциях по освобождению заложников, несению службы на контрольно-пропускных постах, задержанию вооруженных (особо опасных) преступников за рубежом.

IV период. Проведение мероприятий по разоружению и ликвидации вооруженных формирований на территории Чеченской Республики, что

в последующем в исторической и публицистической литературе фигурировало как первая и вторая чеченские кампании, а также контртеррористические операции и иные специальные мероприятия, проводимые в России до 2007 г.

По первому периоду наиболее детально систематизирован материал в публикациях В. Л. Анисимова, К. К. Горяинова, С. А. Селиверстова, В. В. Шитько, А. Н. Хоменко [4], А. Ю. Шумилова и др. Исследования проводились по научным специальностям административного и уголовно-правового характера, однако сведения, фигурирующие в них, стали применимы в целях сбора эмпирических данных в рамках настоящего педагогического исследования.

Аналогичному анализу был подвергнут опыт борьбы с басмачеством в Средней Азии в 20-х гг. прошлого столетия. Все полученные качественные и количественные показатели в последующем были учтены при систематизации сведений.

При исследовании третьего периода изучение воспоминаний советников и специалистов МВД СССР, выполнявших интернациональный долг в Республике Афганистан [5], позволило установить описание как одиночных, так и групповых действий в составе специального подразделения «Кобальт». Авторы описывают 86 эпизодов и фактов чрезвычайного характера, по которым также проведен анализ и собран эмпирический материал количественного и качественного характера.

В четвертый период, связанный с «разоружением и ликвидацией вооруженных формирований на территории Чеченской Республики», перечень описываемых тактических двигательных действий получил еще более широкую номенклатуру. При изучении содержания изданий, подготовленных авторскими коллективами региональных органов внутренних дел, где опубликованы воспоминания и свидетельства, различные тактические двигательные действия упоминаются 265 раз, уровень навыка выполнения которых положительно или отрицательно повлиял на обеспечение личной безопасности в процессе физического принуждения правонарушителей.

Всего исследованием охвачено одиннадцать тактических двигательных действий, навыки выполнения которых оказались необходимы для обеспечения личной и коллективной безопасности в процессе выполнения трудовой функции «физическое принуждение правонарушителей», в том числе в условиях проведения контртеррористических и иных специальных мероприятий. По результатам обобщения числовых показателей по всем четырем периодам исследуемым двига-

тельным действиям автором произвольно был присвоен порядковый номер:

- № 1. Действия по сигналам взаимодействия.
- № 2. Экипировка средствами защиты и оружием.
- № 3. Посадка личного состава служебного наряда в автомобиль.
- № 4. Спешивание личного состава служебного наряда из автомобиля и боевое развертывание.
- № 5. Изготовка для стрельбы.
- № 6. Скрытное передвижение к объекту противника.
- № 7. Смена огневой позиции.
- № 8. Занятие окопа, траншеи, огневой позиции опорного пункта или иного места для ведения огня.
- № 9. Действия личного состава в пункте временной дислокации по сигналу о нападении.
- № 10. Уяснение задачи и составление карточки огня на оборону позиции.
- № 11. Досмотр задерживаемого лица и транспортного средства.

Согласно предложенной периодизации, выявленные количественные показатели были ранжированы с помощью программного пакета «MS Office Excel» (пакет анализа, инструмент анализа «Ранг и Персентиль») [1, с. 99]. Тем самым стало возможным обосновать актуальность или несовременность двигательных действий тактического характера, навыки, реализация которых влияет на процесс обеспечения личной и коллективной безопасности при выполнении трудовой функции «физическое принуждение правонарушителей» (таблица).

Таблица. Результаты первичной статистической обработки

Номер двигательного действия	Периодизация (I-IV) и ранжирование (по персентилю)											
	I			II			III			IV		
	S	Ранг	%	S	Ранг	%	S	Ранг	%	S	Ранг	%
№ 1	4	6	44,4	9	4	66,6	76	max		62	max	
№ 2	-	8	0,0	-	9	0,0	59	1	100,0	49	2	88,8
№ 3	5	4	55,5	6	5	44,4	11	8	22,2	31	5	55,5
№ 4	5	4	55,5	9	4	66,6	44	3	77,7	52	1	100,0
№ 5	12	1	100,0	30	1	100,0	51	2	88,8	37	4	66,6
№ 6	4	6	44,4	10	3	77,7	29	5	55,5	26	6	44,4
№ 7	8	2	88,8	11	2	88,8	14	7	33,3	44	3	77,7
№ 8	7	3	77,7	2	8	22,2	7	10	0,0	4	10	0,0
№ 9	-	8	0,0	-	9	0,0	38	4	66,6	11	9	11,1
№ 10	-	8	0,0	4	7	33,3	8	9	11,1	18	7	33,3
№ 11	2	5	55,5	6	5	44,4	26	6	44,4	16	8	22,2

Таким образом, применение историко-логического и математико-статистического методов анализа сведений позволяют делать вывод о том, что перечень двигательных действий, актуальных для сотрудников органов внутренних дел, привлекаемых к проведению контртеррористических операций и иных специальных мероприятий, имеют четко обоснованное содержание. Сотрудники органов внутренних дел, привлекаемые к проведению контртеррористических операций и иных специальных мероприятий, должны владеть следующими индивидуальными и коллективными двигательными действиями: «действия по сигналам взаимодействия»; «экипировка средствами защиты и оружием»; «спешивание личного состава служебного наряда из автомобиля и боевое развертывание»; «смена огневой позиции»; «скрытное передвижение к объекту противника»; «посадка личного состава служебного наряда в автомобиль»; «досмотр задерживаемого лица и транспортного средства»; «действия личного состава в пункте временной дислокации по сигналу о нападении».

Таким образом, разработка соответствующих упражнений (нормативов), порядка их выполнения и методики обучения командно-методическим навыкам позволит обеспечить дидактические условия тактико-специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел (на примере сотрудников, привлекаемых к проведению контртеррористических операций и иных специальных мероприятий).

Список источников

1. *Астафьев Н. В.* Нормирование способов действий сотрудников органов внутренних дел с применением средств физического принуждения: монография. Тюмень, 2020.
2. *Баранов А. М., Чичин С. В., Астафьев Н. В.* Программно-нормативное обеспечение оперативно-боевой подготовки сотрудников ОВД к несению службы в особых условиях // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2019. Т. 24. № 4(79).
3. *Курамышин Ю. Ф.* Теория и методика физической культуры. М., 2010.
4. *Хоменко А. Н.* Уголовно-правовые аспекты захвата и освобождения заложников : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008.
5. *Интернациональная миссия. Воспоминания советников МВД СССР об афганских событиях (1978–1992 гг.).* М., 1999.

П. В. Васильев

Предметно-методологическое значение научной юридической проблемы в категориальном аппарате юридической науки

Актуальность изучения научной юридической проблемы (далее — НЮП) как явления и отражающей его категории обусловлена кризисным состоянием самой юридической науки. Наиболее зримыми проявлениями данного кризиса считаем наличие юридических исследований, особенно диссертационного уровня, не содержащих методологически обоснованных и оригинальных решений реально существующих НЮП.

Критика подобных работ развернуто представлена в обзорных исследованиях многих авторов. Так, Н. А. Власенко, анализируя конкретные работы, в качестве отдельных проявлений антиинновационных тенденций в науке указывает: «Это наполнение системы знаний необоснованными и бездоказательными идеями и конструкциями, удвоение терминологии, необоснованная метафоричность, так называемая „философская вольность“ или попросту игнорирование принципов и требований научного познания, прямое или скрытое заимствование чужих идей и положений» [1, с. 49]. Оставляя за рамками публикации анализ возможных проявлений кризиса современной юридической науки, отметим основную идею — все они непосредственно или косвенно обусловлены тем, что исследователи государственно-правовой реальности упускают из фокуса своего внимания НЮП, увлекаясь изучением категорий в отрыве от обозначаемых ими явлений, чужих точек зрения или формально составляя тексты соответствующих разделов компонентов научной работы: «предмет исследования», «актуальность темы исследования», «новизна исследования», «цель исследования» и др.

В связи с этим отметим, что опасность для российской юридической науки состоит как в излишней метафоричности вводимой терминологии, существенно искажающей предмет исследования, так и в утрате научным категориальным аппаратом своего смысла и основополагающего значения. Последнее явление лингвисты называют языковой вариативностью [2, с. 143–177], которая в отдельных случаях не обоснована и может сопровождать бессмысленное использование категориального аппарата юридической науки.

Проводя научное исследование, автор часто упускает НЮП из фокуса внимания и начинает исследовать тему как словесную конструкцию, по формальной аналогии приводя суждения других исследователей для

подтверждения своих позиций. Упуская из внимания НЮП, ученые допускают необоснованное искажение смысла используемых терминов, создавая существенные трудности избыточности категориального аппарата юридической науки. Примеры подобного можно найти в обозначенной выше публикации Н. А. Власенко, а также у других авторов. Полагаем, что введения необоснованных терминов лучше избегать, постоянно удерживая НЮП в фокусе своего внимания.

НЮП представляет собой форму научного знания о явлениях юридической реальности, отражающую его недостаточность или избыточность для получения желаемой социальной пользы, включая избегание вреда. При этом отметим, что философское понимание научной проблемы как знания о незнании вполне приемлемо для формирования базового отражения сущности НЮП, а более развернутую дефиницию НЮП и описание ее базовых свойств мы ранее представили в специальном исследовании [3, с. 143–177].

Наблюдения и личный опыт позволяют считать, что НЮП имеет существенное предметно-методологическое значение для категориального аппарата юридической науки.

Отражая предмет изучения (предметное значение), НЮП заставляет автора использовать терминологию адекватно ей самой (методологическое значение) следующим образом.

НЮП обеспечивает терминологическую адекватность темы исследования реально существующему предмету. Согласимся с высказыванием М. ван Хука о том, что «правовое рассуждение практично и конкретно. Разработка общих правил и принципов, систем и теорий подчинена разрешению конкретных юридических проблем» [4, с. 171]. Понимание исследователем существа НЮП заставляет подбирать наиболее точную терминологию, как можно более однозначно ограничивающую предмет данного исследования от смежных явлений. Использование терминологии из других отраслей знания может быть обусловлено отсутствием адекватного термина в собственной терминологической парадигме или в общеупотребимой лексике. Напротив, волюнтаризм в виде необоснованного заимствования не обеспечивает научный прогресс.

НЮП позволяет терминологически адекватно конкретизировать предмет исследования. Обозначив предмет (юридические явления, их свойства, а также закономерности возникновения, существования, функционирования, изменения и исчезновения) в связи с недостаточностью или избыточностью научного знания, исследователь конкретизирует сущность НЮП. В противном случае понимание особенностей предмета

ускользает от внимания. Полагаем, что употребление термина «предмет научного юридического исследования» обоснованно только в том случае, если он обеспечен соответствующей НЮП.

НЮП защищает термин «актуальность темы исследования» от волюнтаризма языковой вариативности. В. М. Сырых по этому поводу утверждает: «Проблемы юридической науки признаются актуальными в научном плане, если их решение окажет положительное воздействие на развитие соответствующей отрасли правовой науки или правопведения в целом...» [5, с. 56]. Стремясь заменить НЮП беспроblemной темой, авторы подменяют смысл термина «актуальность темы исследования» описанием явлений, не имеющих свойств НЮП. Это может быть легко обнаружено, если проанализировать терминологию раздела «актуальность темы исследования» на способность отражать именно НЮП, а не какую-либо другую по существу, например политическую проблему или беспроblemные явления.

НЮП защищает от искажения термин «новизна исследования». В. И. Червонюк утверждает, что «любая научная проблема отличается от простого вопроса тем, что ответ на нее нельзя найти путем преобразования информации. Решение проблемы предполагает выход за пределы известного и поэтому не может быть найдено по каким-то заранее известным и готовым правилам и методам» [6, с. 454]. Закономерной считаем гносеологическую ситуацию, в которой наличие НЮП позволяет получить ранее отсутствующий вариант ее решения, а отсутствие таковой препятствует этому.

НЮП как причина исследования защищает от искажения термин «цель исследования». Цель как предполагаемый результат свойственна любой осмысленной деятельности. Несмотря на то что не все жанры научных работ предполагают обязательное обозначение собственной формулировки целей исследований, последние, если они действительно научные, не могут быть бесцельными. Так, относительно диссертационных исследований Е. Ю. Грачева поясняет, что «принципиально важным является четкое определение цели исследования и ее формулирование в работе и автореферате. Нередко, к сожалению, автор пишет: цель диссертационного исследования — исследовать... Необходимо сформулировать то новое знание, которое стремится получить соискатель в результате проведенного исследования» [7, с. 335]. Использование в качестве основы формулировки цели выражения «решение научной юридической проблемы» может стать удачным терминологическим подходом. Словарные значения и практика использования общеупотребительной лексики

позволяют использовать слово «решение» как указание итогового результата какой-либо деятельности. Таким образом, терминологическое отражение НЮП в формулировке цели научного исследования препятствует искажению понимания термина «цель научного исследования».

Подводя итог, отметим, что предметно-методологическое значение НЮП состоит в реализации ее способности заставлять автора адекватно ей отражать предмет исследования (предметное значение) и избегать волюнтаристских искажений смысла как минимум следующих терминов: «предмет исследования», «актуальность темы исследования», «новизна исследования», «цель исследования». Полагаем, что представленное предметно-методологическое значение НЮП для категориального аппарата юридической науки может быть углублено и расширено (выявлены связи НЮП с другими терминами) при проведении более обстоятельных исследований.

Список источников

1. *Власенко Н. А.* Антиинновационные тенденции в современной юридической науке // Юридическая техника. 2021. № 15 : мат-лы XXII Междунар. науч.-практ. форума «Юртехнетика» на тему: «Юридические инновации (доктрина, практика, техника)» (Н. Новгород, 23–26 сентября 2020 года) / гл. ред. В. М. Баранов. Н. Новгород, 2021.

2. *Новое в теории языка : монография / А. И. Фефилов [и др.] ; под ред. А. И. Фефилова.* Ульяновск, 2020.

3. *Баранов В. М., Васильев П. В.* Доктринальные методологические и методические рекомендации по составлению обоснования темы диссертационного юридического исследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4(48).

4. *Хук ван М.* Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб., 2012.

5. *Сырых В. М.* Подготовка диссертации по юридическим наукам: настольная книга соискателя. М., 2012.

6. *Червонюк В. И.* Методология подготовки научного исследования в юридической отрасли науки : учеб. пособие. М., 2017.

7. *Инструктивно-консультационный семинар «О качестве диссертационных работ и результативности деятельности диссертационных советов по юриспруденции» председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации по праву Е. Ю. Грачевой в Нижегородской академии МВД России // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 3(39).*

Е. В. Васильева

К. А. Неволин и его «Энциклопедия законоведения»: вклад в отечественную юридическую науку

Одним из великих российских ученых дореволюционного периода является Константин Алексеевич Неволин, творчество которого в его полном объеме так и не было подвергнуто глубокому анализу. Он прожил недолго, но успел заявить о себе как о выдающемся руководителе, талантливым педагоге, способном юристе-практике и величайшем ученом.

Константин Алексеевич родился в 1806 г. в Вятской губернии в семье священника. Готовился принять сан. По окончании курса семинарии был переведен в Московскую духовную академию, которую он с отличием закончил бы, если судьба не распорядилась бы иначе.

Личностное развитие К. А. Неволина пришлось на эпоху в некотором смысле уникальную. Во второй трети XIX в. интерес к истории отдельных отраслей права стал возникать уже не только у историков, но и юристов. Государственная политика способствовала появлению историко-правовой науки. Заслугой государства стало проведение масштабной систематизации отечественного законодательства, чему оказался сопричастен и К. А. Неволин.

В 1828 г. он в числе трех лучших студентов Московской духовной академии был направлен в столицу для подготовки к преподаванию на кафедре законоведения. К этому времени Константин Алексеевич уже проявил себя как грамотный и начитанный молодой человек [1, с. 6].

Обучение осуществлялась под руководством профессора М. А. Балустьянского. Приходилось не только осваивать теорию, но и с головой погружаться в работу по составлению Свода законов Российской империи. За полтора года кропотливого труда по изучению законоведения К. А. Неволин окончательно определился со своей будущей профессией. Он непременно должен был стать юристом. Однако научным взглядам предстояло только сформироваться.

После успешного прохождения испытаний осенью 1829 г. вместе с группой однокашников был направлен на обучение в Германию, где и началось становление Неволина-ученого. Личное знакомство с выдающимися европейскими учителями — Г. В. Ф. Гегелем, Ф. К. фон Савиньи, Г. Г. Готом, их лекции и беседы заложили тот фундамент, на котором в дальнейшем формировались научные взгляды Константина Алексеевича.

По окончании обучения за границей К. А. Неволину предстояло выдержать экзамен на степень доктора законоведения, представить и защитить диссертацию, после чего отправиться в Киев, чтобы занять должность профессора энциклопедии права и учреждений Российской империи в Университете Св. Владимира. Как заметил И. Е. Андреевский, именно «Киеву пришлось сделаться местом рождения ученой славы Неволлина» [1, с. 11].

Несмотря на массу новых обязанностей, возложенных на него как на профессора и одновременно ректора университета, хватало сил на научную деятельность. Именно тогда К. А. Невוליным был подготовлен один из его фундаментальных трудов, который задумывался как руководство для слушателей при изучении ими энциклопедии законоведения.

Его появление свидетельствовало о начале новой эпохи в отечественном правоведении. К. А. Неволину суждено было стать первым ученым, сумевшим поставить отечественную юриспруденцию на теоретическую основу.

Появление данной работы было неслучайным. Наука и дисциплина «Энциклопедия законоведения» начала преподаваться в российских вузах только в начале XIX в. К тому времени европейская юриспруденция прошла длительный путь своего развития. Энциклопедия законоведения как «особая наука, которая... служит общим введением в науки законоведения» [2, с. 1] и предполагает систематическое изучение множества наук о законах, зародилась в Германии во второй половине XVII в.

До опубликования «Энциклопедии законоведения» К. А. Неволлина русские студенты вынуждены были осваивать эту непростую науку по переводной с немецкого языка литературе, качество которой оставляло желать лучшего [3, с. 16]. Поэтому, без сомнения, появление «Энциклопедии» стало знаковым событием в истории русской юридической науки и юридического образования.

Уже во введении К. А. Неволлин дал четкое определение энциклопедии законоведения, объяснил необходимость ее изучения, обосновал самостоятельность как науки, раскрыл предмет и структуру. Достаточно внимания было уделено методологическим вопросам. Отдельный параграф автор посвятил способам изложения истории законов и истории законоведения: повествовательному и философскому.

Большую ценность имеет раздел, в котором раскрывается предмет истории законоведения. С позиции К. А. Неволлина, «ученая история законоведения», призванная излагать «ход и различные судьбы законоведения в течение времени», должна включать в себя: 1) биографию людей,

«замечательных по влиянию их на успех законоведения»; 2) библиографию (характеристику «сочинений, писанных по разным частям законоведения»); 3) анализ существующих способов изучения законов; 4) описание состояния законоведения в определенный исторический период; 5) историю догм [2, с. 80].

Хотелось бы отметить, что «Энциклопедия законоведения» не единственная выдающаяся работа автора, которой была дана самая высокая оценка научного сообщества. Константин Алексеевич был трижды удостоен Демидовской премии.

В 1843 г. К. А. Неволин переехал в столицу, где занял должность профессора кафедры гражданских законов, общих, особенных и местных Санкт-Петербургского университета. В 1847 г. был назначен деканом юридического факультета и проректором. Активная преподавательская и административная деятельность продолжала удачно сочетаться с научной работой. В 1851 г. увидела свет «История российских гражданских законов» (в трех томах), за которую К. А. Неволин был признан современниками как создатель русского гражданского права. Параллельно с работой над трехтомником Константин Алексеевич занимался подготовкой статей, посвященных истории русского права.

В последние годы жизни К. А. Неволин вернулся и к практической работе: в 1852 г. был привлечен к редакции исправления Военно-уголовного устава. Скончался Константин Алексеевич в 1855 г. в возрасте 49 лет.

Резюмируя изложенное, отметим, что личность К. А. Неволлина многогранна. По замечанию современника, профессора А. П. Бородина, к работам К. А. Неволлина часто применяли слово «впервые». Его лидерство и заслуги перед российской юридической наукой признавались всеми. И забывать об это не стоит и сегодня, поскольку незнание истоков приводит к искажению многих исторических фактов, а этого допускать нельзя.

Список источников

1. Андреевский И. Предисловие // Полн. собр. соч. К. А. Неволлина. Т. 1 : Энциклопедия законоведения. СПб., 1857.

2. Неволин К. А. Энциклопедия законоведения // Полное собрание сочинений К. А. Неволлина. Т. 1 : Энциклопедия законоведения. СПб., 1857.

3. Ячменев Ю. В. Правовая теория К. А. Неволлина (истоки естественно-правовой мысли в России) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995.

К проблеме периодизации истории государства и права

Под периодизацией истории государства и права следует понимать систематизацию процесса развития государственно-правовых явлений, заключающуюся в делении исторического процесса на периоды. Проблема состоит в том, что периоды, с одной стороны, должны иметь качественные отличия, определяющие каждый период как уникальный отрезок с характерными, определяющими его неповторимость признаками, с другой стороны, должны устанавливать зависимость различных свойств выделенного периода от выбранного основания (критерия), позволяющего провести подобное деление. Многие современные историки права указывают на значимость «периодизации как необходимого элемента структурирования историко-правового материала ...» [1, с. 182].

Современная историко-юридическая наука в вопросах периодизации государственно-правовых явлений во многом следует за исторической наукой, традиционно используя экономико-производственные критерии, определяющие форму государства. При всех достоинствах данной периодизации она не отражает специфики развития государства и права.

На сегодняшний день учеными предложено колоссальное количество вариантов периодизации исторического процесса (смена типа хозяйствования (Э. Геллнер), смена типов мышления (К. Ясперс), смена способов коммуникации (М. Маклюэн), экологические трансформации (Й. Гудсблом), смена основных сфер производства (Э. Тофлер, Д. Белл); периодизация по принципам производства (Л. Е. Гринин)).

В историко-юридической науке Российской империи XIX в. высказывались разные точки зрения по поводу периодизации истории государства и права России: от отрицания необходимости периодизации внутренней истории права, необходимости периодизации лишь для внешней истории права [2, с. 9] до признания разрешения проблемы периодизации в качестве основной цели ученого, историка, юриста [3, с. 16]. Указанные периодизации представляют интерес, но не принимают во внимание особенности развития государственно-правовых институтов отдельно взятых обществ. В качестве альтернативы автор предлагает следующую периодизацию, основанную на многофакторном подходе (таблица):

Таблица. Периодизация истории государства и права

Период, вв.	Основная форма права	Статус личности	Степень вовлеченности индивида в управление государством	Доступность юридических знаний
Традиционный IX–XV	Обычай	Дифференцированный, определяется принадлежностью к родовой организации	Высокая	Высокая
Сословный XV–XVII	Обычай	Дифференцированный, определяется принадлежностью к сословию	Дифференцированная	Низкая
Авторитарный XVIII–XX	Закон	Дифференцированный, определяется местом лица в системе управления	Низкая	Низкая
Современный XX–XXI	Многообразие форм права	Равный, определяется признанием ценности каждого индивида.	Высокая	Высокая

Список источников

1. Яцук Т. Ф. Круглый стол «Периодизация истории государства и права» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 3(28).
2. Леонтович Ф. И. История русского права. Вып. 1 (Введение и докняжеский период). Одесса, 1869.
3. Тарановский Ф. В. Периодизация в истории права // Труды русских ученых за границей. Т. II. Берлин, 1923.

Я. П. Гененко

Научные подходы к пониманию гражданского общества в контексте теоретических воззрений Н. М. Коркунова и С. А. Муромцева

В современном отечественном правоведении отсутствует единое представление о гражданском обществе как социально-правовом явлении. В связи с этим представляется актуальным обратиться к исследованиям отечественных дореволюционных правоведов.

Одними из первых отечественных ученых-правоведов второй половины XIX–начала XX вв., рассматривающих вопросы гражданского общества, стали приверженцы позитивистского подхода к пониманию права — представитель Санкт-Петербургской школы права Н. М. Коркунов [1], впервые в 1886 г. в «Лекциях по общей теории права» рассматривавший гражданское общество в контексте исследования общества и человека; представитель московской школы права С. А. Муромцев [2], изучавший гражданское общество в контексте проблемы правового регулирования отношений в обществе.

В своих воззрениях Н. М. Коркунов исходит из идей о гражданском обществе Г. В. Ф. Гегеля. Основное внимание ученый уделил исследованию проблемы классификации объединений людей, характеристикам субъектов отношений в гражданском обществе, классификации интересов, для удовлетворения которых субъекты вступают в отношения, изучению некоторых вопросов регулирования отношений в гражданском обществе, гражданского общества, общества и государства. Представления Н. М. Коркунова на следующих этапах получили развитие в воззрениях Б. Н. Чичерина, П. И. Новгородцева и др.

С. А. Муромцев опирается на взгляды древнеримских юристов. Основное внимание ученый уделяет исследованию гражданского общества в контексте исследования правоотношений, проблемы деления права на частное и публичное, гражданской правоспособности лица, защиты гражданских прав, а также соотношения гражданского общества и государства. Представления С. А. Муромцева на следующих этапах получили развитие в исследованиях гражданского общества Б. Н. Чичерина, и И. А. Покровского.

Итак, Н. М. Коркунов и С. А. Муромцев рассматривали гражданское общество, с одной стороны, в контексте исследования гражданского общества как социально-правового явления (Н. М. Коркунов), с другой — преимущественно как правовое явление, с позиции правового регулирования отношений в гражданском обществе (С. А. Муромцев). Развитие научных подходов к пониманию гражданского общества ученых заложило основы целостных представлений о гражданском обществе как социально-правовом явлении в отечественном правоведении.

Список источников

1. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909.
2. Муромцев С. А. Из лекций по русскому гражданскому праву. СПб., 1899.

Т. Ю. Герасименко

Гендерный аспект права полицейских на отпуск по уходу за ребенком в контексте решения Европейского Суда по правам человека

6 июля 2021 г. Европейский Суд по правам человека вынес постановление по делу «Груба и другие против России» (Gruba and others v. Russia, № 66190/09 и 3 других), ставшее резонансным, поскольку отвечает на важный вопрос, почему право полицейских-женщин на отпуск по уходу за ребенком является безусловным, а право полицейских-мужчин на отпуск по уходу за ребенком зависит от отсутствия материнской заботы о ребенке.

Заявитель по делу «Груба против России» был аттестованным сотрудником ГАИ в Сыктывкарском городском управлении внутренних дел. 22 апреля 2009 г. заявитель подал рапорт на имя своего начальника о предоставлении отпуска по уходу за ребенком. В этой просьбе ему было отказано. Заявитель пытался обжаловать полученный отказ в Сыктывкарском городском суде Республики Коми. Суд в своем решении от 6 июля 2009 г. указал, что полицейские-мужчины могут претендовать на отпуск по уходу за ребенком только в том случае, если им придется воспитывать детей, оставшихся без материнского попечения.

10 августа 2009 г. Верховный суд Республики Коми оставил решение нижестоящей судебной инстанции без изменения, посчитав его законным, аргументированным и обоснованным, поскольку заявитель со 2 июля 2009 г. перестал выходить на службу, его освободили от занимаемой должности. Заявитель обжаловал свое увольнение в Сыктывкарский городской суд, считая его незаконным.

26 февраля 2010 г. Сыктывкарский городской суд отклонил его иск и сослался на ранее принятое решение от 6 июля 2009 г., оставленное без изменения в кассационном определении 10 августа 2009 г. При этом суд вновь повторил, что заявитель не имел права на отпуск по уходу за ребенком, в связи с чем его увольнение за систематическое отсутствие на службе признано законной дисциплинарной мерой реагирования. 8 апреля 2010 г. Верховный суд Республики Коми оставил это решение без изменения, посчитав его законным, аргументированным и обоснованным.

Гражданин Груба в рамках защиты своих прав и законных интересов обратился с жалобой в Европейский Суд по правам человека. ЕСПЧ посчитал, что различие между полицейскими-мужчинами и женщинами-полицейскими в отношении права на отпуск по уходу за ребенком нельзя

признать правомерным и справедливым. Решением ЕСПЧ по делу «Груба и другие против России» заявителям присуждена компенсация в качестве возмещения материального и нематериального ущерба, а также в счет судебных издержек.

В заключение необходимо отметить, что если правоохранительные органы воспринимают женщин-сотрудниц исключительно в качестве матерей, женщины в этой системе будут дискриминированы в карьерном росте. До тех пор пока мужчины будут рассматриваться исключительно как «боевая единица», маловероятно, что наступит равное вовлечение мужчин в жизнь своих детей и семьи.

А. В. Гудкова

Применение историко-лингвистического анализа нормативных актов в контексте преподавания историко-правовых дисциплин

Одной из приоритетных тенденций развития современного юридического образования является поиск путей его совершенствования.

Глобальные изменения, происходящие в мире и затронувшие все без исключения сферы жизни общества, с одной стороны, потребовали быстрого реагирования со стороны органов государственной власти, общественности и самих образовательных организаций, а с другой — инициировали различные исследования и разработки в этой области. Происшедшие изменения коснулись не только организации образовательного процесса, методов обучения, но и необходимости трансформации базовых ценностей и поведенческих установок обучающихся, усиления их вовлеченности и мотивированности в рамках изучаемых дисциплин.

Перед профессорско-преподавательским составом стоит комплексная задача по разработке и применению авторских курсов и новых технологий обучения и воспитания в пределах реализуемой образовательной программы, результатом которой будет подготовка специалистов, являющихся высокими профессионалами в своем деле, обладающих навыками универсальности и способных принимать интердисциплинарные решения.

Междисциплинарные методы, применяемые при преподавании историко-правовых дисциплин, позволяют предложить возможности модернизации образовательного процесса и повышения его эффективности,

способствуют гармонизации ценностных ориентиров личности обучающегося. Действительно, историко-правовые дисциплины предоставляют участникам образовательного процесса широкий спектр возможностей применения как традиционных технологий, так и инновационных инструментов, и от того, насколько преподаватель глубоко подойдет к методологическому оснащению преподаваемой дисциплины, будет зависеть качество приобретенных компетенций. И здесь, наряду со скрупулезной работой с имеющимися историческими источниками, поиском и осмыслением новых источников информации, важное значение на занятиях имеют системные дискуссии об обусловленности событий и действий различными факторами, о мотивации людей, взаимоотношениях между членами общества и государством, результатах нововведений, сравнении старого и нового, о позитивном, созидательном и негативном, разрушительном в истории.

В настоящее время рассмотрение правовых норм в лингвистическом контексте привлекает внимание многих отечественных и зарубежных исследователей, полагающих, «что логические законы и способы мышления, являясь идеальным средством познания правовой системы общества, приобретают материальную форму в языке и могут быть выявлены лишь путем специального анализа и синтеза языковых контекстов» [1, с. 37]. В процессе мыслительной деятельности, разворачивающейся в ходе проведения занятия, различным аспектам языка необходимо уделять важную роль, рассматривать его как необходимое условие процесса познания, во многом определяющее его результат. Проведение анализа нормативных правовых актов в процессе изучения историко-правовых дисциплин с точки зрения особенностей использования тех или иных языковых форм и значений расширяет исследовательское пространство, позволяет глубже осмыслить изучаемые государственно-правовые явления, задействовать ассоциативные связи в мышлении, стимулировать познавательную активность обучающихся. В процессе углубленной работы с отдельными словами и словосочетаниями, используемыми законодателем при составлении документа, обучающиеся получают возможность уловить логику юридического мышления, предложить научные гипотезы, высказывать новые идеи, применять различные научные концепты, что в итоге составляет основу юридического профессионализма.

В контексте проведения междисциплинарных исследований представляется интересным обращение к англоязычному «right» и русскоязычному «право», «правда», позволяющее не только разобраться в этимологии терминов, особенностях юридической техники нормативных

правовых актов и иных источников права, в которых они применяются, но и обратиться к историческим особенностям развития правовой культуры, «поскольку языковые формы неразрывно связаны с формами народной жизни и призваны передавать ее особенности и характер, составляющие качественные отличия... национального самосознания и юридической культуры» [2, с. 71].

Обращаясь к английскому термину «right», с которым обучающиеся впервые встречаются при изучении Билля о правах 1689 г., они сталкиваются со сложностями адекватного толкования категорий английского права, имеющих историко-временную маркированность, а также с неоднозначностью трактовки этого понятия лингвистами и теоретиками права [3, с. 82]. Возникает необходимость обращения к словарям, знакомство с вариациями коннотаций, уходящими корнями к древнеанглийскому «riht», изучение содержания этого понятия применительно к Биллю о правах и Акту о престолонаследии. Выявляется тесная связь между такими категориями, как «права» и «свободы» (Rights and Liberties), становление и утверждение которых происходит в изучаемый период истории параллельно с развитием конституционной монархии в Англии. Обучающиеся обращаются к пониманию естественных и неотъемлемых прав человека на жизнь, свободу, безопасность, сопротивление угнетению, на собственность, свободы слова, печати, вероисповедания. Применительно к анализируемому документу термин «right» получил значение «законное право», в отличие от «морального права» или «долга». Следовательно, права и свободы граждан определялись законом, перед которым равны все граждане Англии [3, с. 84].

Изучая юридическую терминологию одного из первых письменных памятников древнерусского права, Русскую Правду, сформировавшую правовые устои русского общества, обучающиеся обращаются к трактовке названия документа. Как утверждают исследователи, словом «правда» наши предки выражали как самое понятие права, так и все его проявления: в поступках ли людей в их взаимных отношениях, в деятельности ли власти: в суде или в письменных актах — договоре, законе. Иного слова для выражения всех этих понятий наша старина не знала: все, что правильно, истинно, правомерно, законно, и есть правда; в этом общем родовом понятии, полагаем, выражалось все правосозерцание наших предков [4, с. 2]. Термин «право» по своему значению был шире «правды» и впервые употреблялся в начальных русских летописях «В лето 6370 (862). Изъгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в себе володети: и не бе в них правды и вѣста род на род, и быша в них усобице, и во-

евата почаша сами на ся; и реша сами в себе: поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву» [5, с. 19]. Обращение к словарю русского языка XI–XVII вв. показывает большое число значений термина «право»: установление, закон, юрисдикция, власть, обязательство, присяга, прямо, правильно, верно, справедливо, честно [6, с. 115–116], что свидетельствует о его широком употреблении, тогда как термин «правда» трактуется как справедливость, правдивость, честность, правота, отсутствие вины, установление, закон, суд, судебное испытание [6, с. 96–99], что позволяет сделать вывод о применении Русской Правды в Древнерусском государстве в качестве судебника. Текст самого документа написан на древнерусском языке, «несмотря на то, что писцы великокняжеских канцелярий и монахи-переписчики Русской Правды свободно владели церковнославянским языком» [7]. Это свидетельствует об их стремлении сохранить древнерусский язык и сделать судебник доступным для всего населения Древнерусского государства, т. е. начинается формирование основ правовой культуры общества. Терминология Русской Правды составляет основу понятийно-категориального аппарата в различных сферах правовой жизни средневекового общества. В процессе работы с источником обучающимся предлагается сделать подборку терминов, отражающих правовое положение князя, его законодательную деятельность, исполнительные функции администрации князя и других.

Таким образом, историко-этимологический анализ терминов нормативных правовых актов, в частности понятия «right» в английском языке, «право», «правда» в русском языке представляют большое значение для формирования знаний о развитии государства, права, общества в Англии периода Нового времени и Древнерусском государстве. Посредством обращения к юридической технике изучаемых документов, в том числе особенностям языка, происходит не только углубленное изучение особенностей права государства, но и усвоение правовых, духовных и нравственных ценностей общества. В конечном итоге у обучающихся складывается представление об исторических особенностях формирования современной государственности.

Список источников

1. Баранов П. П., Курбатов В. И. *Логика для юристов*. Ростов н/Д, 2012.
2. Безлепкин Н. И. *Философия языка в России: к истории русской лингвофилософии*. СПб., 2002.
3. Гудкова А. В., Фокина С. П. *Содержание понятия «right» в контексте лингвистического и историко-этимологического анализа английских*

конституционных актов // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 4. № 2.

4. Мрочек-Дроздовский П. Н. Исследования о Русской Правде. Вып. 2. Текст Русской Правды с объяснениями отдельных слов. М., 1885.

5. Полное собрание русских летописей, издаваемое постоянно Историко-археографической комиссией Академии наук СССР. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Л., 1926.

6. Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 18. М., 1992.

7. Акишин М. О. Становление юридического языка в Древней Руси IX–XII вв. // Genesis: исторические исследования. 2016. № 1.

М. А. Кожевина

Юридическое науковедение: понятие, структура, методология

Современное состояние науки обусловлено постнекласической традицией, основанной на поснекласической рациональности, ориентированной не только на объективно-субъективные стороны научного познания, но и на современные запросы государства и общества. Она чутко реагирует на множественные усложняющиеся отношения, между которыми порой размываются границы, стираются грани, межнаучные отношения приобретают синкретичный характер. В связи с этим интеграция и консолидация научных направлений позволяет эффективнее использовать междисциплинарные связи в познании объекта науки — права.

Подобная тенденция имеет последствия двоякого свойства. С одной стороны, активное обращение юристов к «неюридической» области знаний раздвигает методологические возможности, способствуя применению методов и методик других наук. С другой стороны, возникает опасность размывания предмета юридической науки за счет «неюридической» тематики. Решение этой сложной задачи тесно связано с введением в предметное поле юридической науки новых научных дисциплин, таких как юридическое науковедение и история юридической науки.

Науковедение представляется современниками в нескольких значениях и согласуется с конкретными задачами науки в разные периоды развития. Во-первых, это отрасль исследований, изучающая закономерности функционирования и развития науки, структуру и динамику научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными института-

ми и сферами материальной и духовной жизни общества. В этом случае наука воспринимается как сложившийся социальный институт (система, представляющая единство или совокупность специфических подсистем (научных отраслей, научных дисциплин), сформированных аналогично. Во-вторых, науковедение рассматривается как метанаука или комплекс наук о науке, носящий междисциплинарный характер. И в-третьих, для самой науки (отрасли, дисциплины) она выступает средством саморефлексии, формой самосознания науки, инструментом ее изучения и основой для прогнозирования государственной поддержки, управления научными исследованиями [1, с. 7].

Исходя из общего понимания возможно вывести дефиницию юридического науковедения. Это область знаний о взаимодействии элементов, в своей совокупности определяющих развитие юридической науки как особой сложной системы, одновременно это и методологическое условие изучения отдельных аспектов юридической науки, а также отрасль знаний о юридической науке как социальном институте, как о сложной сфере общественной деятельности, результатом которой является система развивающегося знания о праве, представляющего всеобщий духовный продукт. Юридическое науковедение выступает средством познания всех сторон научного труда, который осуществляется в определенных социальных и организационных формах и находится в прямой зависимости от уровня развития самого общества.

Общее науковедение — структурированная сфера знаний, оно включает философию науки, экономику науки, социологию науки, психологию научного творчества, наукометрию, технологии и техники науки [2, с. 11]. В этом ключе может рассматриваться и структура юридического науковедения. Важно, что многогранное и многомерное изучение юридической науки как социального института позволяет решить ряд значимых задач, а именно: осуществить анализ изменяющегося во времени тезауруса науки, тем самым способствовать выстраиванию понятийно-категориального ряда, объединенного логическими связями в рамках предмета науки; выявить перспективные неологизмы и непродуктивные, алогичные понятия и категории. Вместе с тем науковедение позволяет показать формы организации научной деятельности, механизмы самоорганизации ученых и определить их эффективность. Одновременно посредством науковедческого анализа возможно наметить перспективы основных направлений научной политики государства, обусловить перспективные связи науки с техникой, образованием и культурой, а также показать ее место в процессах глобализации.

Решение задач юридического науковедения находится в тесной связи с методологией исследования. По предмету и целям к науковедению наиболее близка история науки, которая позволяет использовать исторический подход к пониманию юридической науки как социальному институту, отразить процесс развития предметного содержания не только ее самой, но и отраслей и научных дисциплин. История науки нацелена на выявление ряда аспектов исторического становления юридической науки. Она исследует процесс развития научных идей, теорий, раскрывает не только то, что было достигнуто в науке в тот или иной период, но и как, благодаря чему, включает исследования эволюции форм организации науки, ее структуры, методов познания юридической действительности. Одновременно исследуется история научных школ и коллективов, методов и особенностей руководства ими, а также форм и методов подготовки и использования специалистов, связей между государством, обществом и наукой [3, с. 21].

История юридической науки позволяет решить науковедческие задачи в исторической проекции: выявить, когда и каким образом формировались условия для развития отечественной юридической науки, определить уровень развития общественных и других наук в России, показать степень их взаимодействия и взаимовлияния, преемственности в научных теориях и практике, уровень развития источниковой базы исследований, выявить широту диапазона проблематики, раскрыть то, что изучалось, с каких позиций, кем изучалось и как изученное стало достоянием других. В рамках истории науки указываются факторы, повлиявшие на развитие юридической науки, которые включают как внешние условия, формирующие «социальность» науки, так и внутренние, связанные с самим научным сообществом, которое имеет свою организацию, принципы и нормы существования (этос науки). В связи с этим важна история становления личности ученого. Таким образом, исторический подход позволяет раскрыть историю науки в рамках кумулятивной модели развития, показать ее историческую целостность в вертикальном срезе (хронологически) и в горизонтальном (специфику существования юридического сообщества в каждом отдельно взятом периоде) [4, с. 4].

В числе значимых средств познания в науковедческом ключе следует выделить институциональный подход в силу того, что наука есть социальный институт. Институционализацию юридической науки и отдельных научных дисциплин нужно рассматривать как сложный многоступенчатый процесс, где первая ступень связана с обособлением юридической научной деятельности от практической юриспруденции, вторая — со

структуризацией юридической науки и выделением в самостоятельное направление научного познания отраслей науки, на третьей ступени происходит дифференциация научного пространства и формирование научных дисциплин.

Различаются два взаимодополняющих направления институционализации науки (научной отрасли, дисциплины). Когнитивная институционализация является основным «каналом социализации специализированного научного знания». Ее детерминирующим фактором представляется научный интерес к решению конкретной познавательной задачи. Социальная институционализация опосредует социальные стандарты в познавательной деятельности научного юридического сообщества [5, с. 7].

Исследование внутренних познавательных процессов необходимо осуществлять с позиций парадигмального подхода [7, с. 10]. Понятие парадигмы — общенаучной методологии, как известно, в научный оборот было введено американским науковедом Т. Куном. В его понимании это «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу» [6, с. 11]. В последующем это понятие приобрело расширенное звучание. Это господствующая в научном сообществе в течение более или менее длительного времени устойчивая система теоретических представлений, складывающаяся под влиянием взаимодействия научных и вненаучных факторов [7, с. 9]. Как правило, новая методологическая модель зарождается в недрах старой, обнажая малую эффективность прежней и слабую ее отзывчивость на меняющуюся общественную жизнь. Поэтому этот процесс следует рассматривать в рамках трех сменяющих друг друга фаз: на допарадигмальном, межпарадигмальном и парадигмальном этапах [2, с. 13]. Таким образом раскрывается последовательность методологического поиска научного сообщества.

В контексте современных трендов развития науки наиболее эффективным, на наш взгляд, будет синтагматический подход. Он позволяет рассмотреть науку как сложную целостную систему, состоящую из взаимодействующих и взаимосвязанных, но разнообразных и разнородных элементов, как процесс интеграции мононаук на междисциплинарном и трансдисциплинарном уровнях. Научная синтагма представляет некий проект, программу или целостную систему знаний, правил и принципов, разнородных по своему эпистемологическому происхождению и статусу. Синтагматическая система может включать не только социально-

гуманитарные знания (прежде всего юридические), но и знания естественных, технических и иных наук, ориентированных на решение определенной познавательной задачи. Это хорошо сложенная ситуативная когнитивная целостность [2, с. 17].

В целом все указанные науковедческие знания находятся в логической связи с процессом развития науки и позволяют ей прогнозировать свое будущее.

Список источников

1. *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки.* М., 2005.
2. *Ракитов А. И.* Новой науке — новое науковедение (от парадигмы к синтагме) // *Науковедческие исследования : сб. науч. тр. / отв. ред. А. И. Ракитов.* М., 2003.
3. *Основы науковедения.* М., 1985.
4. *Кожевина М. А.* Становление и развитие отечественной юридической науки в XVIII–XIX вв. Омск, 2013.
5. *Огурцов А. П.* Дисциплинарная структура науки. Ее генезис и обоснование : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1990.
6. *Кун Т.* Структура научных революций. М., 2003.
7. *Могильницкий Б. Г.* История исторической мысли XX века : курс лекций. Вып. 1 : Кризис историзма. Томск, 2001.

А. А. Сапунков

Магистр и магистратура в системе юридического образования и науки Российской империи XIX–начала XX вв.

В настоящее время по результатам реформирования системы высшего образования в постсоветской России в общественном сознании термин «магистратура» имеет однозначное значение в контексте второй ступени высшего образования при двухступенной структуре бакалавриат—магистратура. Исторически термин в системе образования Российской империи XIX в. – начала XX в. использовался в ином значении.

Для современного читателя (студента, молодого исследователя) терминологическая путаница может представлять значительные затруднения при более углубленном изучении темы, выходящей за рамки текста учебника, например при работе с источниками в рамках курсовой или выпускной квалификационной работы при обучении в вузе.

История судебной реформы 1864 г. — судьбоносный этап в формировании отечественной правовой традиции [1], но она была бы невозможна без воспитания юридических кадров соответствующей квалификации как до начала собственно реформы, так и в ее процессе [2]. Российская система юридического образования и науки сформирована университетскими реформами XIX в. [3].

В современном значении термин «магистратура» определяется как квалификационная степень, которая присваивается выпускнику второй ступени высшего образования, что отражается в дипломе. В отличие от ряда современных стран и от Российской империи, степень магистра в Российской Федерации не является научной степенью. Поэтому у нас не принято, сообщая информацию об авторе научной публикации, указывать наличие магистерской степени, в общемировой практике традиция иная.

В Российской империи XIX в. студент университета имел возможность изучить расширенный курс наук и получить степень кандидата. Университетский устав 1884 г. упразднил степень кандидата, заменив ее термином «диплом 1 степени», обычный выпускник получал диплом 2 степени. Соответственно, разный уровень квалификации предусматривал различия при поступлении на государственную службу: выпускник 1 степени претендовал на должность по чину X класса, а выпускник 2 степени — только XII класса. Различия заключаются в том, что «кандидат университета» (1803–1884 гг.) являлась низшей научной степенью, а «выпускник 1 степени» (1884–1917 гг.) — квалификационной степенью, аналогичной современному магистру [4].

Необходима оговорка, что с 1819 по 1835 гг. низшей научной степенью была «действительный студент», которая понималась ниже кандидата. Кроме того, привилегированное право для кандидата занимать должность X класса возникает с 1822 г. и потом распространяется на выпускника 1 степени. Также степень кандидата наук в 1884–1917 гг. сохранялась, но только в Варшавском и Дерптском/Юрьевском (ныне Тартуском) университетах [5, с. 269].

Ученую степень «магистр» в Российской империи с некоторой степенью условности можно соотнести с советским и современным кандидатом наук. «Магистр» являлась второй по рангу научной степенью после «доктора», за исключением отраслей науки (фармация, ветеринария), где докторского достоинства не было, а степень «магистр» автоматически превращалась в высшую научную степень.

Степень магистра давала право на занятие штатной должности доцента в период ее недолгого существования (1863–1884 гг.). Кроме того,

доктора и магистры могли претендовать на должности экстраординарного профессора. Право на вхождение магистра в состав профессуры аналогично советско-российскому праву кандидата наук (до 2013 г.) получить звание профессора в порядке исключения без защиты докторской диссертации (холодный профессор). Должность ординарного (полного) профессора магистр мог занимать только как заурядный чин, т. е. исполняющий обязанности [6, с. 10].

Магистр имперского периода, в отличие от современного кандидата наук, ни при каких условиях не мог занимать или исполнять пост ректора. Университетские уставы этого категорически не допускали, рассматривая ректорство как исключительную прерогативу ординарной профессуры [7, с. 9–20]. Современная фигура чиновников («Швондеров от науки»), не имеющих научных талантов и заслуг, но любыми способами ускоренно защищающих кандидатскую диссертацию под уже ожидающее их место ректора вуза, в имперский период была принципиально невозможна. Показательно, что в 2013 г. законодатель, кардинально ужесточив требования к претендентам на научное звание доцента и профессора, оказался крайне лоялен к советской традиции назначения ректора из числа кандидатов наук — явному атавизму института «красной профессуры», противоречащему принципу университетской автономии.

Кроме того, наличие степени магистра не было обязательным условием для защиты докторской диссертации, чем в начале XIX в. широко пользовались талантливые ученые. Например, на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета в штате было: в 1819–1850 гг. — 10 докторов и 4 магистра, а в 1885–1917 гг. уже численно преобладали магистры — 69 докторов и 104 магистра [8, с. 120]. В целом в 1885–1917 гг., как и в современной России, качество высшего образования стремительно снижалось, во многом за счет падения доли преподавателей, имеющих ученую степень. На рубеже XIX–XX вв. это было связано с широким привлечением в университеты приват-доцентов (внештатных преподавателей почасовиков), на которых требование о наличии ученой степени не распространялось.

По подсчетам современных исследователей, суммарно во всех университетах Российской империи в 1805–1919 гг. состоялось 2939 защит докторских и магистерских диссертаций, в том числе на юридических факультетах защитили 242 докторских и 419 магистерских диссертаций (22,4% от общего количества защит). Как по юридическим факультетам отдельных университетов (без учета Александровского (Гельсингфорс-

ского) университета в Финляндии) были распределены защиты диссертаций, показано в таблице: [9, с. 8–9].

Таблица. Количество защищенных диссертаций

	Университеты	Диссертации	
		докторские	магистерские
1	Московский	65	115
2	Санкт-Петербургский (Петроградский)	51	105
3	Св. Владимира (Киев)	40	58
4	Харьковский	28	38
5	Казанский	25	32
6	Дерптский (Юрьевский)	19	36
7	Новороссийский (Одесса)	12	10
8	Варшавский	1	3
9	Томский	1	6
Всего		242	403

Также в период Российской империи использовался термин «магистрант», который обозначал человека, сдавшего квалификационные экзамены на степень, но не защищавшего диссертацию, т. е. не получившего научную степень. Данный термин соотносим с современной квалификацией выпускника аспирантуры — исследователь, преподаватель-исследователь. Магистранты того времени могли быть задействованы в учебном процессе, но только на должностях младших преподавателей (штатная — лектор, внештатная — приват-доцент). Принципиальное отличие в том, что с 1 января 2013 г. аспирантура стала третьим уровнем высшего образования — «подготовка кадров высшей квалификации». Во все предыдущие периоды (имперско-советско-российские) этот вид обучения рассматривался как начальный этап научной деятельности. Показательно, что несмотря на формальный статус, рынком труда данная новация по-прежнему не воспринимается, современным работодателем аспирантура не востребована в качестве самостоятельного, более высокого уровня квалификации. Попытка ввести систему аспирантуры в жесткие рамки квалификационных стандартов представляется очередным избыточным нормотворчеством.

В заключение подчеркнем, что терминология XIX в. принципиально отличалась от терминологии XXI в. Один и тот же термин «магистр» и производные от него «магистратура», «магистрант» в разные исторические периоды обозначают в системе юридического образования

и науки два совершенно разных понятия, обладающих пограничным, но иным логическим объемом. Указанную особенность необходимо обязательно учитывать при преподавании в различных учебных курсах тем, связанных с судебными и образовательными реформами XIX в.

Список источников

1. Сапунков А. А. История общих судов Российской империи: судебные палаты как системообразующий орган (1866–1917 гг.) : монография. М., 2021.

2. Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России / автор. пер. с англ. М. Д. Долбилова, Ф. Л. Севостьянова. М., 2001. 515 с.

3. Зипунникова Н. Н. Университеты учреждаются для преподавания наук в высшей степени : Российское законодательство об университетах XVIII – начала XX века : монография. Екатеринбург, 2009.

4. Андреев А. Ю. Возникновение системы российских учёных степеней в начале XIX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2015. Вып. 1(62).

5. Волобуев В. П., Иванов А. Е. Ученые степени в Российской империи. XVIII в.–1917 г. М., 1994.: рецензия на монографию // Вестник Российской академии наук. 1996. Т. 66. № 3.

6. Сапунков А. А. Судебные палаты в судебной системе Российской империи: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018.

7. Сравнительная таблица уставов университетов 1884, 1863, 1835 и 1804 гг. СПб., 1901. 270 стб.

8. Ростовцев Е. А. Юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета (1819-1917): опыт коллективной биографии / Е. А. Ростовцев, Д. А. Баринов, Д. А. Сосницкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 4.

9. Якушев А. Н., Кузнецов А. В. История русской диссертации в исследованиях Г. Г. Кричевского // Омский научный вестник. 2007. № 3(55).

Т. Ф. Ящук

Государственная политика в сфере юридической науки в советский период *

Государственная политика в сфере науки выражает отношение государства к данной области человеческой деятельности. Содержание политики проявляется в декларируемых целях, обозначении желаемых и поддерживаемых направлений и целей развития, создании уполномоченных органов, институционально оформленных структур, прямого или опосредованного финансирования. Пределы, содержание и инструменты государственной политики зависят от социально-экономических и политических условий. В рыночных условиях в формировании и реализации научной политики большую роль играет частный сектор, некоммерческие организации. В советский период научная политика была исключительной прерогативой государства. Государственная политика в сфере науки различается по отраслям научного знания. Предметом юриспруденции выступает право и государство, поэтому ее относят к социальным наукам.

Для социальных наук характерна более тесная связь с государством, большая идеологизация и политизация, менее ожидаемый экономический эффект. Эти качества государственной политики советского периода со всей полнотой проявились в отношении к юридической науке.

Сразу после Октябрьской революции 1917 г. начался процесс этатизации юридической науки. Закрывались частные вузы, высшие курсы, профессиональные общества, негосударственные издательства. Государство вытесняло из этой сферы всех иных субъектов. Например, открытое в соответствии с нормами Гражданского кодекса в 1922 г. кооперативное издательство «Право и жизнь», выпускающие одноименный журнал и иную юридическую литературу, было полностью ликвидировано в начале 1930-х гг.

Исследователями истории науки ранее отмечалось, что «исторически в России сложились две институциональные формы организации науки: институты, входившие в структуру Академии наук, и университеты» [1, с. 254]. В Российской империи юридические факультеты университетов были многочисленными, по количеству студентов и преподавателей конкурировали только с медицинскими факультетами. Юридическая наука во многом развивалась на университетских кафедрах. Однако уже

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 20-011-00523 «Эволюция науки истории права и государства России XVIII–XX вв.».

в 1919 г. возможность поддержания научного потенциала юридической науки в университетах была существенно ограничена в связи с организацией объединенных факультетов общественных наук. Полноценное восстановление университетского сегмента науки началось только в конце 1940-х гг., после воссоздания в составе университетов самостоятельных юридических факультетов и издания постановления ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране». Однако вузы в большей степени ориентировались на образовательную, а не научную деятельность. Показательно, что в системе Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР действовало только одно научное учреждение юридического профиля — проблемная лаборатория по изучению вопросов борьбы с рецидивной преступностью при Томском государственном университете.

Этатизация и идеологизация в отношении юридической науки проявилась в мероприятиях по созданию специализированных научных учреждений обществovedческого профиля, лучше контролируемых властью. Поэтому, сохраняя в Петрограде (позднее — в Ленинграде) ряд подразделений прежней Академии наук, в Москве в 1918 г. создается альтернативный центр — Социалистическая академия общественных наук, реорганизованная в 1924 г. в Коммунистическую академию. В рамках Коммунистической академии был создан Институт советского строительства, его официальное открытие состоялось в 1925 г. Еще одним научным юридическим учреждением стал Институт советского права, возникший на базе кабинета государственного права МГУ и вошедший затем, как и большинство аналогичных учреждений, в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Период относительной организационной вариантности для юридических научных учреждений заканчивается в 1930-е гг. и связан с двумя объединительными мероприятиями. Первое заключалось в слиянии Института советского строительства и Института советского права в одно научное учреждение — Институт советского строительства и права, второе — с академической реформой 1934 г., предусматривавшей включение в Академию наук СССР институтов Коммунистической академии. В составе академии остается научный институт юридического профиля, в современном названии это Институт государства и права РАН.

Идеологическая парадигма государственной политики обеспечивалась как путем реализации организационных решений, так и через определение наиболее актуальных исследовательских направлений и кадровый отбор. До 1930-х гг. приоритетной считалась разработка теоретических

основ социалистического государства и права и учения о советской Конституции. Утверждение новой концепции, призванной базироваться на марксистско-ленинской методологии, шло непросто, в конце 1930-х гг. идеи ведущего теоретика советского права Е. Б. Пашуканиса были объявлены вредительскими, неоднократно переиздававшиеся труды изъяты из открытого пользования, а сам ученый репрессирован. Первый учебник по теории государства и права, определивший исходные позиции для развития правовой доктрины и отраслевой науки, был напечатан только в 1940 г. Несмотря на задаваемые идеологические установки, тематическая исследовательская сфера характеризовалась определенной автономностью. Продолжали изучаться ставшие неактуальными темы, относящиеся к истории права, частному праву, криминологии и др. Кроме того, сами ученые могли демонстрировать поведение, существенно корректирующее политическую линию. Например, именно твердая позиция граждан по вопросу о самостоятельности предмета и метода гражданского права препятствовала созданию Хозяйственного кодекса и поглощению гражданского права хозяйственным правом. Кадровая политика ориентировалась на привлечение в науку лиц подходящего социального происхождения, членов партии и комсомола. Например, партийная принадлежность являлась необходимым условием при поступлении в Институт красной профессуры советского строительства и права (работал с 1921 по 1938 гг.). В совокупности с требованием о необходимом уровне образования (желательным было оконченное высшее), оно оказывалось трудновыполнимым. В итоге выделенные места заполнялись неполностью и тогда «экстренно помогали переводы слушателей из других учебных заведений» [2, с. 280]. Нередко, особенно в позднесоветский период, предпочтение отдавалось профессиональным компетенциям, поэтому среди ведущих ученых-юристов было немало тех, кто не состоял в КПСС.

Важным компонентом научной политики являлся утилитаризм. Он прослеживается в уже рассмотренных организационных решениях: перед научными учреждениями ставились конкретные задачи (обобщение опыта советского строительства, разработка законодательства и др.). Можно продолжить подобные примеры: в 1936 г. для разрешения практических вопросов на базе бывшего Государственного института по изучению преступности и преступника создан Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН), в 1963 г. он был переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства (ВНИИСЗ). Именно на него в 1970-е гг. была возложена задача координации деятельности в связи с составлением Свода законов СССР.

Показательным примером оценки «полезности» отдельных юридических наук является эволюция отношения к истории права. Если после революции 1917 г. история государства и права ассоциировалась с эксплуататорским государством, которое уничтожила советская власть, то к середине 1930-х гг. осознается ценность историко-правовых наук в обосновании ведущей роли государства в обеспечении общественного прогресса, а законодательства — как социального регулятора. Кроме того, признается просветительская и культурологическая миссия исторического знания. Возвращается изучение гражданской истории в школах, восстанавливаются историко-правовые дисциплины в учебных программах подготовки юристов.

Таким образом, основными чертами государственной политики в сфере юридических наук в советский период являлись этатизация, идеологизация, утилитаризм. На разных этапах развития Советского государства и общества их влияние проявлялось по-разному, смягчаясь в позднесоветский период.

Список источников

1. *Кожевина М. А., Ящук Т. Ф.* Институциональные основы организации юридической науки в России // Омские научные чтения : мат-лы Четвертой Всерос. науч. конф. Омск, 2020.

2. *Долгова Е. А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М., 2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулло Абдулло Рахматулло — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии МВД Республики Таджикистан (Душанбе).

Алтынбаева Лилия Мударисовна — кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Антонов Евгений Алексеевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.

Ашенова Торгын Мухамедьяровна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Бабурин Василий Васильевич — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений Омской академии МВД России.

Баранов Алексей Михайлович — начальник кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях Омской академии МВД России.

Бекмурзинова Камила Кайратовна — преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России.

Бондаренко Инна Александровна — аспирант Таганрогского института управления и экономики.

Борков Виктор Николаевич — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Бучакова Марина Александровна — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и международного права Омской академии МВД России.

Быков Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Быкова Анастасия Геннадьевна — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного и международного права Сибирского юридического университета (Омск).

Васильев Павел Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правовых дисциплин Ульяновского филиала РАНХиГС.

Васильева Евгения Владимировна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Волк-Леонович Станислав Олегович — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Вставский Виталий Викторович — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Гененко Яна Петровна — командир взвода Омской академии МВД России.

Герасименко Тамара Юрьевна — практикующий юрист, соискатель ученой степени кандидата юридических наук (Санкт-Петербург).

Гильденберг Виталий Николаевич — старший преподаватель Университета инновационных технологий образования «Кластер», соискатель кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Грязнова Татьяна Евгеньевна — доктор юридических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Гудкова Анна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний.

Давыдова Марина Леонидовна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета.

Демидова Ирина Андреевна — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правовых дисциплин Могилевского института Министрства внутренних дел Республики Беларусь.

Денисенко Владислав Валерьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Воронежского государственного университета.

Елисеева Галина Валерьевна — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Сибирского юридического университета (Омск).

Зайцева Екатерина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России.

Иванов Роман Леонидович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Карпов Константин Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Омской академии МВД России.

Кожевина Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Купцова Ольга Борисовна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового и экологического права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского.

Лазарева Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии.

Малева Элина Михайловна — старший преподаватель Университета инновационных технологий образования «Кластер», соискатель кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Матиенко Татьяна Львовна — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Матюшенко Светлана Владимировна — доктор педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России.

Минникес Ирина Викторовна — доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета (Иркутск).

Миронова Галина Николаевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Морозов Андрей Анатольевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Москаленко Глеб Евгеньевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Мурин Дмитрий Анатольевич — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Нечепуренко Алексей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, начальник редакционно-издательского отдела Омской академии МВД России.

Никитчик Алина Александровна — адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.

Парфенов Александр Вячеславович — кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Поляков Сергей Борисович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета.

Попов Дмитрий Владимирович — кандидат философских наук, доцент, начальник кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Порватова Людмила Васильевна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Рой Роман Олегович — аспирант кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Сапунков Андрей Анатольевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Сапунков Никита Андреевич — аспирант кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Сидоркин Юрий Викторович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России.

Синченко Георгий Чонгарович — доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры философии и политологии Омской академии МВД России.

Таранова Александра Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.

Терехова Лидия Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Турышев Александр Александрович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России.

Усенков Иван Алексеевич — ассистент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета.

Феднева Наталия Львовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя.

Филонова Олина Игоревна — кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург).

Фоменко Анатолий Александрович — старший преподаватель кафедры адаптивной и физической культуры, заместитель декана по внеучебной работе факультета физической культуры, реабилитации и спорта, соискатель кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Форукшина Екатерина Алексеевна — соискатель кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург).

Червяковский Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России.

Шабуров Александр Вадимович — главный специалист отдела судебной защиты Департамента имущественных отношений Администрации города Омска.

Шарно Оксана Игоревна — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета.

Шаршун Виктор Александрович — кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь (Минск).

Шишкин Василий Владимирович — старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

Шкаплеров Юрий Павлович — кандидат юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Могилевского института МВД Республики Беларусь.

Ящук Татьяна Федоровна — доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Бучакова М. А. Проблемы конституционного правообразования.	3
Грязнова Т. Е. Проблемы правотворчества в юридической науке Российской империи конца XIX — начала XX вв.	5
Денисенко В. В. Легитимность права и правообразование	8
Матиенко Т. Л. Особенности правообразования в Древней Руси: правовой обычай и закон	10
Поляков С. Б. Право и политика = правила и ручное управление = стихия и рациональность	14
Синченко Г. Ч. Параллелизм властного и экспертного дискурса (на примере научного обсуждения проблемы обновления списка нормативных словарей, грамматик и справочников)	19
Терехова Л. А. Унификация и кодификация гражданского процессуального законодательства	21
Шаршун В. А. Цифровизация нормотворчества в Республике Беларусь в ретроспективе и перспективе.	25

РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ:

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Быкова А. Г. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в процессе правообразования	31
Давыдова М. Л. Правовой эксперимент и экспериментальный правовой режим в механизме правообразования: проблемы соотношения.	35
Демидова И. А. Правовая традиция как фактор формирования и развития современного права	39
Елисеева Г. В. Сравнительный анализ формирования права в англосаксонской и романо-германской правовых семьях	42

Зайцева Е. С. Правообразующие факторы и их влияние на пределы правового регулирования	44
Иванов Р. Л. Правотворческая компетенция	47
Купцова О. Б. Техничко-юридические основания современного правообразования: специфика и тенденции развития	51
Лазарева О. В. Правообразующая воля: вопросы теории и практики . . .	54
Матюшенко С. В. Зависимость правообразования от судебной практики. . .	57
Минникес И. В. Проблема общеобязательности норм, содержащихся в партийных правовых актах	59
Морозов А. А. Проблема границ свободы совести: юридический и политический контексты	64
Москаленко Г. Е. Влияние общественной солидарности на происхождение государства в политико-правовой концепции М. М. Ковалевского.	67
Парфенов А. В. К вопросу о роли юридической науки в процессе правообразования (в контексте идеи компромисса).	69
Попов Д. В. Философия права в «новом цифровом мире»: зримое отсутствие или незримое присутствие?	73
Порватова Л. В. Властные институты и социальные нормы в первобытном обществе: историко-правовой аспект	78
Сидоркин Ю. В. Особенности ведомственного правотворчества МВД в российском дореволюционном правообразовании начала XX века	82
Фоменко А. А. Спорт как элемент правового регулирования: от древности до современности	85
Червяковский А. В. Правовая информация и правовая коммуникация. . .	87
Шабуров А. В. Правообразование и правовое регулирование: соотношение категорий.	89
Шарно О. И. Экологический фактор правообразования: междисциплинарный подход.	90
Шишкин В. В. Присяга как основа возникновения правоотношений в Московском царстве	94

РАЗДЕЛ III. ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВООБРАЗОВАНИЯ

Абдулло А. Р. Адвокатура и нотариат как институты, призванные содействовать организации правоохранительной деятельности.	96
---	----

Алтынбаева Л. М. Нерабочие дни как новое правовое понятие	100
Ашенова Т. М. К вопросу об источниках образовательного права . . .	102
Бабурин В. В. Признаки существования и условия формирования подотраслей в российском уголовном праве	105
Бекмурзинова К. К. Принципы доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения	108
Борков В. Н. О перспективе борьбы уголовно-правовыми средствами с захватом представительной власти путем обмана.	110
Быков А. В. Развитие советского пенитенциарного законодательства в начале 1920-х гг.	114
Карпов К. В. Самозанятые граждане: некоторые итоги проведения эксперимента	115
Миронова Г. Н. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования в сфере противодействия коррупции.	118
Мурин Д. А. Развитие уголовно-правовых норм отечественного законодательства, предусматривающих ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем	120
Нечепуренко А. А. Подходы к совершенствованию законодательного регулирования института судимости	123
Турьшев А. А. Идеальная модель правотворчества уголовного закона. .	126
Феднева Н. Л. К вопросу о предпосылках институализации полицейского права в Российской империи	130
Филонова О. И. Особенности правообразования в сфере гражданского процесса в 1920-х гг.	133
Шкаплеров Ю. П. Регламентация института мер пресечения в досудебном производстве согласно положениям Свода законов Российской империи	137

РАЗДЕЛ IV. ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Бондаренко И. А. Проблемы правообразования в сфере гуманизации деятельности пенитенциарных учреждений Российской империи	141
Вставский В. В. Принципы правотворчества в учении Н. М. Коркунова	142

Гильденберг В. Н. История регионального правообразования: крестьянские начальники как орган судебно-административного управления Сибири и Степного края (1898–1917 гг.)	144
Малева Э. М. Опыт университетской реформы 1863 г. в системе антикоррупционного правообразования Российской империи.	145
Никитчик А. А. Принцип законности в учении о праве Г. Ф. Шершеневича	146
Рой Р. О. Начальный этап становления генеральных планов городов в Российской империи	147
Сапунков Н. А. Правообразование в сфере феодальных поземельных отношений в России XV – начала XX вв.	149
Усенков И. А. Влияние национального «мягкого права» на стабильность законодательства	150
Форушкина Е. А. О некоторых аспектах современного этапа развития российского наследственного права	151

РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Антонов Е. А., Таранова А. Е. Постклассические философско-методологические основания юридической науки	153
Баранов А. М. Исторический аспект в научно-педагогическом исследовании (на примере подготовки сотрудников, привлекаемых к проведению контртеррористических и иных специальных мероприятий)	157
Васильев П. В. Предметно-методологическое значение научной юридической проблемы в категориальном аппарате юридической науки.	162
Васильева Е. В. К. А. Неволин и его «Энциклопедия законоведения»: вклад в отечественную юридическую науку	166
Волк-Леонович С. О. К проблеме периодизации истории государства и права	169
Гененко Я. П. Научные подходы к пониманию гражданского общества в контексте теоретических воззрений Н. М. Коркунова и С. А. Муромцева.	170
Герасименко Т. Ю. Гендерный аспект права полицейских на отпуск по уходу за ребенком в контексте решения Европейского Суда по правам человека	172

Гудкова А. В. Применение историко-лингвистического анализа нормативных актов в контексте преподавания историко-правовых дисциплин.....	173
Кожевина М. А. Юридическое науковедение: понятие, структура, методология	177
Сапунков А. А. Магистр и магистратура в системе юридического образования и науки Российской империи XIX–начала XX вв.	181
Ящук Т. Ф. Государственная политика в сфере юридической науки в советский период	186
Сведения об авторах	190

Научное издание

ПРАВО И ПОЛИТИКА:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

*Материалы Девятой международной
научно-практической конференции*

Редактор А. Н. Великих

Корректор Л. И. Замулло

Технический редактор П. В. Ярославцева

ИД № 03160 от 02 ноября 2000 г.

Подписано в печать 01.06.2022. Формат 60×84/16. Бумага офсетная № 1.

Усл. печ. л. 11,6. Уч.-изд. л. 11,0. Тираж 130 экз. Заказ № 165.

Редакционно-издательский отдел

Отделение полиграфической и оперативной печати

644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7